

CONTENTS

Translations of Georgian poet N. Baratashvili into Russian Language in the Aspect of Cross-Cultural Communication	Gogoladze Tamar Akhmedionowna	11
The Ancient Slavs in the Russian Poetry of the 19th Century	Nesterova Tatyana Petrovna	29
The Mystery of the Story "The White Eagle" by N.S. Leskov	Novikova-Stroganova Alla Anatolievna	51
The Interaction of the Deictic and Pragmatic Components in the Semantics of the Belarusian and English Possessive Pronouns: the Comparative Aspect	Artiomava Olga Alexandrovna	71
Some Aspects of the Phenomenon of Borrowing in the Terminology of Information Technology	Goncharova Natalya Nicolaevna	87
Commercial Correspondence: Pragmatics, Semantics, Syntax	Guryeva Natalia Yurevna	111
The Difficulty of Translating the "New" Russian Poetry into Polish	Ermashova Irina; Krzysztof Skibski	133
Features of the Categorization of Knowledge about the World in Phraseological Semantics	Zakharova Nadezhda Nicolaevna	155
Names of Wedding Ransoms for the Bride in the Nizhny Novgorod Dialects	Nikiforova Olga Valentinovna	173
Studying the Category of Femininity by Iranian Students	Sannikova Nataliya Yurevna	187
A Phrasematic Key to the Russian Verb-Nominal Constructions: The Workshop of the Computational Phraseography	Fedorushkov Yury Glebovich	209
The Motive of Suicide in the Novel by M.E. Saltykov-Shchedrin "The Golovlyov Family" in the Context of Christian Culture	Larionova Natalya Petrovna	227
.....		
Persian Abstracts		7

Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka i Literatury

Scientific journal

Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka i Literatury

Iranian Association of Russian Language and Literature

The journal is published twice a year, supported by
Iranian Association of Russian Language and Literature

Managing Editor: Janolah Karimi-Motahhar

Editor-in-Chief: Marzieh Yahyapour

Executive Secretary: M. Mohammad Beygi

Scientific Editor: S.V. Shustova

Editorial Board:

Ahmadi Mireyla, Associate Professor of the Russian Language Department, Tarbiat Modarres University (Tehran, Iran)

Akhmetshin R.B., Associate Professor of the Department of the History of Russian Literature, Moscow State University (Moscow, Russia)

Gholami Hossein, Professor of the Department of Russian Language and Literature, University of Tehran (Tehran, Iran)

Golovin V.V., Doctor of Philology, Professor, Director of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia)

Yerofeva T.I., Doctor of Philology, Professor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Perm State National Research University (Perm, Russia)

Zavyalova E.E., Doctor of Philology, Professor of the Department of Literature, Faculty of Philology and Journalism, Astrakhan State University (Astrakhan, Russia)

Kazieva A.M., Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature of the Pyatigorsk Linguistic University (Pyatigorsk, Russia)

Karimi-Motahhar Janolah, Professor of the Department of Russian Language and Literature, University of Tehran (Tehran, Iran)

Kotelnikov V.A., Doctor of Philology, Professor, Chief Researcher of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Department of New Russian Literature (St. Petersburg, Russia)

Mohammadi Mohammad-Reza, Associate Professor of the Russian Language Department, Tarbiat Modarres University (Tehran, Iran)

Shustova S.V., Doctor of Philology, Professor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Perm State National Research University (Perm, Russia)

Yahyapour Marzieh, Professor of the Department of Russian Language and Literature, University of Tehran (Tehran, Iran)

It was founded in 2013.

ISSN 2345-2498

e-ISSN 2476-3500

Tehran - Iran

<http://www.journaliarll.ir>

International Editorial Board:

Aloe Stefano, Doctor of Philology, Professor of Russian literature and Slavic Studies, Department of Foreign Languages and Literatures, University of Verona (Verona, Italy)

Broda Marian, Doctor of Humanities sciences, Professor of European's explore, University of Lodz (Lodz, Poland)

Vidmarovich Natalia Petrovna, Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Language Division of the East Slavic Languages and Literatures Faculty of Philosophy, University of Zagreb (Zagreb, Croatia)

Koshemchuk Tatiana Alexandrovna, Doctor of Philology, Professor of the Department of Linguistics and Intercultural Communication, St. Petersburg Agrarian University (Saint-Petersburg, Russia)

Lepakhin Valery Vladimirovich, Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Philology of the University of Szeged (Szeged, Hungary)

Liutskanov Yordan Dimitrov, Doctor of Russian literature, associate professor of the Institute for Literature, Bulgarian Academy of Sciences (Sofia, Bulgaria)

Melville Firuza Abdullaeva, Doctor of Philology, Director of the research center of Iranian studies, Faculty of Asian and Middle Eastern Studies, University of Cambridge (Cambridge, UK)

Modebadze Irine Igorevna, Doctor of Philology, Senior Researcher, Department of Theory of Literature and Comparative Literature, Shota Rustaveli Institute Of Georgian Literature (Tbilisi, Georgia)

Molnar Angelika, Ph.D. in Philology, Associate Professor of the Department of Russian Language and Literature, University of West Hungary (Szombathely, Hungary)

Motorin Alexander Vasilievich, Doctor of Philological Sciences, Professor, The Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russia).

Nazibekova Mehrinissa, Doctor of Philology, Professor of Faculty of Russian language and literature, Tajik National University (Dushanbe, Tajikistan)

Nike Michelle, Ph.D., Professor at the University of Caen-Normandy (Caen-Normandy, France)

Sawada Kazuhiko, Doctor of Philology, Professor of Faculty of Humanities, Saitama University (Saitama, Japan)

Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka i Literatury

"Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka i Literatury" is published in Iran with the aim of publishing original research on the Russian language and literature. The content of the article should correspond to the subject of the journal. Articles prepared in the following fields are accepted: general linguistics, comparative and comparative linguistics, socio- and psycholinguistics, functional grammar, literature, comparative literary criticism, linguodidactics, and translation studies.

Requirements for the article:

- The forwarded articles should be the results of research by the author(s) of the article.
- The language of the journal is Russian.
- The forwarded articles should not be sent for other journals simultaneously, or it should not be published in other journal.
- Materials forwarded to the editorial office can not be returned.
- Article structure: title, abstract (120-140 words), keywords (5-7 words), introduction, main text, conclusion and list of used literature (in Russian and English). The main text should not be less than 3000 and more than 4000 words.
- At the beginning of the article: full title of the article, name and surname, place of work, academic degree, rank, e-mail address, telephone of the author(s).
- Information about quoted sources in the text of the article have to given in parentheses, including the author's surname, year of publication of the source and page numbers (Ivanov 2013. 92).
- Bibliographic references contain the mandatory elements of the description in the strict sequence in alphabetical order of the author's surnames as follows:
- **Book:** surname, date of publication (in parentheses), *title of main and non-main work (italics are typed)*, place of publication, publishing house.
- **Article:** surname, name, date of publication (in parentheses), title of article, *title of journal or collection of articles (italics)*, year and magazine number, place of publication and publishing house for the first and last pages of the article.
- **Internet sources:** surname, name, title of the work, full address of the Internet (site), date of circulation.
- Materials are provided in the following form: in the Word editor 1997-2003; font "Times New Roman"; the main text is size 14; interval 1.5; upper and lower margins -2.5 cm; left field -3 cm, right field -1.5 cm; indent (paragraph) -1.25 cm.
- You can send the article to the email address of the editor in chief:
myahya@ut.ac.ir, journaliar11@gmail.com

Во имя Аллаха Милостивого, Милосердного!

СОДЕРЖАНИЕ

Переводы поэзии грузинского поэта Н. Бараташвили на русский язык в аспекте межкультурных коммуникаций	Гоголадзе Тамар Ахмедиевна	11
Древние славяне в русской поэзии XIX века	Нестерова Татьяна Петровна	29
Тайна рассказа Н.С. Лескова «Белый орёл»	Новикова-Строганова Алла Анатольевна	51
Взаимодействие дейктического и прагматического компонентов в семантике белорусских и английских притяжательных местоимений: сопоставительный аспект	Артемова Ольга Александровна	71
Некоторые аспекты явления заимствования в терминологии информационных технологий	Гончарова Наталия Николаевна	87
Коммерческая корреспонденция: прагматика, семантика, синтаксис	Гурьева Наталья Юрьевна	111
Трудности перевода „новой“ русской поэзии на польский язык	Ермашова Ирина Александровна; Кшиштоф Скибски	133
Особенности категоризации знания о мире в фразеологической семантике	Захарова Надежда Николаевна	155
Наименования свадебных выкупов за невесту в нижегородских говорах	Никифорова Ольга Валентиновна	173
Изучение категории женскости иранскими студентами	Санникова Наталия Юрьевна	187
Фразематический ключ к вербономинальным конструкциям русского языка: мастерская компьютерной фразеологии	Федорушков Юрий Глебович	209
Мотив самоубийства в романе М.Е.Салтыкова-Щедрина «Господа Головлёвы» в контексте христианской культуры	Ларионова Наталия Петровна	227
.....		
Краткие содержания		7

Исследовательский Журнал Русского Языка и Литературы

Научный журнал
Исследовательский журнал русского языка и литературы

Иранская ассоциация русского языка и литературы
Журнал выходит 2 раза в год при поддержке
Иранской ассоциации русского языка и литературы

Ответственный редактор:

Дж. Карими-Мотаххар

Главный редактор:

Марзие Яхьяпур

Ответственный секретарь:

М. Мухаммадбегии

Научный редактор:

С.В. Шустова

Редакционная коллегия:

Ахмади Мирейла, доцент кафедры русского языка, Университет тарбият модаррес (Тегеран, Иран)

Ахметшин Р.Б., доцент кафедры истории русской литературы, Московский государственный университет (Москва, Россия)

Голами Хосейн, профессор кафедры русского языка и литературы, Тегеранский университет (Тегеран, Иран)

Головин В.В., доктор филологических наук, профессор, директор Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской Академии наук (Санкт-Петербург, Россия)

Ерофеева Т.И., доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания, ФГБОУ ВПО «Пермский государственный национальный исследовательский университет» (Пермь, Россия)

Завьялова Е.Е., доктор филологических наук, профессор кафедры литературы факультета филологии и журналистики ФГБОУ ВПО «Астраханский государственный университет» (Астрахань, Россия)

Казиева А.М., доктор филологических наук, профессор кафедры отечественной и зарубежной литературы ФГБОУ ВПО «Пятигорский лингвистический университет» (Пятигорск, Россия)

Карими-Мотаххар Джанолах, профессор кафедры русского языка и литературы, Тегеранский университет (Тегеран, Иран)

Котельников В.А., доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской Академии наук, Отдел новой русской литературы (Санкт-Петербург, Россия)

Мохаммади Мохаммад-Реза, доцент кафедры русского языка, Университет тарбият модаррес (Тегеран, Иран)

Шустова С.В., доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания, ФГБОУ ВПО «Пермский государственный национальный исследовательский университет» (Пермь, Россия)

Яхьяпур Марзие, профессор кафедры русского языка и литературы, Тегеранский университет (Тегеран, Иран)

Основан в 2013 году.

ISSN печатной версии 2345-2498

ISSN электронной версии 2476-3500

Тегеран - Иран

<http://www.journaliarll.ir>

Международный редакционный совет:

Алоэ Стефано, доктор филологических наук, профессор русской литературы и славяноведения, департамент иностранных языков и литератур, Университет г. Вероны (Верона, Италия)

Брода Мариан, доктор гуманитарных наук, профессор кафедры европейских исследований, Лодзинский университет (Лодзь, Польша).

Видмарович Наталия Петровна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Отделения восточнославянских языков и литератур Философского факультета Загребского университета (Загреб, Хорватия)

Кошемчук Татьяна Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Санкт-Петербургский аграрный университет (Санкт-Петербург, Россия).

Лепяхин Валерий Владимирович, доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии Сегедского университета (Сегед, Венгрия).

Люцканов Йордан Димитров, доктор русской литературы, доцент Института литературы Болгарской академии наук (София, Болгария).

Мелвилл Фируза Ибодуллаевна, доктор филологии, Директор Центра Иранистических исследований, Пемброк Колледж, Кембриджский университет (Кембридж, Великобритания).

Модебадзе Иринэ Игоревна, доктор филологии, старший научный сотрудник Отдела теории литературы и компаративистики, Институт грузинской литературы им. Шота Руставели (Тбилиси, Грузия)

Молнар Ангелика, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, Западновенгерский Университет (Сомбатхей, Венгрия)

Моторин Александр Васильевич, доктор филологических наук, профессор, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого (Великий Новгород, Россия).

Нагзибекова Мехриниссо – доктор филологических наук, профессор, Таджикский национальный университет (Душанбе, Таджикистан)

Никё Мишель, доктор филологических наук, профессор Университета Кана-Нормандии (Кан-Нормандия, Франция)

Савада Кадзухико, доктор филологических наук, профессор гуманитарного факультета, Государственный университет Сайтама (Сайтама, Япония)

Исследовательский Журнал Русского Языка и Литературы

"Исследовательский журнал русского языка и литературы" издается в Иране с целью публикации оригинальных исследований, посвященных русскому языку и литературе. Содержание статьи должно соответствовать тематике журнала. Принимаются статьи, подготовленные в следующих областях: общее языкознание, сравнительное и сопоставительное языкознание, социо- и психолингвистика, функциональная грамматика, литература, сравнительное литературоведение, лингводидактика, переводоведение.

Требования к оформлению статьи:

- Присланные статьи должны быть результатами исследований автора (авторов) статьи.
- Язык журнала – русский.
- К изданию принимаются статьи, ранее нигде не публиковавшиеся.
- Поступившие в редакцию материалы возврату не подлежат.
- Структура статьи: название, аннотация (120-140 слов), ключевые слова (5-7 слов), введение, основной текст, заключение и список использованной литературы (на русском и английском языках). Основной текст не должен быть менее 3000 и более 4000 слов.
- В начале статьи помещаются: полное название статьи, имя и фамилия, место работы, ученая степень, звание, адрес электронной почты, телефон автора (авторов).
- Сведения о цитируемых источниках в тексте статьи приводятся в скобках, включая фамилию автора, год издания источника и номера страниц (Иванов 2013. 92).
- В библиографических ссылках приводятся обязательные элементы описания в строгой последовательности по алфавитному порядку фамилий авторов нижеследующим образом:
Книга: фамилия, дата издания (в скобках), название основного и неглавного произведения (набираются курсивом), место издания, издательство.
Статья: фамилия, имя, дата издания (в скобках), название статьи, название журнала или сборника статей (набираются курсивом), год и номер журнала, место издания и издательства для сборника статей первая и последняя страницы статьи.
Интернет-источники: фамилия, имя, название произведения, полный адрес интернета (сайта), дата обращения.
- Материалы предоставляются в следующем виде: в редакторе Word 1997–2003; шрифт “Times New Roman”; основной текст – кегль 14; интервал 1,5; верхнее и нижнее поля –2,5 см; левое поле –3 см, правое поле –1,5 см; отступ (абзац) – 1,25 см.
- Вы направляете статью на электронный адрес главного редактора: myahya@ut.ac.ir, journaliarll@gmail.com



Sponsored and Indexed by
CIVILICA
We Respect the Science



پایگاه استنادی علوم جهان اسلام

SID



"Лицензионный договор с ООО НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ
БИБЛИОТЕКА от 26 января 2016 г. № 18-01/2016 на размещение
журнала в РИНЦ."
http://elibrary.ru/title_about.asp?id=56226

"License agreement with LLC SCIENTIFIC ELECTRONIC
LIBRARY of January 26, 2016 No. 18-01 / 2016 for the publication
of the journal in the RINC."
http://elibrary.ru/title_about.asp?id=56226

Translations of Georgian poet N. Baratashvili into Russian Language in the Aspect of Cross-Cultural Communication

Gogoladze Tamar Akhmedionowna¹

Professor, Gori State Teaching University,
Gori, Georgia.

(date of receiving: October, 2017; date of acceptance: August, 2018)

Abstract

Common fact that literary translation is a kind of literary process, which itself is the beginning of a new literary life and thinking, promotes cross-cultural communication, concerns creative translation of the Georgian romantic poet of the 19th century Nikoloz Baratashvili (1817-1845) on various languages. The translations of N. Baratashvili were not published during the poet's life. The process of translating his works becomes more active especially after the 1920s of the last century. Baratashvili's works were translated into Russian both by Georgian and Russian poets and translators: V. Gaprindashvili, B. Pasternak, G. Tsagareli, M. Dudin and others. All-Union competition, announced in 1966, gave possibility to poets and literary critics of various nationalities to introduce the Georgian masterpiece, "Merani," to foreign readers relying on the Russian translation. Our article highlights some Russian translations of the works of N. Baratashvili, which is still great importance in the development of intercultural communication.

Keywords: Translations of Poetry, Common Fact, N. Baratashvili, Russian Translation, Literary Life.

1. E-mail: Tamilagogoladze@gmail.com

Переводы поэзии грузинского поэта Н. Бараташвили на русский язык в аспекте межкультурных коммуникаций

Гоголадзе Тамар Ахмедиевна¹

Профессор, Горийский государственный университет,
Гори, Грузия.

(дата получения: октябрь 2017 г.; дата принятия: август 2018 г.)

Аннотация

Общественный факт, что литературный перевод представляет собой разновидность литературного процесса, который сам становится началом новой литературной жизни и мышления, способствует развитию межкультурных коммуникаций, касается и перевода творчества грузинского поэта-романтика XIX в. Николоза Бараташвили (1817–1845) на разных языках; Переводы Н. Бараташвили не были изданы при жизни поэта. Процесс перевода его произведений особенно активизируется после 20-х гг. прошлого столетия. Бараташвили переводили на русский язык как грузинские, так и русские поэты и переводчики: В. Гаприндашвили, Б. Пастернак, Г. Цагарели, М. Дудин и др. Всесоюзный конкурс, объявленный в 1966 г., дал возможность поэтам и литературоведам разных национальностей, опираясь на русский перевод, познакомить читателей с грузинским шедевром. Особенно значительны русские переводы Б. Пастернака, который старался при переводе быть предельно близким современному читателю.

Ключевые слова: Переводы Поэзии, Общественный Факт, Н. Бараташвили, Русский Перевод, Литературная Жизнь.

1. E-mail: Tamilagogoladze@gmail.com

Введение

Общеизвестный факт, что литературный перевод представляет собой разновидность литературного процесса, способствует развитию межкультурных коммуникаций, даёт возможность интересоваться переводом с одного языка на другой и возможность для читателя быть близким к шедеврам мировой культуры. «Индивидуальное своеобразие авторской манеры, проявляющееся во всём творчестве писателя или в отдельном произведении, также как и национальное своеобразие литературы и его историческая окраска, не составляют какого-то отдельного формально выраженного элемента, а представляют собой сложную систему «взаимосвязанных и взаимопереплетающихся особенностей, затрагивающих всю ткань произведений и выражающуюся в языковых образах», отмечал А.В. Фёдоров (Фёдоров 1968. 337). И далее, особенное внимание уделял языку, так как «Всякая удача разрешаемая в переводе (идейно-познавательная- применительно к научной литературе, идейно-эстетическая – применительно к литературе художественной), разрешается только языковыми средствами» (Там же. 10).

Переводческая традиция в Грузии существует издавна (ещё с античного периода), но с принятием грузинским народом христианства, усиливается стремление к переводу Библии и Жития святых. Здесь и формируются законы переводческой деятельности (что и как переводить). (Гиорги Мтацминдели, Эфрем Мцирэ). В связи с политическими событиями грузины переводят с персидского и турецкого (но только художественную литературу).

В это время, в западной истории перевода формируются два принципа: дословный и свободный перевод. После распространения романтизма в Грузии (с начала XIX в.), литераторы, общественные деятели, наряду с персидским, турецким и греческим, овладевают и русским, немецким, французским языками (с I половины XIX в.). А с 60-х гг. XIX в. под руководством

грузинского писателя и общественного деятеля Ильи Чавчавадзе (1837–1907), уже строго определяются принципы перевода.

К этому периоду творчество гениального грузинского поэта-романтика Николоза Бараташвили (1817–1845) было известно только в литературных салонах.

Потомок царя Ираклия II писал: «Ужасна была судьба Бараташвили. С самой ранней юности, придавленной тяжёлой жизнью, поэт, на первый взгляд, как будто примирился с горькой участью и погрузился в удручающие мелочи повседневного прозябания. Но нет, внутренний голос вновь и вновь звал его к подвигу. Он верил, что был призван служить возвышенной цели, чувствовал у себя могучие крылья, и знал, как высоко он мог взлететь. У него было лишь одно истинное убежище, где он мог целиком раскрыть свою душу и следовать внутреннему голосу без оглядки. Этим убежищем была поэзия. Здесь он был независим и свободен от окружающего лживого, беспощадного и жестокого мира... Он возвращался к природе и сливался с ней, как частица, некогда отторженная от целого... Бараташвили, как и современных ему романтиков запада, влечёт задумчивая тишина...» (Абашидзе 1968. 28–29).

В творчестве Бараташвили привлекает писателя зрелость философского мышления, возвышенный художественный стиль, простота языка. Отсюда и стремление к переводу на языки Российской империи (русский, азербайджанский, армянский и др.).

В данной статье мы старались определить, что привлекло в творчестве Н. Бараташвили читателя и какакая роль принадлежит ему в межкультурной коммуникации.

Основная часть

Поэзия Н. Бараташвили отличается своей, грузинской, совместно общечеловеческой художественной особенностью. Здесь почти отсутствуют

восточные мотивы, характерные литературе XVII–XVIII вв. Она очень близка творчеству великих романтиков своего времени (Д. Байрону, М.Ю. Лермонтову) и поэтому нередко его называли поэтом принадлежащим «школе Байрона». Литераторы находили параллели с этими романтиками, возникшие независимо друг от друга на аналогичном социально-историческом фоне. Как отмечал исследователь Павле Ингорква (анализируя стихотворение Н. Бараташвили «Соловей и роза»), нигде, ни в старогрузинской, и вообще, в восточной поэзии: ни в иранской, ни в арабской, такая художественная разработка темы «Розы и соловья» не встречается.

Поэт-символист Валериан Гаприндашвили, который одним из первых переводил его стихотворения, писал: «Если представить себе поэзию как маскарад, Бараташвили будет самой траурной фигурой этого маскарада.

Бараташвили – Гамлет грузинской поэзии. Его стихотворения подобны монологам датского принца и сам он, как будто в маске Гамлета поёт свои стихи и произносит «быть или не быть»: Бараташвили первым из грузинских поэтов осмелился заглянуть в лицо своей думе – Медузе. И его поэзия – странный и жуткий диалог между поэтом и его двойником» (Гаприндашвили 1922. 18)

Бараташвили – первый Дионис грузинской поэзии, в которой с исключительной силой воплощено безумие и оригинальность мечты, возжаждавшей чуда». (Там же.)

Валериан Гаприндашвили, как и многие поэты и прозаики, сам интересовался теорией перевода. Об этом свидетельствует незаконченная рукопись статьи «О переводе», где Гаприндашвили даёт краткий обзор истории переводческой традиции мировой литературы и предлагает новый подход – адекватный перевод, когда переводчик должен подробно изучить писателя и его эпоху, произведения сочинителей его направления или школы, взгляды его противников (как например Стендаля и Шатобриана, Шекспира и

Бена Джонсона). Переводчик, по его мнению, не сможет достичь адекватности, если только преследует цель дословного точного перевода. Нужно, нередко и транспонировать, то есть внести те поправки, которые связаны с различиями между языками двух национальностей, эпохой, местными условиями, культурами, литературными традициями и социальными слоями общества. Плох тот перевод, заключает автор, в котором лёгкий юмор теряет свою естественность (Гаприндашвили 1990. 687).

Эти принципы перевода Гаприндашвили считает обязательными в эпоху символизма, где адекватный перевод даёт возможность достичь идейное и эмоционально-художественное восприятие читателем. Сам Гаприндашвили прекрасно владел русским языком, переводил А.С. Пушкина, В. Брюсова, А. Блока, В. Маяковского, С. Есенина, Н. Тихонова, П. Антокольского.

Но несмотря на теоретические принципы перевода, В. Гаприндашвили, его переводимый стих, очень тяжеловесен, нет созвучия с подлинником, а восприятие известного стихотворения Н. Бараташвили «Мерани», в его суждениях связывается с «Пьяным кораблем» Артура Рембо, в котором «Дионис празднует свою победу над здравым смыслом и неудержимо стремится вперёд к гибели и к нирване» (Гаприндашвили 1922. 19). Так оценивает грузинский поэт-символист феномен Бараташвили.

Русский перевод поэзии Н. Бараташвили Валериан Гаприндашвили публикует в 1922 г., наряду с изданием полного собрания сочинений поэта.

И начинаются разные переводы поэзии грузинского поэта на русский, армянский, азербайджанский языки.

Но особенно интересен один факт:

В 1966 г. к юбилею Н. Бараташвили был объявлен всесоюзный конкурс перевода стихотворения «Мерани». На конкурсе было представлено более 500 переводов. Тогда жюри объявило, что на просмотр было выбрано 159 опубликованных переводов, но самым интересным был тот факт, что поэты,

переводчики вообще, для перевода на иностранные языки народов советских республик, использовали русские переводы. (Цибашвили 2000. 38) (Нам не удалось установить первый источник. Не исключено, что могли быть и переводы В. Гаприндашвили).

В 70-е гг. XX столетия выходит свет «Стихотворения. Поэма. Николоз Бараташвили» в переводе Михаила Дудина.

В начале книги печатается стихотворение М. Дудина с указанием автора.

Надпись на книге переводов

Николоза Бараташвили

Виднеется новая вежа
Холодная восходит заря.
Я с братом из прошлого века...
Сегодня встречаюсь не зря.
Поэзию пристальным взглядом
Он в душу мою устремлѐн
И судьбы становятся рядом
И нет между нами времѐн.

(Бараташвили 1972. 6)

Кайсын Кулиев в предисловии переводов Дудина писал: «Известный советский поэт принадлежит к числу тех современных мастеров слова, которые придерживаются реалистических традиций русской классической поэзии... Дудин любит Кавказ, которому посвятил немало строк... Любовь и привязанность к Грузии и всему Кавказу, интерес к поэзии этой возвышенной земли побудил Дудина взяться за перевод стихов Бараташвили. Крупных поэтов неоднократно переводили заново, переводят и будут переводить. Несмотря на существование переводов Пастернака, Михаил Дудин решил по-

своему. Как живут в русской поэзии переводы Пастернака, начнут жить и переводы Дудина» (Бараташвили 1972. 11–12)

На конкурсе перевода стихотворения «Мерани», особенно отличился перевод Бориса Пастернака. Сам Б. Пастернак, как поэт и переводчик, тоже интересуется с теоретическими принципами и собственного перевода: «Что сказать о принципах моих переводов? Величие подлинника избавляет меня от лишних объяснений. В отношении Шекспира уместны только совершенная естественность и полная умственная свобода. К первой я, как мы, готовимся в скромном ходе моих собственных трудов, ко второй подготовлен своими убеждениями («Заметки и переводе») (Мастерство перевода 1968. 106).

Но как отмечал теоретик перевода Г. Цибахашвили: несмотря на достоинства, он далёк от идеала. (Цибахашвили 2000. 38) Это и подчёркнуто в статье Вл. Огнева «У карты советской поэзии» (Заметки о переводе): Принцип перевода Б. Пастернака на том и основан, что главным для автора – сделать классика предельно близким современникам. И то, что поэтический образ мог быть собственностью его поэзии, для него уже достаточный повод применения этого образа в переводной ткани стиха. Такт большого художника чаще удерживал Пастернака в русле применения таких современных художественных средств, которые приближая к нам подлинник, делая его живым, понятным, продолжающим волновать нас, в то же самое время не разрушали бы могущественную иллюзию перенесения читателя в ту эпоху, в которую он создавал.» (Мастерство перевода 1966, 1968. 287).

Далее исследователь Вл. Огнев, строя свои рассуждения о пастернаковском переводе, пишет: «Б. Пастернак там казался уязвимым, где рисунок образа или другие элементы, формы, весьма характерные для оригинальных стихов, оказывались в особом фокусе восприятия. Тут мы сразу чувствовали некоторое насилие над первоисточником. Либо его модернизацию, либо чрезмерную «остроту» и сложность образа.

*О, взгляды, острые как ножницы!
Мы славим вашу бессердечность
И жизнь вам отдаем в золожницы,
Чтоб выкупом нам стала вечность*

Я думаю, Бараташвили не мог так «опредмеченно» сравнить и «взгляды с ножницами» (романтический канон позволил бы сравнение остроты взора с кинжалом!). Сегодня после пастернаковской поэзии не покажутся странными эти «ножницы», напротив, в сравнении больше жизненной убедительности, нежели в отвлеченном «кинжале». Женщина, даже оставляя за собой, на крайний случай, право общения с кинжалом, большей частью имеет дело ... с ножницами. Однако наш реалистический резон в применении к поэзии Бараташвили неуместен. И в этом вся суть. Принцип перевода Б. Пастернака на том и основан, что главное для автора сделать классика предельно близким современнику. И то, что поэтический образ мог быть в собственной его поэзии, для него уже достаточный повод применения этого образа в передовой ткани стиха» (Мастерство перевода 1968. 287–288).

Григол Абашидзе в своём докладе, прочитанном на торжественном заседании, посвящённом 150-летию со дня рождения великого грузинского поэта и мыслителя Николоза Бараташвили, 11 сентября, 1968 г., характеризуя «Мерани», пример приводит из переводов Б. Пастернака. Например:

«Я к звездам неба в подданство впишусь»

(Абашидзе 1968. 32)

«Пусть оторвусь я от семейных уз,
Мне все равно, где ночь в пути нагрет,
Ночная даль моим ночлегом станет,
Я к звёздам неба в подданство впишусь».

(Бараташвили 1982. 69).

«Вперёд мой конь! Мою печаль и думу

Дыханием ветра встречного обвей».

(Абашидзе 1968. 32)

«Стрелой несется конь мечты моей.

В догонку ворон каркает утрюмо.

Вперёд мой конь! Мою печаль и думу

Дыханием ветра встречного обвей».

(Бараташвили 1982. 70)

В Грузии переводы Пастернака из Бараташвили считают классическими, так как здесь редкое сочетание стилевого, синтаксического, ритмического сплава с оригинальной формой стиха, «напоённой» интонациями грузинской речи», отмечает Вл. Огнёв (Мастерство перевода 1966, 1968. 289).

Переводы творчества произведений Н. Бараташвили были изданы в 1982 г. издательством «Мерани» с предисловием Григола Абашидзе.

В данной статье мы приводим сравнение трёх переводов стихотворения Н. Бараташвили «Мерани» – В. Гаприндашвили, Б. Пастернака, М. Дудина. Каждый перевод имеет свой отпечаток времени, принципа и стиля данной эпохи и эпохи переводимого произведения. Форматы данной статьи не дают возможность полностью проанализировать вышеупомянутые переводы на переводческом и литературоведческом уровнях, но одно можно отметить: они своеобразны, проникнуты стремлением переводчика представить читателю (в нашем случае, русскоязычному), понятным основным смысл и художественное достоинство оригинала, созданного в эпоху романтизма.

(Перевод В. Гаприндашвили)

Мерани

«Летит и мчит меня конь искрометный смело.

За мною ворон злой – его я узнаю!

Скакун! Пусть твой полет не ведает предела

И думу черную отдаст ветрам мою!

Сквозь бурю волн, грозу, по безднам и по скалам

Лети мой конь и мне путь жизни сократи

Лети в ненастие, в жару – под небом алым.

И не щади меня усталого в пути!

Свершу в своих мечтах усединенных тризну

По родине, друзьям, к деве дорогой.

Где ночь или заря застигнет – там отчизну

Найду и посвящу светилам вздох святой!

Стон сердца – стон тоски морским доверить волнам!

Забиться в трепете твоём – безумья полно!

Лети мой конь, лети в невозвратимый путь

И дай душе в ветрах свободных потонуть.

И пусть не буду я оплакан девою милой.

И пусть земле родной мой прах не предадут.

Могилу выроет мне ворон чернокрылый

И в своем ураган засыплет мой приют.

Не очи милые, меня оплачут росы,

И будут коришны носиться вокруг с угрозой.

Лети, мой конь, лети и пронеси сквозь Рок.

Его рабом вовек не будет твой ездок!

Пусть, где то там вдали, умру осиротелый.

Не дам торжествовать я Рока лезвию.

Лети, мой конь, лети, не ведая предела

И душу черную отдай ветрам мою.

Мучения души ведь не погибнут даром.

Как этот путь мой конь, непротоптанный тобой.

Грядущий мой собрат на поединке яром

Коня отважного промчит перед судьбой.

Летит мой конь вперед неудержимо, смело.

За мною ворон злой – его я узнаю.

Лети, скакун, лети, не ведая предела,

И душу черную отдай ветром мою!»

Перевод И. Гаприндашвили следует его же принципам адекватного перевода, но сам лирический герой отличается от героя Бараташвили. Потеряно слияние эмоционально-художественного воздействия с содержанием. Стих создан по слоговой системе (13, 11), отсутствует аллитерация, с этим связана и музыкальность. Основной акцент перенесён на образ лирического героя.

(Перевод Б. Пастернака)

Мерани

Стрелой несетя конь мечты моей.

Вдогонку ворон каркает угрюмо.

Вперед, мой конь! Мою печаль и думу

Дыханьем ветра встречного обвей.

*Вперед, вперед, не ведая преград,
Сквозь вихрь, и град, и снег, и непогоду,
Ты должен сохранить мне дни и годы.
Вперед, вперед, куда глаза глядят!*

*Пусть оторвусь я от семейных уз.
Мне все равно, где ночь в пути нагрянет.
Ночная даль моим ночлегом станет.
Я к звездам неба в подданство впишусь.*

*Я вверюсь скачке бешеной твоей
И исповедаюсь морскому шуму.
Вперед, мой конь! Мою печаль и думу
Дыханьем ветра встречного обвей.*

*Пусть я не буду дома погребен.
Пусть не рыдает обо мне супруга.
Могилу ворон выроет, а вьюга
Завоет, возвращаясь с похорон.*

*Крик беркутов заменит певчих хор.
Роса небесная меня оплачет.
Вперед! Я слаб, но ничего не значит,
Вперед, мой конь! Вперед во весь опор!*

*Я слаб, но я не раб судьбы своей.
Я с ней борюсь и замысел таю мой.
Вперед, мой конь! Мою печаль и думу
Дыханьем ветра встречного обвей.*

*Пусть я умру, порыв не пропадет,
Ты протоптал свой след, мой конь крылатый,
И легче будет моему собрату
Пройти за мной когда-нибудь вперед.*

*Стрелой несется конь мечты моей.
Вдогонку ворон каркает угрюмо.
Вперед, мой конь! Мою печаль и думу
Дыханьем ветра встречного обвей.*

В отличие от других переводов Б. Пастернак передаёт стремления лирического героя не в реальном (как в оригинале) а переносном – Мерани – конь мечты моей. Этим сближает читателя с лирическим героем, отдаляя от подлинника. Здесь присутствует внутренняя музыкальность.

(Перевод М. Дудина)

*Впереди бездорожье. Быстрее, Мерани!
Ворон каркнул. Скрываются горы в тумане,
Нет предела движенью. Мерани, развей!
Ветром бешеным мрак моих мыслей развей.*

*По горам и ущельям над дикою яростью вод
Нетерпенье мое захлестит быстротою в пути.
Через холод и зной, через пропасть земных непогод.
Не щадя седока, обгоняя усталость, лети.*

*Я покинул отчизну, оставил друзей и родных.
Не увижу любимой и песни о ней не спю.*

Свой рассвет и закат повстречав на распутьях иных.

Только звездам поведаю тайну свою.

Только скорости бега и вольности моря

Я остаток любви раздарю, раззадоря

Ветер. Ветер, мрачные мысли развей!

Нет предела движенью. Мерани, резвей!

Пусть любимая слез не прольет надо мною в тоске.

Пусть мой прах не схоронят на старом отцовском погосте.

Ворон выроет яму в пустынном сыпучем песке

Вихрь ревущий засыплет мои одинокие кости.

Словно слезы любимой, роса упадет на меня.

Причитанья родных мне заменит зловеющая птица,

Так быстрее лети за предел уходящего дня.

Никогда твой хозяин с уделом своим не мирится.

Пусть умру одиноко, отвергнут судьбою,

Сталь врага навсегда презираема мною.

Нет предела движенью. Мерани, резвей!

Ветром бешеным мрак моих мыслей развей.

Не бесплодно стремление души обреченной в борьбе,

Пусть, пробитый тобой, не исчезнет бесследно, как дым.

Пусть братьев моих, на извечную зависть судьбе,

Быстроногий скакун пронесет по дорогам крутым.

Впереди бездорожье. Быстрее, Мерани!

Ворон каракнул. Скрываются горы в тумане.

Нет предела движенью. Мерани резвей!

Ветром бешеным мрак моих мыслей развей!

В переводе М. Дудина акцент перенесён на музыкальность стиха, но этого переводчик достигает при помощи повтора (*развей, развей*), все перенесено не на лирического героя, а на коня – Мерани.

Мы представили три перевода Н. Бараташвили «Мерани», который отличается особенной художественной силой в оригинале, как отмечают большинство грузинских литературоведов, «И здесь поражает нас дерзость мечты, казалось бы, навсегда побеждённого роком и пригвожденного к земле человека, поражает его безумство, его готовность преодолеть привратности судьбы, вписаться в подданства звездам, увидеть незримое... Он мчится за грань судьбы, чтобы не быть ее пленником. Ради этой цели и стоит пожертвовать собой, ведь за гранью судьбы бесконечность, начало свободы» (Абашидзе 1968. 32). Всё это мельком выявляется в переводах, но значение всех трех переводов своеобразно и значительно, даёт возможность читателю познать движение души поэта-романтика.

Заключение

Грузинского поэта-романтика Николоза Бараташвили переводят спустя 50 лет после его смерти. Заинтересованность его произведениями исходит от стремления познать мир, душевный строй, характер и художественную особенность лучшего представителя романтического направления, который охватил почти весь цивилизованный мир в XIX в. Всесоюзный конкурс, объявленный в 1966 г., дал возможность поэтам и литературоведам разных национальностей, опираясь на русский перевод, познакомить читателей с грузинским шедевром «Мерани».

Это даёт возможность достичь коммуникации между разными культурами, которые, не зная чужого языка, могут соприкоснуться с творчеством. Но надо учесть и своеобразную «музыку», сохранить звуко-смысловые ассоциации, которые находятся в глубине слов, которые надо угадать в подлиннике. Такое достигается только большим и абсолютным знанием языка переводимого подлинника и переводчика.

Мы разделяем взгляды известного писателя Владимира Набокова, прекрасного переводчика и теоретика перевода, который, характеризует истинного переводчика, как мастера: Здесь переводчику надобно быть не только человеком, прекрасно владевшим языком переводимого текста, но и понимавшим словообразование, фразеологизмы, традиции, нравы, исторические аллюзии и, самое главное, быть одарённым.

Переводы грузинского поэта, который жил полвека тому назад, сделаны с оригинала, требуют другого подхода. Поэтому, как мы предлагаем, все переводы, которые сделаны посредством перевода с другого языка, должны иметь историческое значение, должны быть проникнуты стремлением познать поэта другой национальности. Настало время истинно высокохудожественного перевода с подлинника.

Литература

- 1- Абашидзе Григол (1968). *Николоз Бараташвили*. Тбилиси, Изд-во «Ганатлеба», с. 28–29.
- 2- Бараташвили Н. (1922). *Стихотворения. Поэма*. Переводы и редакция Валериана Гаприндашвили, Тифлис, Изд-во «Государственное издательство», с. 18
- 3- Бараташвили Н. (1972). *Стихотворения. Поэма*. Перевод с грузинского М. Дудина, Тбилиси, Изд-во «Мерани», с. 6, 11–12.
- 4- Бараташвили Н. (1982). *Стихотворения. Поэма*. Перевод с грузинского Б. Пастернака, Тбилиси, Изд-во «Мерани».

- 5- Гаприндашвили В.И. (1990). *Стихи, поэмы, переводы, эссе, письма, материалы из архива* (на грузинском языке), Тбилиси, Изд-во «Мерани», с. 687.
- 6- *Мастерство перевода 1966* (1968). Москва, Изд-во «Советский писатель», с. 289.
- 7- Набоков В.В. (1998). *Лекции по русской литературе*, М., Изд-во «Азбука», с. 395
- 8- Фёдоров А.В. (1968). *Основы общей теории перевода*, Москва, Изд-во «Высшая школа», с. 10, 373.
- 9- Цибахашвили Г. (2000). *Вопросы теории и практики перевода* (на грузинском языке), Тбилиси, Изд-во ТГУ, с. 38.

Bibliography

- 1- Abashidze Grigol (1968). *Nikoloz Baratashvili*. Tbilisi, Izd-vo «Ganatileba», s. 28–29.
- 2- Baratashvili N. (1922). *Stihotvorenija. Pojema*. Perevody i redakcija Valeriana Gaprindashvili, Tiflis, Izd-vo «Gosudarstvennoe izdatel'stvo». s. 18
- 3- Baratashvili N. (1972). *Stihotvorenija. Pojema*. Perevod s gruzinskogo M. Dudina, Tbilisi, Izd-vo «Merani», s. 6, 11–12.
- 4- Baratashvili N. (1982). *Stihotvorenija. Pojema*. Perevod s gruzinskogo B. Pasternaka, Tbilisi, Izd-vo «Merani».
- 5- Gaprindashvili V.I. (1990). *Stihi, pojemy, perevody, jesse, pis'ma, materialy iz arhiva* (na gruzinskom jazyke), Tbilisi, Izd-vo «Merani», s. 687.
- 6- *Masterstvo perevoda 1966* (1968). Moskva, Izd-vo «Sovetskij pisatel'», s. 289.
- 7- Nabokov V.V. (1998). *Lekcii po russkoj literature*, M., Izd-vo «Azbuk», s. 395
- 8- Fjodorov A.V. (1968). *Osnovy obshhej teorii perevoda*, Moskva, Izd-vo «Vysshaja shkola», s. 10, 373.
- 9- Cibahashvili G. (2000). *Voprosy teorii i praktiki perevoda* (na gruzinskom jazyke), Tbilisi, Izd-vo TGU, s. 38.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Gogoladze Tamar Akhmedionowna (2018). Translations of Georgian poet N. Baratashvili into Russian Language in the Aspect of Cross-Cultural Communication. *Issledovatel'skiy zhurnal russkogo yazyka i literatury*. 12(2): pp:11-28.

DOI: 10.29252/iarll.12.11

URL: <http://journaliarll.ir/article-1-140-en.html>



The Ancient Slavs in the Russian Poetry of the 19th Century

Nesterova Tatyana Petrovna¹

Professor, Michurinsk State Agrarian University,
Michurinsk, Russia.

(date of receiving: September, 2017 ; date of acceptance: March, 2018)

Abstract

The article considers the regularities of the depiction of the ancient Slavs by the Russian poetry of the 19th century, which, like literature in General, was a factor in the national consciousness of the era of Poets, based on the perception of the world and the culture of the ancestors of the Russian people, build an artistic concept, where the special inherent in a particular time is recognizable and after many centuries, helping to clarify the metaphysical depth of the Russian world view as a whole. Poets created their works in the context of philosophical ideas about Russia, its way in the world history, which existed at that time. The value components of the life of the ancient Slavs as identification signs of the distant nineteenth century, considered through the ideals of modern reality for the poets, served as an impulse to the poetic understanding of national life, the fate of the Fatherland and the people living in it.

Keywords: Ancient Slavs, Russian Poetry, History, Mythology, National Being, Culture.

1. E-mail: TNESTER60@yandex.ru

Древние славяне в русской поэзии XIX века

Нестерова Татьяна Петровна¹

Профессор, Мичуринский государственный аграрный университет,
Мичуринск, Россия.

(дата получения: сентябрь 2017 г.; дата принятия: март 2018 г.)

Аннотация

В статье рассматриваются закономерности изображения древних славян русской поэзией XIX в., которая, как и литература в целом, являлась фактором национального самосознания эпохи. Поэты, опираясь на мировосприятие и культуру предков русского народа, строят художественную концепцию, где особенное, присущее конкретному времени, является узнаваемым и спустя многие столетия, помогая прояснить метафизическую глубину русского мировоззрения в целом. Поэты создавали свои произведения в контексте философских идей о России, её пути в мировой истории, которые бытовали в то время. Ценностные составляющие жизни древних славян в качестве опознавательных знаков далёких от девятнадцатого столетия времён, рассматриваемые через идеалы современной для поэтов действительности, служили импульсом к поэтическому осмыслению национального бытия, судьбы отечества и народа, в нём живущего.

Ключевые слова: Древние Славяне, Русская Поэзия, История, Мифология, Культура.

1. E-mail: TNESTER60@yandex.ru

Введение

На рубеже XVIII–XIX вв. стало очевидно, что сознательный отрыв от национальных корней, обозначившись в эпоху царствования Петра I, реформы которого были направлены на приобщение к западноевропейскому опыту жизни в ущерб многовековым традициям, выступил трагической дилеммой в развитии русской культуры. Стремясь осмыслить первородные свойства русского характера, поэты, как и в целом общество XIX в., приступило к целенаправленному разрушению мифа о России «как о Лапландии, превращенной гением Петра и советами Лефорта в цивилизованное государство» (Морозова 2005. 187), которое усердно внедрялось учёными XVIII в., прежде всего, Петербургской Академией наук, большинство из членов которой были по крови немцами. Однако общество в своём большинстве было против того, чтобы считать, что культура и просвещение появились в Отечестве только в XVIII в. вместе с петровскими реформами западноевропейского толка, а до этого Русь-Россия находилась в полном невежестве, вне общечеловеческой цивилизации. В связи с этим поэзия, как и русская литература в целом, стремилась обратиться к далёким эпохам, чтобы в глубине веков найти ответы на мучавшие общество вопросы. Было обращено внимание на опыт праотцев русского народа – древних славян. Такой интерес дал импульс к обращению к древней славянской культуре, которая виделась не наивной архаикой, а ценным достоянием, с помощью которого можно разгадать истоки национального самосознания.

Основная часть

Интерес русской поэзии XIX в. к славянской теме возник на благодатной почве исторических исследований, начало которым было положено ещё в восемнадцатом столетии. Первым с научной точки зрения об онтологических отношениях русского народа со славянским народом было сообщено в

«Древней российской истории» /1766/ М.В. Ломоносова, раскрывающего корни славянского этноса и русского народа как его прямого потомка. О высокой образованности славян заявляла императрица Екатерина II, не сомневавшаяся в том, что они «до рождения Христова письмо имели» (Екатерина II 1787. 81). «Баснословное вероучение», указывающее «умное и нравственное обличие наших родоначальников», даёт право Г.А. Глинке в книге «Древняя религия славян» /1803/ утверждать, что «способ мыслить», присущий пращурам русского народа, является общим «всем просвещённым народам» древности» (Кайсаров, Глинка, Рыбаков 1993. 90, 95). Всё это давало простор для творческого вдохновения, ориентируя поэтов на воссоздания картин жизни древнего славянского сообщества. В начале XIX в. вокруг А.Н. Оленина сформировался литературный кружок, в котором «заметно было стремление сделать самую русскую жизнь, новую и особенно древнюю, предметом поэтического творчества: героическое, возвышающее душу, присущее не одному классическому — греческому и римскому — миру; оно должно быть извлечено и из преданий русской древности и возведено искусством в классический идеал» (Майков 1887. 52).

Одним из первых зачинателей отечественной славистики является А.Х. Востоков, который стал её изучать комплексно, обращая внимание на историю, культуру, язык. Особенно заметным явлением стали его работы по языку, в частности «Рассуждение о славянском языке» /1820/. На стыке эстетики классицизма и романтизма изучает проблему А.Ф. Мерзляков, который искусство понимает как подражание природе, что есть, по его мнению, «мир действительный», «мир исторический», «мир баснотворный, в котором обитают боги». Он считает необходимым вводить в романтическую поэму «чудесное», видя его роль в том, что стихотворец может «сильнее действовать на воображение читателя, чем охотнее он при чтении такого песнопения переносится в сказанную нами систему и предаётся совершенному

очарованию поэзии» (Мерзляков 1822. 231-232). Таким образом, он не противопоставляет категории «чудесное» и «историческое».

Проблемы равновесия вымысла и истории стали предметом спора между членами «Беседы любителей русского слова» /1811–1816/ и членами кружка «Арзамас» /1815–1818/ и отразились на художественных произведениях участников обоих литературных объединений. Если участники «Беседы» пытались, прежде всего, приблизиться к старинным оригиналам, то их противники обращали внимание на точки соединения между древностью и современностью.

Вопросы древности занимали большое место в исторической концепции романтиков, которые можно разделить на два обстоятельства. Первое – связано с изучением истоков русского мировоззрения, поскольку считалось, что чем дальше вглубь веков, тем ближе к народности. Второе – было направлено на противопоставление прошлого настоящему. Поэтому исследовалась не только русская, но и мировая история. Представители романтизма расширили толкование мифа, значение которого они связывали не только с семантикой «чудесного». Согласно их гипотезе, «чудесному» надлежало быть узнаваемым в конкретную эпоху, соединяясь с целостной картиной мира данного времени. Этот принцип стал основополагающим в творчестве русских романтиков, создававших произведения на историческую тему. Мифология, использованная ими, имеет тенденцию развития от этнографического характера, свойственного «простонародным» балладам (П.А. Катенин, В.К. Кюхельбекер), к созданию цельной картины национальной жизни (А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, В.К. Кюхельбекер). С 1830 г. создаются кафедры славяноведения в университетах, что способствовало появлению множества научных трудов учёными в 1830–1840 гг. При всей серьёзности изучения славяноведения в первой половине XIX в. не была создана цельная научная система. Во многом это можно объяснить

спецификой исторического процесса древнерусского государства, малом количеством сохранившихся письменных свидетельств. Больших успехов достигла славяноведение во второй половине XIX в. Тем не менее, нарастающий с начала XIX в. в России интерес к истории открывает поэтам простор для творческого вдохновения. Однако они сразу сталкиваются с трудностями. Так как древние славяне были язычниками, то неизбежно надо было вводить в сюжет славянских богов, о которых тогда мало что было известно. Иногда их даже «заменяли» в произведениях на более известные в среде образованного общества греческие и римские божества. Об этом с огорчением констатировал А.С. Шишков ещё в начале 1810-х гг., заявляя, что «в книгах наших не находим Лад и Лель, но везде Гименеев и Купидонов». «Греческие имена, – писал он, – суть одни пустые для нас звуки, не содержащие в себе никакого знаменования; русские же имена суть семейственные в нашем языке слова, то есть имеющие одинаковый смысл с другими от того же корня происходящими словами: потому Ладо, что слаживает, соглашает брак; потому Леля, что лелеет, нежит чувства» (Шишков 1811. 86). Н.Ф. Остолопов указывал на то, что введение чудесного «требует <...> сообразности с системою верования, бывшею в то время там, где происшествие происходило. Например, смешно бы показалось, ежели бы в победе Петра Великого над шведами под Полтавою поэт сделал участниками Юпитера и Марса: ибо ни россияне, ни шведы никогда в сих богов не веровали» (Остолопов 1821. 477–478).

С начала XIX в. такие суждения, как «дух народа», его «особенная физиономия», став важными категориями в исследовании и литературной трактовке эпохи древних славян, осознавались поэтами на мировоззренческом уровне, то есть как особые свойства, помогающие понять их жизнь во всей полноте, и, следовательно, объяснить факторы национального самосознания русского народа.

Можно выделить несколько аспектов в разработке данной темы. Первый – изображение мировоззрения предков русского народа через язычество. Славянская мифология, предназначенная «не столько для объяснения, сколько, для оправдания определённых («священных») установлений, для санкционирования определённого сознания и поведения» (Маковский 1996. 15), знакомила с философскими истоками, открывающими характер предков русского народа. Одним из первых к теме славянского язычества обратился А.Х. Востоков, который был не только поэтом, но и учёным, специалистом в области славянской филологии. Подробно о славянских божествах сообщается Востоковым в поэме «Певислад и Зора» /1804/. Находясь под защитой богов, «люди киевски живут счастливо». Для того, чтобы решить какую-либо проблему, надо только попросить о своих нуждах небесных покровителей:

*Всякий просит о своём богов.
Пастырь Велесу овна несёт,
Чтобы стадо было в целости.
О погоде земледельец
Молит сильного царя ветров
И плода зачатки каждого
Полагает он с усердием
Пред Купала благотворного...* (Востоков 1935. 265)

Введение в художественный текст прецедентных имён языческих божеств (Велес – покровитель скота и скотоводов, «царь ветров» – Позвизд или Похвист, Купало – бог, который, согласно древним верованиям, утвердил из разрозненных племён славянское сообщество, способствовал торговле, утверждению наук и просвещения) помогает организовать смысловое ядро произведения, которое объясняет причину, развитие и благополучное разрешение любовной коллизии. Юным героям не надо «противиться богам

святым», а необходимо лишь обратиться к богине любви, красоты, плодородия и всякого благополучия Ладе к просьбой о семейном счастье, и желание немедленно исполняется. Её образ автор верифицирует, отталкиваясь от известных исторических фактов и личных научных изысканий. Стремясь сакрализировать образ Лады, автор наделяет её родственными взаимоотношениями с остальными богами славянского пантеона: «Белобогу дочь», «мать Лелина». Образ Лады раскрывается в нескольких эпизодах: родительский наказ, обрядовые действия, осуществление желания. Благодаря Ладе, герой Певислад восклицает:

Буди славно ты прославлена! –

Что просил я, то исполнилось! (Там же. 276)

Эмоциональное сопереживание земным героям со стороны богов, их стремление помочь людям в трудной житейской ситуации делает жизнь светлой и безоблачной, а мир гармоничным.

Ещё более важную роль в сюжете играет образ Лады в поэме Востокова «Полим и Сияна» /1812/. Если в поэме «Певислад и Зора» богиня представлена идолом, к которому приходят люди с просьбами, то в следующей поэме автор вводит её в систему действующих персонажей. Лада принимает самое активное участие в жизни героев: устраивает личное счастье Полима и Сияны, мирит юных влюблённых с отцом Сияны – Волхвом, помогает рождению птенца. Образ Лады здесь имеет некоторые земные черты, а образ Полима, напротив, эволюционирует от обычного человека к существу, наделенному признаками демиурга (бессмертие, оборотничество, «за Белобога чтим»).

Создавая сложную систему художественных опосредований, автор показывает, что частная жизнь героев в поэмах является лишь предлогом для постижения философского смысла древней жизни. На это указывает адресованная Востоковым «Вольному обществу любителей словесности, наук

и художеств» «Записка» от 14 мая 1810 г., в которой он раскрывает свои намерения об издании сборника русских народных песен и пословиц для «любителей русского духу». «Таким образом, – пишет Востоков, – труд мой будет содержать поэзию и философию русских» (Востоков 1890. 49). Это утверждение позволяет сделать вывод о глубоком подходе Востокова к выбору материала и для его поэм, помогающего за обыденными переживаниями героев узнать их мировоззрение, не ограничивающееся границами физически осязаемого мира.

Традицию включения языческих богов в сюжет, построенный на славянском материале, продолжил Ф.Н. Глинка, расширивший в идиллии «Болезнь Милавы» /1823/ систему персонажей включением мифологических героев: Лады, Леля, Полеля. Если Востоков представляет славянский мир как цельное сообщество, то Глинка конкретизирует исторический фон, нарекая героев древлянами, тем самым уточняя фундамент национальных черт русского характера.

Как и в поэмах Востокова, герои Глинки идут по жизни, уверенные в том, что им всегда в трудный момент окажут помощь славянские божества. Опытный «врачеватель» Тихомир об этом сообщает Милаве, обучая её заветным словам, которые надо лишь произнести и свершить знакомые «исстари» только славянам, «живущим близ славных вод Днепра-реки», обрядовые действия, и счастье, любовь принесут славянские боги молодой пастушке.

М.Ю. Лермонтов в незавершённой поэме «Олег» /1829/ развил славянскую тему в новом ключе. В отличие от предшественников поэт разрабатывает сюжет не на частной жизни героев, а на героической основе. Поэтому вместо богини Лады помощником героя выступает воинственный Стрибог. Желая сфокусировать интерес читателей на мифологизированном мировоззрении древней эпохи, автор не только включает славянское божество в историческую коллизию, но и показывает образ Стрибога в паре с реальным лицом – князем

Олегом. Это придаёт большую цельность представленной картине мира. Его предшественники, Востоков и Глинка, поступают иначе – отделяют мифологизированные образы от исторических персонажей. Могущественный в славянской мифологии Стрибог и князь Олег, «владелец русского народа», прочно соединены. В системе координат их отношений ведущим является князь Олег. Покоритель других народов, «тот», «перед кем дрожали печенеги», с кем «казары дружества искали», приносит Стрибогу в жертву поверженных врагов. В свою очередь, языческое божество является правителю по первому зову, что проясняет и углубляет восприятие образ князя как избранной высшими силами личности. Следовательно, завоевательные походы, во время которых под его власть попадают «поля и веси» «от Пскова до Онеги», не являются личной прихотью князя. Не субъективные обстоятельства направляют правителя покорить Царьград, желать «на греков мести». Понимая, что греки, объятые гордыней, презирают Русь, князь Олег движим в своих порывах реализацией высоких замыслов о судьбе отечества. Автор объясняет причину некоторой медлительности князя перед «разрушительном набегом» на Византию. Ему важно получить пророчество Стрибога о результатах набега. К сожалению, дальнейшее содержание нам неизвестно, но созданное Лермонтовым начало произведения хорошо показывает читателю самобытность языческой старины.

Следовательно, проецируя сюжеты в славянский мир, авторы акцентирует внимание на мифологическом сознании эпохи. Трансформируя мифы о славянских божествах, поэты проводят их через собственное видение, «осовременивая» содержание в русле художественного мировоззрения эпохи: для Востокова и Глинки – это сентиментальная поэтика, для М.Ю. Лермонтова – каноны романтизма.

Второй аспект – репрезентация древней эпохи через патриотические темы и мотивы, поскольку отношение к отечеству является важным императивом

для поэтов первой половины XIX в. в изображении «духа» славянства. Востоков в поэме «Певислад и Зора», изображая героя в частных отношениях, сообщает о фактах, которые не входят в сюжет, но являются важными для восприятия Певислада как представителя далёкой эпохи. Певислад сообщает о себе, что был «с князем Ольгом на войне Буй-тур». Именно это известие, а не его таланты в песенном искусстве, убеждает отца Зоры в том, что он является достойным женихом для дочери.

В поэме Е.П. Люценко «Буриной и Ульмила» /1818/ защита Новгорода от варягов представлена как испытание, посылаемое героям для воспитания в них героического духа. Патриотизм не закрывает человека в самом себе, а делает его причастным к общему делу – защите национальных устоев от посягательств врагов. В контекст любви к отечеству естественно вписывается любовь князя Буриного к своей супруге Ульмиле, желание её защитить от беды:

*Унылый спор веков. Там всё напоминает
Чувствительным сердцам в глубокой тишине
Супружнюю любовь и долг к родной стране.* (Люценко 1818. 87)

Ключевым для понимания характера Ульмилы является образ меча, вводящий в тот мир, который героиня защищает, тайно находясь на поле битвы в стане защитников Новгорода:

*Ульмила верною дружиной окружена,
Заносит острие на изверга стеснённа,
Который, отразив меча её размах,
Поспешно во своих скрывается рядах.* (Люценко 1818. 84)

В знак любви к мужу перед смертью она «дрожащей рукой», «безмолвствуя, свой меч супругу простирала». Он же является знаковой деталью в раскрытии дочерних чувств Ульмилы, просящей передать её меч родителям: «Да ведают они, как дщерь их умирает». Меч как знаковая деталь

несёт в себе спектр духовно-нравственных и героических значений, определяющих сознание героини и близких ей людей.

Если поэма Люценко «Буриовой и Ульмила» раскрывает отношения древних новгородцев с варягами, то поэма того же автора «Чеслав» /1818/ вписана в широкий историко-культурный контекст борьбы древних славян с печенегами. Чеслав воспринимает свою судьбу как служение отечеству. Об этом свидетельствует дидактизм концовки поэмы:

Ты будешь, друг славян, в сердцах благословляться!

И можно ли забыть отечеству того,

Кто жизнь свою на смерть меняет для него? (Там же. 246)

Это дидактизм органически соединен с героическим сюжетом, в котором нет любовной и бытовой линий. Эпизод гибели героя является кульминационной точкой и композиционным центром поэмы.

Размышления о судьбе России способствуют обращению поэтов к летописным источникам, свидетельствующим о заре русской государственности. Литературная версификация исторической или легендарной личности Вадима Новгородского (Вадима Храброго), созданная поэтами первой половины XIX в., связана с рассказом об этом человеке в Патриаршей, или Никоновской летописи XVI в., где это имя упоминалось в связи с восстанием древних новгородцев против варяга Рюрика: «В лето 6372 <...> оскорбишася Новгородци, глаголюще: «яко быти нам рабом, и много зла всячески пострадати от Рюрика и от рода его». Того же лета уби Рюрик Вадима храброго, и иных многих изби Новгородцев советников его» (Полное собрание русских летописей 1965. 9). Ниже находилась следующая запись: «В лето 6375 <...> избежаша от Рюрика из Новагорода в Киев много Новгородцких мужей» (Полное собрание русских летописей 1965. 9). Среди произведений, посвящённых данной теме, привлекает поэма М.Ю. Лермонтова

«Последний сын вольности» /1831/. Поэт изобразил Вадима сильной личностью с тираноборческими особенностями характера. Желая подчеркнуть свою мысль, автор обращается к декабристской лексике:

*Завтра, завтра дерзостный варяг
Будет князем Новагорода,
Завтра будете рабами вы!...* (Лермонтов 2000. 129)

Употребляемое в разных вариациях выражение «старинной вольности любовь» выходит за границы только политического смысла, охватывая культурно-нравственный аспект. Это подтверждает монолог Вадима об отечестве:

*Там вырос я, там защищал
Своих богов, свои права,
Там за свободу я бы пал...* (Там же. 144)

Если для Вадима Рюрик является захватчиком, принёсшим соотечественникам много зла, то авторская оценка иная. Его мысли воплощают эпизодические персонажи. В связи с бедой, приключившейся с дочерью, старушка произносит вещие слова:

*Закон судьбы несокрушим;
Мы все ничтожны перед ним...* (Там же. 139)

Её выводы совпадают со словами Ингелота, обращёнными к Вадиму, который страдает из-за гибели любимой им Леды:

*И жалок, и безумец тот,
Кто ропщет на закон судьбы:
К чему? – мы все его рабы!* (Там же. 148)

Размышления по частным ситуациям в жизни, схваченные в контексте исторического времени, обретают сакраментальный смысл. Появление государственности у восточных славян во главе с князем Рюриком – знак времени, историческая необходимость, случившаяся по воле высших сил. Следовательно, от Рюрика принципиально ничего не зависит. Акцентируя эту мысль, Лермонтов намеренно наделяет Рюрика негативными чертами, которые создают отрицательный облик. (высокомерен с народом, чьи традиции он разрушает, является причиной гибели Леды, мстит Вадиму и т.д.). Князь – всего лишь орудие высших сил, который должен выполнить возложенную на него миссию. Поэт, безусловно, благосклонно относится к своему герою, о чём свидетельствует высказывания о Вадиме его друга Ингелота, являющегося резонёром авторских мыслей, название поэмы, эпиграф, текст которого заимствован из поэмы Байрона «Гяур»: «Когда такой герой родится снова?». Однако явственно выступает другое условие, которое оставляет Вадима на периферии времени, хотя в произведении он является главным героем. При всём личном благородстве он является частью тех сил, действия которых противоречат непосредственному процессу – образованию Руси как государства. Поэтому он обречён на поражение. Центральным в поэме является эпизод поединка между Рюриком и Вадимом. Это является авторским вымыслом, поскольку в летописном источнике об этом ничего не сообщается. Но, согласно утверждению известного историка И.Я. Фроянова, данный способ состязания за лидерство был допустим, так как «у первобытных народов верховная власть не всегда передавалась по наследству и доставалась тому, кто, например, <...> победил правителя в единоборстве» (Фроянов 1992. 102). Согласно языческому мировоззрению, боги всегда отдают предпочтение более достойному, в связи с чем смерть Вадима от Рюрика представлена исторически необходимой. Тем не менее, восхищает патриотизм Вадима, искренне желающего процветание отечеству, отдавшему за него жизнь.

Патриотические идеи являются главенствующими в думе К.Ф. Рылеева «Олег Вещий» /1821 или 1822/. Ради их воплощения поэт целенаправленно претупает через исторические факты, на что обратил внимание А.С. Пушкин. Речь идёт о двух строках:

*Прибил свой щит с гербом России
К царьградским воротам.* (Рылеев 1983. 126)

Он писал Рылееву в мае 1825 г., находясь в ссылке в своём родовом имении Михайловское: «Ты напрасно не поправил в «Олеге» герба России. Древний герб, святой Георгий, не мог находиться на щите язычника Олега; новейший, двуглавый орёл есть герб византийский и принят у нас во время Иоанна III, не прежде. Летописец просто говорит: «Таже повесил щит свой на вратах на показание победы» (Пушкин 1995. 175-176). Однако, при всём уважении к таланту Пушкина, Рылеев не стал ничего менять в тексте. Патриотический пафос для автора был важнее исторической конкретики.

Третий аспект. Жизнь древних славян изображается поэтами через бытовые обряды, обычаи, что имеет глубокую значимость для постижения феномена их сознания. Сакральный смысл несёт мотив пира, часто использованный поэтами при изображении далёкой эпохи. Он имеет принципиальное значение в структуре и идейном наполнении баллады А.С. Пушкина «Песнь о Вещем Олеге» /1822/. Изменяется эмоциональный диапазон. Сначала это праздничное пиршество, в котором «с дружиной пирует Вещий Олег». «При звоне весёлом стакана» «они поминают минувшие дни и битвы, где вместе рубились они». Затем весёлый пир замещается поминальным пиром-тризной по умершему князю Олегу. Так, центральный эпизод баллады – предсказание смерти кудесником князю – находится в кольцевом обрамлении праздничного пира и поминальной тризны.

Н.М. Языков в балладе «Олег» /1826/ продолжает пушкинские традиции «Песни о Вещем Олеге». Сюжетно она продолжает пушкинскую балладу, которая заканчивается поминальной тризной по покойному Олегу, умершему, согласно предсказанию кудесника, от укуса змеи, которая вылезла из черепа его коня (об этом сообщается в летописных источниках). «На тризне плачевной Олега» «ковши круговые, запенясь, шипят» в руках бойцов, вспоминающих «минувшие дни и битвы, где вместе рубились они».

Если Пушкин пунктирно касается картины «тризны плачевной», то Н.М. Языков разрабатывает её более детально, стремясь вслед за предшественником к историческому правдоподобию. Например, сообщает читателям об Олеговом щите, прибитом, согласно летописным источникам, к вратам покорённого им Царьграда, а не о «гербе России», как у Рылеева. Однако языковский взгляд на эпоху не тождественен пушкинскому. Н.М. Языков вводит большое количество героев: наследник Олега князь Игорь, певец Боян, дружина, народ. Даже «бездыханный, в доспехах золотых» Олег является частью этого мира: ради него «на могиле» воители свершают «потешную драку», о его прижизненных подвигах поёт Боян. Если в мире пушкинской баллады есть неразрешимые противоречия между князем и кудесником, то в балладе Н.М. Языкова царит гармония между правителем, дружиной и народом. В произведении приглушён мотив рока (князь умирает раньше коня, которого закалывают во время погребального обряда). Вместо этого усилен мотив памяти, на что направлен рефрен: «Да Вещего помнит Россия!»:

Все, малый и старый, отрадой своей,

Отцом опочившего звали;

Горючие слёзы текли из очей,

Носилися вопли печали;

И долго, и долго вопил и стонал

Народ, покрывавший долину... (Языков 1964. 229)

В балладе Пушкина об Игоре только упоминается, в балладе Н.М. Языкова древний русский князь представлен главным героем. Игорь, как и его предшественник Олег, являет с народом и дружиной неделимую общность. Идиллическую картину, где отношения между людьми полны гармонии, символизирует «наполняемый мёдом» «золотой и заветный стакан»:

*...наполняемый мёдом,
Из рук молодого владыки славян,
С конца до конца, меж народом
Ходил золотой и заветный стакан.* (Там же. 230)

В романтическом духе изображённые на этом фоне князья Олег и Игорь показаны в качестве образцовых правителей.

Произведения, обращённые к далёким эпохам, нередко строились на любовном сюжете, частной жизни, которые часто заканчивались свадьбой и соответствующими обрядами. Примером может служить поэма Востокова «Певислад и Зора», в которой мечта героев о брачном союзе счастливо сбывается: между ними «заключён стговор был свадебный». Перечисляется многочисленное приданное, которое дал за дочь «добро молодцу» Станимир:

*Поле ржи, ячменю столько же,
Тучных семь юниц с телятами,
Кобылицу с жеребятами,
Десять гривен красна золота,
Серебра же в трое ль, в четверо ль.* (Востоков 1935. 278)

Заботится о дочери и его супруга Цветима Гостомысловна:

О нужнейшем не забыла мать,

О домашней разной утвари:

Всё сие сговорено за девицею в приданное. (Там же.)

Перечисление приданого формирует праздничную атмосферу, демонстрирует благоденствие, которое раскрывается через конкретную предметность. Семиотически отмеченные бытовые детали оказываются носителями смыслов, размыкающих границы земного и небесного. Счастье и преуспевание им посылают высшие силы, но это не просто подарок небес. Герои получают заслуженную награду. Здесь представлена идеальная модель жизни, которая даёт человеку осознание того, что он находится в «отеческой державе».

Следовательно, русская поэзия первой половины XIX в., решая ключевые проблемы познания коренных свойств русского характера, обострила внимание на жизнь праотцев русского народа – древних славян. Жизнь далёких предков таила для поэтов онтологическую полноту, направляющую на осмысление черт современного национального самосознания, помогающую через прошлое уяснить настоящее и приоткрыть завесу будущего.

Заключение

Утверждённый в русской поэзии XIX в. принцип национальной рефлексии нашёл своё выражение в изображении русского мира через архаические воззрения древних славян. За истекшие столетия славянское сообщество превратилось в Русь – Россию – Российскую империю. Русский народ ушёл от языческого мировоззрения, приняв христианство через православные каноны. Однако в мироощущении далёких предков поэты пытались увидеть и передать в своём творчестве некий заложенный код, способствующий самоидентификации нации, представить древнюю культуру как фактор,

способствующий раскрыть самобытность русского духа, национальной государственности через опорные лейтмотивы, сюжеты, героев.

Литература

- 1- Востоков А.Х. (1890). *Несколько новых данных из научной и литературной деятельности А.Х. Востокова* / Сост. Е.В. Петухов. – Санкт-Петербург. Типография В.С. Балашева.
- 2- Востоков А.Х. (1935). *Стихотворения*. Москва. Изд-во «Советский писатель».
- 3- Екатерина II. (1787). *Записки касательно российской истории*. Санкт-Петербург. Императорская типография, ч. I.
- 4- Кайсаров А.С., Глинка Г.А., Рыбаков Б.А. (1993). *Мифы древних славян. Велесова книга*. Саратов. Изд-во «Надежда».
- 5- Лермонтов М.Ю. (2000). *Полное собрание сочинений*: В 10 т. Москва. Изд-во «Воскресенье», т. 3.
- 6- Люценко Е.П. *Буригой и Ульмила: Эпический опыт (1818) // Труды Любителей российской словесности*. Санкт-Петербург. Типография К. Края. 1818. № 7-9. С. 59-87.
- 7- Люценко Е.П. (1818). *Чеслав: Эпический опыт (1818) // Труды Вольного общества соревнователей просвещения и благотворения*. Санкт-Петербург. Типография К.Края. Ч. 1. С. 226-246.
- 8- Майков Л.Н. (1887). *Батюшков, его жизнь и сочинения*. Санкт-Петербург. Типография В.С. Балашева.
- 9- Маковский М.М. (1996). *Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образ мира и миры образов*. Москва. Изд-во «ВЛАДОС».
- 10- Мерзляков А.Ф. (1822). *Краткое начертание теории изящной словесности*. Москва. Университетская типография, ч. I.
- 11- Морозова Т.Л. (2005). «*Что скажет потомство!*» (Национальное сознание на поворотах истории: документы и публицистика 1730–1750-х гг.) // *Русская литература как форма национального самосознания. XVIII век*. Москва. Изд-во «ИМЛИ РАН». С. 158-188.
- 12- Остолопов Н.Ф. (1821). *Словарь древней и новой поэзии*: В 3 ч. Санкт-Петербург. Типография Императорской Российской Академии наук, ч. 3.
- 13- *Полное собрание русских летописей* (1965): В 15 т. *Патриаршая, или Никоновская летопись*. Москва, ч. 9-10.
- 14- Пушкин А.С. (1995). *Полное собрание сочинений*: В 17 т. Москва. Изд-во «Воскресенье», т. 13.

- 15- Рылеев К.Ф. (1983). *Сочинения*. Москва. Изд-во «Правда».
- 16- Фроянов И.Я. (1992). *Мятежный Новгород. Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX—начала XIII столетия*. Санкт-Петербург. Изд-во Санкт-Петербургского университета.
- 17- Шишков А.С. (1811). *Разговоры о словесности*. Санкт-Петербург. Типография Глазунова
- 18- Языков Н.М. (1964). *Полное собрание стихотворений*. Москва-Ленинград. Изд-во «Советский писатель».

Bibliography

- 1- Vostokov A.H. (1890). *Neskol'ko novyh dannyh iz nauchnoj i literaturnoj dejatel'nosti A.H. Vostokova* / Sost. E.V. Petuhov. – Sankt-Peterburg. Tipografija V.S. Balasheva.
- 2- Vostokov A.H. (1935). *Stihotvorenija*. Moskva. Izd-vo «Sovetskij pisatel'».
- 3- Ekaterina II. (1787). *Zapiski kasatel'no rossijskoj istorii*. Sankt-Peterburg. Imperatorskaja tipografija, ch. I.
- 4- Kajsarov A.S., Glinka G.A., Rybakov B.A. (1993). *Mify drevnih slavjan. Velesova kniga*. Saratov. Izd-vo «Nadezhda».
- 5- Lermontov M.Ju. (2000). *Polnoe sobranie sochinenij: V 10 t.* Moskva. Izd-vo «Voskresen'e», t. 3.
- 6- Ljucenko E.P. *Burivoj i Ul'mila: Jepicheskij opyt (1818) // Trudy Ljubitelej rossijskoj slovesnosti*. Sankt-Peterburg. Tipografija K. Kraja. 1818. № 7-9. S. 59-87.
- 7- Ljucenko E.P. (1818). *Cheslav: Jepicheskij opyt (1818) // Trudy Vol'nogo obshhestva sorevnovatelej prosveshhenija i blagotvorenija*. Sankt-Peterburg. Tipografija K.Kraja. Ch. I. S. 226-246.
- 8- Majkov L.N. (1887). *Batjushkov, ego zhizn' i sochinenija*. Sankt-Peterburg. Tipografija V.S. Balasheva.
- 9- Makovskij M.M. (1996). *Sravnitel'nyj slovar' mifologicheskoi simvoliki v indoevropskix jazykah. Obraz mira i miry obrazov*. Moskva. Izd-vo «VLADOS».
- 10- Merzljakov A.F. (1822). *Kratkoe nachertanie teorii izjashhnoj slovesnosti*. Moskva. Universitetskaja tipografija, ch. I.
- 11- Morozova T.L. (2005). «*Chto skazhet potomstvo!*» (*Nacional'noe soznanie na povorotah istorii: dokumenty i publicistika 1730–1750-h gg.*) // *Russkaja literatura kak forma nacional'nogo samosoznanija. HVIII vek*. Moskva. Izd-vo «IMLI RAN». S. 158-188.
- 12- Ostolopov N.F. (1821). *Slovar' drevnej i novej poezii: V 3 ch.* Sankt-Peterburg. Tipografija Imperatorskoj Rossijskoj Akademii nauk, ch. 3.

- 13- *Polnoe sobranie russkih letopisej* (1965): V 15 t. *Patriarshaja, ili Nikonovskaja letopis'*. Moskva, ch. 9-10.
- 14- Pushkin A.S. (1995). *Polnoe sobranie sochinenij*: V 17 t. Moskva. Izd-vo «Voskresen'e», t. 13.
- 15- Ryleev K.F. (1983). *Sochinenija*. Moskva. Izd-vo «Pravda».
- 16- Frojanov I.Ja. (1992). *Mjatezhnyj Novgorod. Očerki istorii gosudarstvennosti, social'noj i političeskoj bor'by konca IH—nachala HIII stoletija*. Sankt-Peterburg. Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta.
- 17- Shishkov A.S. (1811). *Razgovory o slovesnosti*. Sankt-Peterburg. Tipografija Glazunova
- 18- Jazykov N.M. (1964). *Polnoe sobranie stihotvorenij*. Moskva-Leningrad. Izd-vo «Sovetskij pisatel'».

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Nesterova Tatyana Petrovna (2018). The Ancient Slavs in the Russian Poetry of the 19th Century. *Issledovatel'skiy zhurnal russkogo yazyka i literatury*.12(2): pp:29-49

DOI: 10.29252/iarll.12.29

URL: <http://journaliarll.ir/article-1-141-en.html>



The Mystery of the Story "The White Eagle" by N.S. Leskov

Novikova-Stroganova Alla Anatolievna¹

Professor, Orel State University named after I.S. Turgenev

(date of receiving: December, 2017; date of acceptance: July, 2018)

Abstract

The story "White Eagle" (1880) by Nikolai Semenovich Leskov (1831–1895) is still one of the most enigmatic, encoded works of the writer and requires considerable literary decipherment. In this article the originality of the artistic method of N.S. Leskov is determined, who in this story largely relied on the method of "fantastic realism", opened F.M.Dostoevsky. A textual analysis of the "White Eagle" is conducted as a sacred story. The signs characteristic of the Christmas (Christmas, New Year, and Epiphany) story are established. The genre, the plot, the motives, the system of images, reminiscences are investigated. Relations with the tradition of Russian and foreign holy literature, as well as innovation and originality of N.S. Leskov are revealed in the unconventional unfolding of the holy theme in the context of N.S. Leskov's Christmas creativity in general. Social and political issues, the problem of corruption and the peculiarity of its reflection in the literary text of the classic writer are being raised. Particular attention is paid to the evangelical imagery, the biblical subtext of the N.S. Leskov's Christmas work, which in many ways is the key to unraveling the mystery of the story "The White Eagle".

Keywords: N.S. Leskov, the Biblical Tradition, the Sacred Literature, Genre Signs.

1. E-mail: miss.trinity@yandex.ru

Тайна рассказа Н.С. Лескова «Белый орёл»

Новикова-Строганова Алла Анатольевна¹

Профессор, Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева,
Орёл, Россия.

(дата получения: декабрь 2017 г.; дата принятия: июль 2018 г.)

Аннотация

Рассказ Николая Семёновича Лескова (1831–1895) «Белый орёл» (1880) до настоящего времени является одним из самых загадочных, зашифрованных произведений писателя и требует значительной литературоведческой дешифровки. В данной статье определяется своеобразие художественного метода Н.С. Лескова, который в этом рассказе во многом опирался на метод «фантастического реализма», открытый Ф.М. Достоевским. Проводится текстуальный анализ «Белого орла» как святочного рассказа. Устанавливаются признаки, характерные для святочного (рождественского, новогоднего, крещенского) рассказа. Исследуются жанр, сюжет, мотивы, система образов, реминисценции. Выявляются связи с традицией русской и зарубежной святочной словесности, а также новаторство и оригинальность Н.С. Лескова в нетрадиционном раскрытии святочной темы в контексте лесковского святочного творчества в целом. Поднимаются социально-политические вопросы, проблема коррупции и своеобразие её отражения в художественном тексте писателя-классика. Особое внимание уделяется евангельской образности, библейскому подтексту лесковского произведения, который во многом служит ключом к разгадке тайны рассказа «Белый орёл».

Ключевые слова: Н.С. Лесков, Библейская Традиция, Святочная Словесность, Жанровые Признаки, «Белый Орёл».

1. E-mail: miss.trinity@yandex.ru

Введение

Вторая половина XIX в. – время развития святочного рассказа в русской литературе. Жанр получил большое распространение и пользовался неизменной популярностью у самых широких слоёв читающей публики. Однако подъём этот связан был, к сожалению, не столько с качеством, сколько с количеством газетно-журнальной святочной «продукции». С развитием периодики, появлением большого количества новых изданий этот печатный вал увеличивался и разрастался. Ежегодно все российские газеты и журналы к зимним праздникам от Рождества Христова до Крещения помещали обилие святочных материалов.

Например, в ежедневной газете А.С. Суворина «Новое время», в которой долгое время сотрудничал Н.С. Лесков, привычный набор святочных тем оставался неизменным на протяжении долгих лет: это объявления о выставках и продажах праздничных товаров, сообщения о ёлках и маскарадах, заметки о Святках этнографического характера, рисунки и стихотворения на рождественскую тему и непременно два-три святочных рассказа. Среди изобилия заурядных образчиков жанра талантливое сочинение встречалось крайне редко.

Одно из таких счастливых исключений – оригинальное произведение Лескова «Белый орёл. Святочный рассказ» («Новое время». 25 декабря 1880 года. № 1735).

Первую публикацию «Белого орла» в рождественском номере «Нового времени» окружают незатейливые святочные «вещицы» типа рассказа И. Горбунова «Канун Рождества», где разрабатывается банальная празднично-кулинарная тема, или «рассказов с привидениями» «Фаина» И. Богучарова, «Странный случай» за подписью Вячеслав.

Лесков создал в святочном жанре немало истинных литературных шедевров, в их числе – «Белый орёл». Впоследствии писатель снабдил его

подзаголовком «фантастический рассказ». Во многом фантастичным и загадочным он остаётся до настоящего времени.

Основная часть

Долгое время литературоведы стремились прямолинейно объяснить непостижимое в рассказе Лескова «Белый орёл» сугубо рациональными мотивировками, игнорируя тот иррациональный план, который такому объяснению не поддаётся. Так, Л.П. Гроссман, М.С. Горячкина и другие советские исследователи однозначно сочли героя рассказа безумным, связывая образ Галактиона Ильича с «безумными должностными лицами» Гоголя и Достоевского. «“Потусторонним силам” не остаётся места в художественном мире, созданном писателем, – отмечал В.Ю. Троицкий, – “двойник” Аквиляльбова – не более как плод больной фантазии Галактиона Ильича <...> Галактиону Ильичу всюду грезится орден Белого орла, и он составляет своеобразный предмет его недолгого помешательства» (Троицкий 1974. 73). Подобные суждения противоречат истине художественного текста Лескова.

Рассказчик истории о «белом орле» вовсе не выглядит умалишённым, маниакально сосредоточенным на мысли об ордене. Сам герой говорит: «Меня это не сильно озабочивало, тем более, что я знал мою награду» (7, 23). Даже спустя три года после злополучной ревизии Галактион Ильич вполне здравомысляще и даже равнодушно замечает: «Было опять Рождество и Новый год и также ожидалась награда. Меня уже давно обходили, и я об этом не заботился. Не дают, и не надо» (7, 24).

Итак, о безумии героя не может быть речи. Также вряд ли возможно строить предположения о галлюцинациях злополучного ревизора, разъясняя ими многие таинственные явления, происходящие в рассказе. Если некоторые явления Аквиляльбова Галактиону Ильичу, поражённому известием о внезапной смерти молодого человека, психологически постижимы, то, как

объяснить, например, тот факт, что «фантом» является не только «галлюцинирующему» герою, но и его новому слуге. Необычен также эпизод встречи Нового года в гостях, когда «Белый орёл» привычно уже для Галактиона Ильича прошёл мимо него. Но это не только индивидуальная «слуховая и зрительная галлюцинация» героя. Все гости слышали, как «вдруг парадная дверь так хлопнула, что весь дом затрясся», хотя при проверке оказалось, что «дверь на ключе» (7, 25). Об этом загадочном эпизоде в новогоднюю ночь в гостях сам Галактион Ильич предпочитает выразительно промолчать: «Я молчал, чтобы опять не сказали “галлюцинат” и не стали осведомляться о здоровье. Хлопнуло, и шабаш, – мало ли что может хлопнуть...» (7, 25)

Приблизиться к разгадке художественной тайны лесковского рассказа исследователи пытались не раз. С общепринятой точки зрения, таинственное в «Белом орле» равносильно фантастическому.

Этот подход следует признать излишне прямолинейным, чересчур упрощающим проблему. На самом деле таинственность у Лескова выходит за рамки фантастического и этой категорией далеко не исчерпывается.

Однако до сегодняшнего дня анализ рассказа проводился в основном именно в аспекте фантастического, его содержания и функций. В «Белом орле» было обнаружено «движение художественной мысли автора от запуганного, но познаваемого и разоблачаемого – к непонятному, странному и до конца не объяснимому»; указано, что реальной основой фантастических эпизодов в рассказе являются «сложные процессы, происходящие в глубинных пластах психики человека» (Поддубная 1986. 42; 44). По мнению учёных, своим рассказом «Белый орёл» Лесков «подключается к тем писателям-реалистам, которые в 1870-80-е годы обращаются к изображению феноменов в жизни человека, ещё не получивших истолкования, несмотря на колоссальные успехи науки <...> Напротив, обращаясь от познанного к непознанному,

русские реалисты 1870-80-х годов утверждали своими “странными”, “таинственными”, “фантастическими” историями и произведениями познавательные возможности искусства и одновременно прокладывали пути для его дальнейшего развития» (Там же. 48).

Относительно сложной природы фантастики в «Белом орле» был сформулирован справедливый вывод о том, что «детали чисто фантастического плана поддерживают всё повествование на грани сон – явь, инобытие – реальность»; фантастическое «имеет несколько мотивировок, но не исчерпывается ни одной из них» (Тюхова 1987. 73).

Американский учёный Хью Маклейн увидел задачу автора рассказа в том, чтобы скептически настроенного читателя XIX в., знакомого с научными открытиями, который, казалось бы, не должен был вернуться к таинственному, романтическому, сверхъестественному, «пощекотать» «реалистичностью», «вероятностью истории призрака» (McLean 1977. 377).

Конечно, от внимательного читателя не ускользнет целая система красноречивых деталей, выразительных штрихов, авторских намёков, позволяющих трактовать события с разных точек зрения. Лесков добивается многомерной объёмности текста, который уже можно характеризовать не только привычными параметрами – в рассказе есть намёки на выходы в некое «четвёртое измерение». Писатель намеренно изобретает атмосферу запуганности и двусмысленности, искусно включая читателей в ситуацию игры-головоломки. И даже трезвомыслящий, искушённый читатель наслаждается этой игрой, понимая, что ««есть вещи, которые не снились мудрецам» <...> И тут уже не разберёшь, что ложь, что истина, а между тем следить за этим интересно» (7, 6).

При желании можно было бы подыскать рациональные объяснения загадочным явлениям. Так, например, слуга, который рассказывает хозяину о визите Ивана Петровича, мог просто обознаться в сумерках и спросонья, тем

более, что служа в доме недавно, Аквиляльбова он раньше не видел, кроме как на фотографическом портрете. И, тем не менее, необъяснимое – «фантастический избыток» – в «Белом орле» остаётся.

Лесков рассчитывает на читательское восприятие текста, пробуждает активную работу домысливания, включения фантазии. Недаром в преамбуле автор признаётся: «Меня это больше всего занимало со стороны субъективности. В том, что “есть вещи, которые не снились мудрецам”, я не сомневаюсь, но как такие вещи кому представляются – это меня чрезвычайно занимало. И в самом деле, субъективность тут достойна большого внимания. Как, бывало, ни старается рассказчик, чтобы стать в высшую сферу бесплотного мира, а всё непременно заметишь, как замогильный гость приходит на землю, окрашиваясь, точно световой луч, проходящий через цветное стекло» (7, 6).

Для автора важен не только характер субъективного восприятия необычных явлений героем-рассказчиком. Не менее важна Лескову читательская субъективность, побуждающая вчитываться в текст, перечитывать его; позволяющая воссоздать при внимательном чтении собственную реконструкцию событий.

Первое «странное» явление Аквиляльбова перед роковым вечером, когда стало известно о его загадочной смерти: «– Вот можете меня видеть, но только покорно вас благодарю – вы меня сглазили. Я вам за это отмщу» (7, 19), – одни рассматривают как пророческий сон-видение, который «мотивирован ситуацией и впечатлительностью героя» (Тюхова 1987. 72). Тем более, что уже прозвучали слова преступника-губернатора, плетущего свою тёмную интригу против ревизора: «Вы увидите, как страшно говорить с выходцем из могилы» (7, 16), – которые в контексте повести воспринимаются как злое предупреждение.

Другие считают, что этот «фантастический» эпизод представляет собой не сон, а явь, кажущуюся сном, и устанавливает «земность» этой сцены:

«Завершение фразы – “Вы меня сглазили. Я вам за это отомщу” – это те формулы обвинения, которые чуть позже произнесёт губернатор: “Вы Ивана Петровича сглазили”. “Это вам Иван Петрович портит. Он вам мстит за себя...”» (Поддубная 1986. 41).

Лесковский текст предоставляет возможность для этой трактовки, но вместе с тем и предыдущее толкование не исключается, поскольку герой-рассказчик в самом деле находился в полудрёме, в пограничном состоянии между сном и реальностью: «Я проснулся <...> и сам подивился: как ясно привиделся мне во сне Иван Петрович!» (7, 19). Однако чуть ранее Галактион Ильич говорит: «Иван Петрович не дал мне заснуть: он меня скоро и немножко странно потревожил» (7, 18).

Думается, что именно с этого момента начинается святочная путаница, до мелочей продуманная и искусно подстроенная умным и ловким губернатором, для того чтобы окончательно сбить с толку и заморочить ревизора. Теперь уже проверяют самого проверяющего.

Граф Панин, отправляя ревизора с государственным поручением, дал ему важный наказ: смотреть «во всё...» (7, 9). Галактион Ильич, против которого в губернском городе уже раскинуты сети, не может не ощутить некоторой «странности», искусственности ситуации, создаваемой вокруг него: «я все-таки чувствовал, что вокруг меня что-то копошится, что люди выщупывают, с какой бы стороны меня уловить и потом, вероятно, запутать» (7, 10).

Традиция святочного маскарада – ряжения и своеобразная логика обратности (когда всё наоборот, наизнанку, шиворот-навыворот) начинают срабатывать сразу же, как только дознались до уязвимого места Галактиона Ильича – его «слабости» к здоровым людям. Чиновник для поручений, приставленный к ревизору, – «пожилой, сухой и печальный» (7, 12), под стать самому Галактиону Ильичу, – был заменён почти сказочным красавцем: «как бы я ни старался расписать вам Ивана Петровича – живопись моя не может

передать и половины красот оригинала» (7, 13). В самом деле: ни в сказке сказать, ни пером описать. Атмосфера ирреальности, сказочности, «очарованности», «замороженности» искусно нагнетается вокруг неприступного ревизора. И вот его новый помощник уже представляется Галактиону Ильичу «сказочным богатырём»: щеголеватый былинный красавец «Чурило Аплёнкович не мог быть лучше» (7, 13). Он воплощает несбыточную мечту болезненного, похожего на «живого мертвеца» Галактиона Ильича о здоровье, красоте и гармонии. Сам герой признавался, что даже поющие и пляшущие цыгане, которых он «любил послушать на Крестовском», вызывали его восторг своей жизненной энергией: «поневоле заглядишься и замечтаешься» (7, 11).

Можно себе представить, насколько «замечтался» Галактион Ильич, увидев Аквиляльбова. Именно в эту «ахиллесову пяту» и нацелены стрелы зловещей губернаторской интриги: нужно не дать опомниться «замечтавшемуся» ревизору, «перепутать все карты». В этом смысле многозначительными представляются предположение о том, что «Иван Петрович в карты счастливо играет» (7, 14–15), и упоминание вскользь о матери Аквиляльбова, «которая некоторым гадает и пользует» (7, 12–13). Заметим, что ворожея, гадалка, колдунья, цыганка – традиционные персонажи святочного маскарада.

Прежний чиновник, приставленный для поручений, носит фамилию Орнатский («ognate» в переводе с итальянского – украшать). «Фамилия прекрасная, точно герой из старинного романа» (7, 12), – размышляет рассказчик. Но чиновник с «прекрасной фамилией» «впечатление производил нехорошее» (7, 12). Уже в этом диссонансе предчувствуется что-то заданное и зловещее. Тем более не может не удивиться Галактион Ильич, когда ему представляют нового чиновника с ещё более нарочитой фамилией – Аквиляльбов: «Белый орёл! – думаю себе, – что это за странность. Мне орден следует белый орёл, а не Иван Петрович» (7, 13).

Герой должен был бы прислушаться к словам «священнобедника»-протопопа: «Вам чинца обменили. Это всё с умыслю...» (7, 17) Однако замороженный живым воплощением своей мечты Галактион Ильич уже не может следовать совету своего начальника – вникать «во всё». Его мысли далеки от служебных дел: «всё было полно одним Иваном Петровичем» (7, 17). Это и есть немаловажный промежуточный результат дьявольских козней – овладеть мыслями захваченного врасплох человека: «Иван Петрович ушёл, а я остался один дома <...> и признаюсь – чёрт знает, почему несколько раз переносился мыслию к *нему*, то есть к Ивану Петровичу» (7, 14).

Анализируя взаимодействия лесковского рассказа с легендой и мифом, которые проявляются в подтексте через сложную систему ассоциативных связей, рассматривая некоторые особенности «неявного» использования Лесковым мифа, литературоведы пришли к выводу о том, что «образы центральных героев рассказа – Галактиона Ильича и Ивана Петровича – необычайно полисемантически и “мифологичны”» (Пигин 1992. 130). Далее выстраивается «целая цепочка мифологических оппозиций», в которой на первом месте стоит оппозиция: «бес – ангел; смертный человек, покойник – бессмертный Бог, Христос» (Пигин 1992. 133). Из разъяснений исследователя вытекает, что «образ Галактиона Ильича последовательно обнаруживает в себе черты традиционно святочных персонажей: покойника и черта» (Там же. 130). Напротив – Аквиляльбов, «белый орёл» – «птица богов, посланец небес. В христианской традиции этому античному образу соответствует ангел, всегда изображаемый в белых одеждах» (Там же. 132).

На первый взгляд, лесковский текст как будто даёт возможность и для вышеуказанного истолкования. Галактион Ильич обладал «фатальной наружностью»: «внушал ужас, смешанный с некоторым отвращением. Он в одно и то же время был типический деревенский лакей и типический живой мертвец» (7, 7). Главное доказательство в пользу своей версии исследователь

рассказа «Белый орёл» отыскивает в словах, раздающихся под окном Галактиона Ильича: «Вот здесь, – говорят, – живёт этот чёрт, что Ивана Петровича сглазил» (7, 22), – усматривая здесь «прямой намёк на “бесовскую” природу героя» (Там же. 131).

Однако вряд ли можно считать это убедительным аргументом. Нельзя забывать, что приведённые слова отсылают к интриге, затеянной губернатором – главным «бесом» в рассказе, и являются продолжением все той же «логики абсурда», намеренно устраиваемой путаницы в дьявольском расчёте на то, что «глупостям охотнее верят, чем умностям» (7, 19).

Итак, не Галактион Ильич является «бесом» в атмосфере предсвяточной inferнальной замороченности, но и «белый орёл» Аквиляльбов вовсе не «ангел». Чтобы приблизиться к существу метаморфозы, уместно вспомнить поэтические строки Генриха Гейне:

Страшны, о друг мой, дьявольские рожки,

Но ангельские рожцы страшнее... (Гейне 1984. 52)

Имеющий жуткое обличье Галактион Ильич, по характеристике Лескова, «в душе был поэт», «мечтатель», «имел доброе, чувствительное и даже <...> сентиментальное сердце» (7, 7). Аквиляльбов же только рядится в светлые ангельские одежды «белого орла», являясь на самом деле если не «бесом», то наверняка одним из его подручных.

Заслуживает внимания мысль о том, что «в рассказе о неудачной ревизии губернии “мерцает” <...> высокая сакральная тема <...> В соответствии со святочной топикой противоположности должны “играть” и “переодеваться” друг в друга» (Пигин 1992. 133). Но то, каким видится это «переодевание» исследователю, абсолютно не соответствует художественной истине лесковского текста. «Иван Петрович “умирает” и является Галактиону Ильичу в образе “духа”, “выходца из могилы”, “жертва” становится мстителем, ангел

одевает личину нечистой силы» (Пигин 1992. 134), – с этим выводом нельзя согласиться.

На самом деле, всё происходит наоборот: бес прячется за маской «небожителя» – «белого орла». В белые одежды «рядится», маскируется тёмная сила. Ангел не может носить «личину», поскольку «маска», «личина» – это бесовский знак. С миром ангельским связано понятие *лик*. Вспомним лесковского «Запечатленного Ангела»: «Лик у него <...> самый светло-божественный и этакий скоропомощный» (4, 324).

Образ «белого орла», вынесенный в заглавие рассказа, является одним из самых ёмких, полисемантических, неисчерпаемых. «Alba» – значение этого латинского слова не только «белый» цвет, то есть вмещающий все цвета спектра, но и «заря», «рассвет», а значит и «Свет» – в самом высоком, сакральном значении этого слова.

Присносущным светом должны быть высвечены, явлены все тёмные и до поры скрытые деяния. Только при таком условии герой может удостоиться этой «светлой награды», обещанной ему после успешного исполнения поручения. Однако намёк на неудачу есть уже в экспозиции, когда «памятная тетрадь» для записи о будущей награде извлекается графом из-под тяжёлого пресс-папье, изображающего «убитую птичку» (7, 9).

Соответствие между Аквиляльбовым и орденом белого орла, объясняемое исследователями «орденеманией» Галактиона Ильича или «его мечтой о своей «противоположности» – о «белом орле» в широком значении этого образа» (Пигин 1992. 130), продолжает оставаться во многом таинственным.

В свете святочной семантики рассказа чрезвычайно значимой является сцена описания ожидаемых «живых картин» на вечере у губернатора: представление «Саула у волшебницы Андорской» (7, 16). Предполагается, что, разыгрывая библейский сюжет, Аквиляльбов один предстанет в трёх лицах – изобразит и Саула, и Самуила, и чародейку. Немаловажная деталь: мать Ивана

Петровича – гадалка; о нём же говорят, что «особенно хорошо он старух представляет» (7, 15).

По всей видимости, эти «живые картины» готовились губернатором в «назидание» ревизору. Саул – «настоящий библейский царь-пастух» (7, 16), и в нём Галактион Ильич должен узнать самого себя, прозванного «худородный вельможа» (7, 6). А явившаяся Саулу грозная тень Самуила призвана, вероятно, означать предстоящие «явления из-за могилы» Аквиляльбова. Иван Петрович хорошо осведомлён о предназначенной ему будущей роли в «партнерстве» с Галактионом Ильичом, поэтому неслучайна его реплика в ответ на нетерпение ревизора поскорее увидеть молодого человека на сцене: «Надоем» (7, 18).

В Первой Книге Царств говорится, как волшебница в Аэндоре вызвала дух пророка Самуила, и тот предсказал гибель Саулу. Губернатор, артистически воплощающий свои преступные замыслы, прорицает: «...какого увидите Самуила в саване!.. Это вдохновеннейший пророк <...> Вы увидите, как страшно говорить с выходцем из могилы» (7, 16). Недаром преступный губернатор был ещё и артистом, и музыкантом, содержал большой оркестр, так что задуманная им интрига виртуозно разыгрывается как по нотам.

Можно предположить и такой поворот толкования библейской сцены: если бы Галактион Ильич не дал сбить себя с толку и вникнул бы «во все», он сам мог бы «выступить» пророком Самуилом и предсказать гибель карьере злодея-губернатора. В библейском образе духа пророка Самуила: «выходит из земли муж престарелый, одетый в длинную одежду» (1 Царств. 28, 14), – узнаваема «фатальная наружность» «живого мертвеца» Галактиона Ильича: «Встретить его – значило испугаться» (7, 7). Однако в святочной неразберихе снова срабатывает принцип «с ног на голову»: запугивают того, кто «внушал ужас» (7, 7); «ревизию» устраивают самому ревизору.

Чрезвычайно значим в поэтике «Белого орла» хронотоп рассказа. Праздник Рождества Христова настаёт неделю спустя после того, как герой уже отозван в Петербург. Таким образом, события, происходившие в губернии, – это только ожидание Рождества, «ночь перед Рождеством», «предсвятки», когда разыгрываются inferнальные силы, предчувствуя свой близкий конец.

Потому-то потерпели крах надежды Галактиона Ильича на возможность гармонии и счастья, что он не сумел «вникнуть *во всё*»; безоглядно отдал свою душу тому, кто ослепил его «белыми одеждами»; герой не разобрал, «от Бога ли они».

«Удивительно какой гармоничный молодой человек!» (7, 18), – восхищался «белым орлом» Аквиляльбовым «живой мертвец» Галактион Ильич. Но никакой гармонии в атмосфере дьявольских козней и быть не могло. Галактиона Ильича должны были насторожить манеры «белого орла» ещё в первом «видении»: «Вдруг вошёл очень спешной походкой, шумно оттолкнул ногою стоявшие посередине комнаты стулья» (7, 18). И далее: «При жизни он был гораздо деликатнее, и это совсем не отвечало его гармонической натуре, а теперь, как сорванец, ткнул шиш и говорит:

— С тебя вот этого пока довольно» (7, 23).

Галактион Ильич вынужден довольствоваться этим кривляньем под видом «пророчества», потому что сам не сумел выступить в роли «пророка Самуила» в святочном спектакле, так как упустил из виду новозаветное предупреждение: «*восстанут лжехристы и лжепророки и дадут великие знаменья и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных*» (Мф. 24, 24).

В изречении Евангелия: «*Ибо, где будет труп, там соберутся орлы*» (Мф. 24, 28), – угадывается внетекстовая запредельность рассказа Лескова, намёк на скрытые сверхсмыслы «Белого орла».

В литературоведении предлагалось «ультрареалистическое объяснение» внезапной смерти Аквиляльбова: он мог быть отравлен губернатором, который боялся отставки за свои преступления. «Но непонятно, – размышляет американский учёный, – почему должен был быть отравлен Аквиляльбов, а не Галактион Ильич? Почему Лесков не сделал в тексте намёка на эту возможность?» (McLean 1977. 378)

Ответ на эти недоумения прост: грубые, прямолинейные методы изошрённому преступнику-коррупционеру не подходят, так как не уберегут от следующей – ещё более строгой и взыскательной – ревизии, поэтому умный и ловкий губернатор-«артист» выполняет задуманное мастерски – так, чтобы запутать окончательно и ревизора, и петербургское начальство.

Иная версия у канадского исследователя Кеннета Лантца. Он считает, что Иван Петрович вообще не умирал. Будучи блестящим актёром, он, повинаясь приказу губернатора, вознамерившегося во что бы то ни стало скомпрометировать правительственного ревизора, просто мог «сыграть» собственную смерть и являться каждый раз Галактиону Ильичу под видом привидения. А Галактион Ильич, мечтательный, сентиментальный человек с болезненно сильным воображением, по мнению К. Лантца, – жертва обмана, простофиля; «он попросту одурачен» (Lantz 1979. 122).

В самом деле, таланты Ивана Петровича не исключают такой возможности развития событий. «Он всеобщий любимец в городе» и «мастер на все руки: спеть, сыграть, протанцевать, весёлые фанты устроить – всё Иван Петрович <...> на любую роль готов» (7, 15). Так что молодому человеку не стоило бы особого труда перевоплотиться в собственный призрак. Однако и эту точку зрения нельзя признать неувязимой. Даже при всех своих талантах Аквиляльбов не мог постоянно являться Галактиону Ильичу (и в дороге, и Петербурге, и даже в спальне) при одной только мысли о нём: «А Иван-то Петрович, как только я про него вспомню, сейчас тут и есть» (7, 20).

Против тезиса об «орденомании» Галактиона Ильича приводятся следующие аргументы: «не фанатическая сосредоточенность на награде – причина заболевания Галактиона Ильича, а интрига губернатора, воздействующая на психику героя», который во всей этой истории – «лицо страдательное». Справедливо замечено, что преступник-губернатор в изображении Лескова – ещё «и большой психолог, человек умный и деятельный, умеющий отвести от себя опасность <...> И предмет изучения в “Белом орле” – человек, испытывающий на себе это воздействие. “Коварная сатира” Лескова обнажает здесь такие стороны деспотически несправедливой власти, которые редко исследовались литературой» (Тюхова 1987. 71, 67).

За мистической историей о «сглазе» ясно различима картина кошмара всей социально-политической жизни, в которой преступность, коррупция опутали всё общество вплоть до высших сфер.

По общему мнению, прототипом губернатора в «Белом орле» послужил пензенский губернатор А.А. Панчулидзе, которого, по свидетельству современников, «мало назвать мошенником, но преступник, у которого на душе много злодейств, отрав и разных смертоубийств» (Жемчужников М.М. 1971. 239). Отсюда – догадка всезнайки-священника в рассказе Лескова: «Сглаз и приурок есть, да ведь это цыплят глазят, а Ивана Петровича отравили» (7, 22).

Возможно, что источником впечатлений для написания «Белого орла» послужила не только Пенза, где Лесков бывал по делам фирмы Шкотта, но и родной город писателя Орёл. В очерк «Пресыщение знатностью» вводится «маленький рассказ из собственных личных воспоминаний» (11, 182), в котором автор вспоминает, как «в губернаторство кн. Петра Ив<ановича> Трубецкого <...> прибыл из Петербурга в Орёл сановник или важный чиновник <...> по высочайшему повелению для каких-то расследований».

Ревизор «всматривался в губернатора», деяния которого, впрочем, слишком ярко горели у всех на виду» (11, 182–183).

Разоблачению коррумпированной власти в «Белом орле» посвящена специальная статья Кэтрин О'Коннор (O' Connor 1974. 393–406).

Художественная природа реализма Лескова в рассказе «Белый орёл» тесно соприкасается с «фантастическим реализмом» Достоевского: «Реализм Лескова, сближаясь с “фантастическим реализмом” Достоевского, раскрывает страшную правду реальной жизни, перекрывающую любую фантастику» (Тюхова 1987. 74). Неслучайно Лесков впоследствии заменил подзаголовок «Белого орла» «святочный рассказ» на «фантастический рассказ».

И всё же нет никаких оснований сомневаться в жанровом определении «святочный рассказ», первоначально данном «Белому орлу» автором. Тем более нельзя согласиться с мнением, что в рассказе «нет ничего святочного», риторически выраженном М.С. Горячкиной: «что святочного в “Белом орле”, где показана невежественная <? – А. Н.-С.> преступная среда провинциального и столичного чиновничества?» (Горячкина 1963. 157).

В рассказе налицо не только все формальные признаки канонического жанра (святочная приуроченность, атмосфера таинственности, «фантастичность», «мораль», «счастливый конец», персонажи святочного действия – покойник, привидение, чёрт, гадалка, цыгане; даже ребёнок-сирота – воспитанница Аквиляльбова сиротка Танюша) – соблюсти эти жанровые требования и условности в сюжете несложно. Но главная особенность «Белого орла» заключается в том, что Лесков, оставаясь в рамках рождественско-новогодних «декораций», не только проникает в глубины человеческой природы и психологии, поднимается до вершин духовно-нравственных и социально-политических обобщений, но и устремляется в христиански-мистическую запредельность, символическую неисчерпаемость: из одних загадок прорастают другие. Намеренный уход от конкретных решений,

определяющих смысл значений сам по себе становится наиболее существенной и многозначной особенностью поэтики «Белого орла».

В «Белом орле» Лесков очень умно и тонко разрушает литературное клише святочного «рассказа с привидениями». Природа фантома Аквиляльбова так до конца и не ясна. Нечто похожее различимо в «Пиковой даме» Пушкина, о которой Достоевский писал: «Фантастическое должно до того соприкасаться с реальным, что Вы должны почти поверить ему. Пушкин, давший нам почти все формы искусства, написал “Пиковую даму” – верх искусства фантастического. И вы верите, что Германн действительно имел видение, и именно сообразное с его мировоззрением, а между тем в конце повести, то есть прочтя её, Вы не знаете, как решить: вышло ли это видение из природы Германна или действительно он один из тех, которые соприкоснулись с другим миром, злых и враждебных человечеству духов» (Достоевский 1972–1988. 442)

Заключение

Рассказ «Белый орёл» и сегодня остаётся одним из самых загадочных произведений Лескова: ни одну из попыток его разгадывания нельзя признать исчерпывающей. Именно в этой неисчерпаемости текста, его открытости для толкований и интерпретаций заключается, на мой взгляд, не просто дань жанровым канонам святочного рассказа с его обязательной фантастичностью, но неизмеримое расширение устоявшихся жанровых границ и даже выход за ограниченные рамки земного существования в иные миры – к безграничному, беспредельному.

Тайна «Белого орла» остаётся нераскрытой, так что приходится только удивляться творческой изобретательности великого русского писателя-классика, сумевшего сделать непредсказуемым непритязательный жанр, в котором обычно всё известно заранее.

Литература

- 1- Гейне Г. (1984). *Стихотворения. Поэмы*. Москва, Изд-во «Правда».
- 2- Горячкина М.С. (1963). *Сатира Лескова*. Москва, Изд-во «АН СССР».
- 3- Достоевский Ф.М. (1972–1988). *Полн. собр. соч.: В 30 т. – Т. 15.* – Ленинград, Изд-во «Наука».
- 4- Жемчужников М.М. (1971). *Мои воспоминания из прошлого.* – Ленинград.
- 5- Лантз К.А. (1979). *Николай Лесков.* – Бостон. Тщайне Рублишерс. А Дивисион оф И. К. Халл & Цо.
- 6- Лесков Н.С. (1956–1958). *Собр. соч.: В 11 т. – Т. 7.* Москва, Изд-во «ГИХЛ». Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием тома и страницы.
- 7- МцЛеан Хугх (1977). *Николай Лесков. Тхе Ман анд Хис Арт.* – Харвард Университи Пресс. Цамбридже. Массачусеттс. Лондон. Енгланд.
- 8- О' Коннор К. (1974). Тхе Спецтер оф Политицал Цорруптион: Лесков'с «Щхите Еагле» // *Руссион Литературе Тхияуартерлы*, 8.
- 9- Пигин А.В. (1992). *Миф и легенда в творчестве Н.С. Лескова (рассказ «Белый орёл») // Проблемы исторической поэтики.* – Петрозаводск, Изд-во «ПётрГУ».
- 10- Поддубная Р.Н. (1986). *О фантастическом в рассказе Н. С. Лескова «Белый орёл» // Творчество Н.С. Лескова.* – Курск, Изд-во «КГПИ».
- 11- Троицкий В.Ю. (1974). *Лесков-художник*. Москва, Изд-во «Наука».
- 12- Тюхова Е.В. (1987). *К вопросу о «фантастическом реализме» Н. С. Лескова (рассказ «Белый орёл») // Эстетика и метод.* – Свердловск.

Bibliography

- 1- Gejne G. (1984). *Stihotvorenija. Pojemy*. Moskva, Izd-vo «Pravda».
- 2- Gorjachkina M.S. (1963). *Satira Leskova*. Moskva, Izd-vo «AN SSSR».
- 3- Dostoevskij F.M. (1972–1988). *Poln. sobr. soch.: V 30 t. – T. 15.* – Leningrad, Izd-vo «Nauka».
- 4- Zhemchuzhnikov M.M. (1971). *Moi vospominanija iz proshlogo.* – Leningrad.
- 5- Lantz K.A. (1979). *Nikolai Leskov.* – Boston. Twayne Rublishers. A Division of I. K. Hall & Co.
- 6- Leskov N.S. (1956–1958). *Sobr. soch.: V 11 t. – T. 7.* Moskva, Izd-vo «GIHL». Dalee ssylki na jeto izdanie privodjatsja v tekste stat'i s ukazaniem toma i stranicy.

- 7- McLean Hugh (1977). *Nikolai Leskov. The Man and His Art.* – Harvard Universiti Press. Cambridge. Massachusetts. London. England.
- 8- O' Connor K. (1974). The Specter of Political Corruption: Leskov's «White Eagle» // *Russion Literature Thiquarterly*, 8
- 9- Pigin A.V. (1992). *Mif i legenda v tvorchestve N.S. Leskova (rasskaz «Belyj orjol») // Problemy istoricheskoy pojetiki.* – Petrozavodsk, Izd-vo «PjotrGU».
- 10- Poddubnaja R.N. (1986). *O fantasticheskom v rasskaze N. S. Leskova «Belyj orjol» // Tvorchestvo N.S. Leskova.* – Kursk, Izd-vo «KGPI».
- 11- Troickij V.Ju. (1974). *Leskov-hudozhnik.* Moskva, Izd-vo «Nauka».
- 12- Tjuhova E.V. (1987). *K voprosu o «fantasticheskom realizme» N. S. Leskova (rasskaz «Belyj orjol») // Jestetika i metod.* – Sverdlovsk.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Novikova-Stroganova Alla Anatolievna (2018). The Mystery of the Story "The White Eagle" by N.S. Leskov. *Issledovatel'skiy zhurnal russkogo yazyka i literatury*. 12(2): pp:51-70

DOI: 10.29252/iarll.12.51

URL: <http://journaliarll.ir/article-1-142-en.html>



The Interaction of the Deictic and Pragmatic Components in the Semantics of the Belarusian and English Possessive Pronouns: the Comparative Aspect

Artiomava Olga Alexandrovna¹

Associate professor, Minsk State Linguistic University,
Minsk, Belarus.

(date of receiving: January, 2018; date of acceptance: May, 2018)

Abstract

The article is devoted to the comparative analysis of Belarusian and English pronominal means of expressing personal deixis as one of the most important categories of communication, since an utterance cannot be produced without the indication to participants in speech interaction. Traditionally, personal and possessive pronouns are considered to be the key markers of this category in the language, as they connect the ontological (the nature of things) and situational (real speech situation) concepts together. However, due to their dual semantics, Belarusian and English possessions significantly expand the range of their functions from narrow, conventional ones, which are prescribed by the society and automatically used by the communicators, to additional pragmatic ones that allow regulating the speech interaction on the basis of inter-subjective, personal and axiological oppositions. Thus, as a result, it helps the communicators achieve their goals through the strategy of cooperation with the tactics of establishing contact, integration, praise and sympathy and the confrontation strategy with tactics of threat, lowering the communicative status of the addressee and distancing.

Keywords: Deixis, Communicative Tactics and Strategy, Category of Possessiveness, Indication, Personal Deixis.

1. E-mail: artimosha2008@rambler.ru

**Взаимодействие дейктического и прагматического компонентов
в семантике белорусских и английских притяжательных
местоимений: сопоставительный аспект**

Артемова Ольга Александровна¹

Доцент, Минский государственный лингвистический университет,
Минск, Республика Беларусь.

(дата получения: январь 2018 г.; дата принятия: май 2018 г.)

Аннотация

Статья посвящена сопоставительному анализу белорусских и английских прономинальных средств выражения персонального дейксиса как одной из наиболее важных категорий общения, поскольку высказывание не может быть продуцировано без указания на участников речевого взаимодействия. Традиционно личные и притяжательные местоимения считаются ключевыми маркерами этой категории в языке, поскольку они связывают онтологическую (природа вещей) и ситуационную (конкретная речевая ситуация) концепции вместе. Однако, обладая двойственной семантикой, белорусские и английские посессивы значительно расширяют диапазон своих функций от узких, конвенциональных, являющихся предписанием социума и используемых коммуникантами автоматически, до дополнительных прагматических, позволяющих регулировать речевую интеракцию носителей данных языков на основе трех типов оппозиций: интересубъектной (свой – чужой), личностной (свой – не свой) и аксиологической (правильно – неправильно) оппозиций, что, в результате, способствует достижению коммуникантами своих целей посредством стратегии сотрудничества с тактиками установления контакта, интеграции, похвалы и симпатии, и стратегии конфронтации с тактиками угрозы, понижения коммуникативного статуса адресата и дистанцирования.

Ключевые слова: Дейксис, Коммуникативная Тактика И Стратегия, Категория Посессивности, Указание, Персональный Дейксис.

1. E-mail: artimosha2008@rambler.ru

Введение

Категория дейксиса относится к важнейшим категориям языковой коммуникации, поскольку высказывание не может быть реализовано вне указания на пространство и время. Ядерными средствами актуализации персонального дейксиса, наряду с личными местоимениями, выступают и притяжательные местоимения, относящиеся к корпусу языковых маркеров категории поссесивности, основу которой, по мнению А.Е. Кибрика, составляет «абстрактное отношение когнитивной сопряженности, связывающее два концепта онтологически (по природе вещей) или ситуационно (в конкретной актуализованной ситуации)» (Кибрик 2004. 265), когда говорящему нужен более заметный, когнитивно выпуклый (*salient*) ориентир (*reference point*) для локализации объекта путем соотнесения с этим ориентиром – посессором «для лучшей идентификации искомого референта» (Вайс 2004. 283).

Притяжательные местоимения до сих пор являются предметом лингвистических дискуссий. Некоторые исследователи ставят под вопрос само выделение этих слов в отдельный лексико-грамматический класс (Шахматов 2001. 495) или рассматривают поссесивы как подкласс личных местоимений (Исаченко 1968. 180). Мы, вслед за Б.Ю. Норманом, выделяем поссесивы в отдельный разряд местоименных слов, семантически соотносящихся с личными местоимениями, но обладающих спектром отличительных прагматических характеристик (Норман 1999. 616).

Основная часть

Система современного белорусского языка включает 9 притяжательных местоимений: *мой, наш, твой, ваш, яго, ягоны, ейны, іхні, свой*. Английскому языку свойственно наличие двух типов местоименных поссесивов: относительные (*my, your, his, her, its, our, their*) и абсолютные (*mine, yours, his,*

hers, its, ours, theirs). Несмотря на то, что посессивный компонент является основным в структуре значения этой группы слов, они очень редко (по некоторым подсчетам, лишь в 5 % случаев) обозначают обладание как таковое (Норман 2009. 63). Как правило, они передают идею принадлежности через указание на границы личной сферы коммуникантов, под которой понимается ментальное пространство, куда «входит говорящий и все, что ему близко физически, морально, эмоционально или интеллектуально» (Апресян 1986. 28). Эта особенность категоризации действительности находит отражение в семантике притяжательных местоимений, характеризующиеся совмещением дейктических и назывных сем. Такая двойственность семантики этой группы слов значительно расширяет сферу их прагматических функций от традиционных, конвенциональных, являющихся предписанием социума и используемых коммуникантами автоматически (клише, типовые схемы словосочетаний, синтаксические конструкции и общие модели речевого поведения в конкретных ситуациях: *шчыра Вау, faithfully yours*) до дополнительных прагматических функций, которые позволяют регулировать речевую интеракцию на основе трех типов оппозиций:

1) **интерсубъектной**, когда речевое поведение адресанта выстраивается на основе включения / невключения адресата в личную сферу говорящего (свой / чужой) с актуализацией прагмасмыслов солидарности или отчуждения через поляризацию интересов коммуникантов;

2) **личностной**, когда субъект речи задает тональность общения и демонстрирует расположение к адресату с актуализацией прагмасмыслов доверия, симпатии или отстраненности;

3) **аксиологической**, когда речевое взаимодействие участников коммуникации регулируется системой оценочных установок личности (правильно / неправильно, одобряемо / неодобряемо, допустимо / недопустимо и т.п.).

Эти семантико-когнитивные оппозиции формируют основу речевых стратегий коммуникантов, представляющих собой комплекс речевых действий, направленных на достижение определенных целей. К понятию стратегии, впервые использованному исследователями Т.А. ван Дейком и У. Кинчем для анализа дискурса (Дейк, Кинч, 1983), обращались многие лингвисты. К настоящему времени сложились две наиболее распространенные концепции стратегии как:

а) плана, канвы, типа поведения, определяющих последовательность выбора речевых действий и языковых средств в работах В.С. Кашкина, Т.А. Дейка и В. Кинча, М.Л. Макарова, В.С. Третьяковой;

б) совокупности практических ходов для достижения коммуникативной цели в процессе речевого взаимодействия в работах Б.В. Клюева и Т.В. Матвеевой. С нашей точки зрения, эти две концепции отражают дуалистичную сущность коммуникативной стратегии, которой свойственны ригидность и пластичность. Ригидность выражается в конвенциональности речевого поведения участников интеракции в типичных коммуникативных ситуациях. Пластичность стратегии проявляется в ее наделении говорящего способностью эвристично контролировать решение комплекса задач в рамках цели с определением наиболее приоритетных интенциональных установок и обеспечением возможности их реализации широким спектром разнообразных тактик и приемов при помощи разноуровневых языковых ресурсов в коммуникативных ситуациях, многообразие которых объясняет отсутствие в современной прагмалингвистике исчерпывающей классификации коммуникативных стратегий. Основанием построения такой классификации может выступать:

1) типология целевых установок участников интеракции, направленных на а) изменение компонентов коммуникативной ситуации (регулятивная стратегия), б) осведомление собеседника о фактах и событиях

действительности (диктальная стратегия); в) выражение чувств, эмоций и оценки (модальная стратегия) (Борисова, 2009);

2) степень глобальности коммуникативных целей, варьируемая от локальной коммуникативной задачи в конкретной речевой ситуации, решаемой частными стратегиями, до неограниченных рамками конкретной коммуникативной ситуации целей, реализуемыми общими (когнитивно-семантическими) стратегиями, подразделяющимися на основные и вспомогательные. Основные стратегии контролируют достижение главной цели речевой интеракции. Вспомогательные стратегии способствуют результативной организации речевого взаимодействия посредством коммуникативно-ситуационных (автор, адресат, канал связи, коммуникативный контекст), диалоговых (мониторинг темы и степени понимания) и риторических (эффективное воздействие на адресата) стратегий (Иссерс 2008. 104–109);

3) результат речевой интеракции, соотносящийся с двумя глобальными принципами общения – принципом кооперации и принципом соперничества (конфронтации), в основе которых, по мнению исследователя И. Гоффмана, лежат два основополагающих для каждого индивидуума мотива: защита от вторжения на свою личностную территорию и установление связи с себе подобными (Гоффман 1987. 44). Оба этих мотива взаимодействуют в процессе речевой интеракции, когда говорящий, вступая в коммуникацию, вынужден вторгаться на территорию собеседника и одновременно сохранять свое лицо. Для кооперативного речевого поведения характерны тактики интеграции, солидаризации, интимизации, способствующие повышению статуса адресата и созданию конструктивной атмосферы общения. Конфронтационное речевое поведение организуется тактиками доминирования адресанта и понижения коммуникативного статуса собеседника для создания деструктивной тональности общения и ответной отрицательной эмоциональной и поведенческой реакции адресата.

Промежуточное положение между стратегиями кооперации и конфронтации занимает стратегия негативной вежливости как набор конвенциональных тактик, минимизирующих прямое воздействие на адресата и способствующих его социальному дистанцированию с созданием коммуникативных барьеров между собеседниками (Браун, Левинсон. 1978).

Стратегия реализуется посредством одной или нескольких тактик, обладающих динамическим характером и обеспечивающих ее гибкость. В качестве инструмента реализации тактики выступают коммуникативные приемы более низкого порядка – коммуникативные (речевые) ходы. Рассмотрим функции белорусских и английских притяжательных местоимений в реализации коммуникативных тактик и стратегий носителей этих языков.

Притяжательные местоимения 1-го лица ед.ч. *мой* и *ты*, осуществляя указание на адресанта, в сочетании с именем адресата способствуют сближению говорящего и слушателя с включением последнего в личностную сферу субъекта речи через тактику интеграции: – *Братка ты мой! Хоць ты і тамцюр цара нябеснага, а я цябе люблю, дацьбог, люблю...* (НКРЯ); *"Ah, my cherished! cried The Vengeance; and embraced her* (С. Dickens. The Tale of two Cities) ‘Бесценная **ты моя!** – взвизгнула Мечь и бросилась ей на шею’ (НКРЯ). Обращения, построенные по модели *существительное / прилагательное+ты+мой*, используются как дополнительное средство идентификации и характеристики адресата, где существительные или прилагательные занимают прагматически сильную позицию и актуализируют положительное отношение говорящего к собеседнику: *Дружыначка ж ты мая, нашто ж ты мяне... пакідаеш?* (У. Караткевіч. Каласы пад сярпом тваім) (НКРЯ); *«My ducky, it's only just eleven now»* (J. Galsworthy. Awakening) (НКРЯ) ‘– **Милый ты мой**, сейчас только одиннадцать часов’. В таких случаях, по мнению Н.Д. Арутюновой, possessивное местоимение

осуществляет указание именно на субъект оценки ('для меня ты милая/дорогая') (Арутюнова 1998. 116). По мнению Е.М. Вольф, такое прагматическое значение «хороший, положительный» у поссессивных местоимений 1-го лица, указывает на их связь с оценкой и их аксиологической дистрибуцией, где зона 1-го лица соотносится «с положительной частью оценочной шкалы или смягчает отрицательную оценку», а зона 2-го лица – «с отрицательной» (Вольф 1985. 180). Этой особенностью обусловлено употребление дательного этического *Dativus ethicus* для экспликации желания говорящего присвоить себе самое лучшее, и тогда нейтральная грамматическая метка *мой* становится выражением наивысшей оценки (Цивьян 1983. 116).

Белорусский поссессив 1-го лица мн. ч. *наш* в отличие от его английских эквивалентов *our, ours* является наиболее нагруженным в культурном отношении, что связано не только с историческим наследием советской идеологии, но и с семантическим наполнением 1-го лица мн.ч. как совокупного, «корпоративного». Современный прагмасмысл поссессива *наш* 'правильный, уместный, верный в данном социуме' отличается от своего узкого первоначального значения 'родной, близкий' своей идеологизированностью и масштабностью. Несмотря на то, что местоимение *наш* указывает на множественность субъектов, этот поссессив часто обозначает говорящего, который, отождествляя себя с данным коллективом, разделяет установленные в этом сообществе правила и обязанности и оценивает их положительно, что обуславливает их употребление говорящим для реализации тактики интеграции: – *Справа, браце, у тым, што, як кажучь, не зваліся яшчэ багатыры на нашай зямлі. Нас пазвальнялі, а вось знайшліся паміж нашаю братвою людзі, аб якіх мы нічога не ведаем і якія не мірацца з нашым звальненнем, заступаюцца за нас, пратэстуюць. І наша справа такім чынам набывае пэўны водгук* (Я. Колас. На ростанях) (НКРЯ); *Despite our*

hardships, our union is strong. We do not give up. We do not quit (Обама, 2010)
 ‘Несмотря на **наши** трудности, **наш** союз крепок. **Мы** не уступаем. **Мы** не сдаемся’.

Притяжательные местоимения в этой функции выступают как способ реализации категории детерминации, передавая общее концептуальное содержание взаимодействия и связи конкретного лица с окружающим миром. Отсюда возможность использования местоимений *мой, ты* и *наш, our* в фатической функции как установления контакта с адресатом с реализацией максима такта, скромности и симпатии: *Добры дзень, мае шанюўныя сябры!* (Мая прыгожая Беларусь); *Hello dear viewers!* (Sorastro. Sorastro’s painting) ‘Здравствуйте, дорогие зрители!’

В противоположность 1-му лицу посессив 2-го лица зачастую характеризуется пейоративностью семантики с реализацией тактики отчуждения. Однако во многих случаях это не просто отрицательная семантика, но и скрытая цитация, отсылка к адресату с передачей его мнения и манерой говорить, темы, среды: – *Ну як жа не любіць яе? – вырвалася ў яго. – А гэтым пытаннем хай твой Гамэр мучаецца. Лени бы ажаніўся* (В. Чаропка. Адрачэнне ад цемры) (НКРЯ); *Сацыялізм ваш здох, хіба ня бачыце! Ад яго на сьвеце смурод* (В. Быкаў. Труба) (НКРЯ); *My auntie "... "Sucks to your auntie!" Ralph did a surface dive and swam under water with his eyes open; the sandy edge of the pool loomed up like a hillside* (W. Golding. Lord of the Flies) ‘Моя тетя... – ‘Слыхали про **твою тетю!** Ральф нырнул и поплыл под водой со открытыми глазами: песчаный край бухты маячил, как горный кряж’ (НКРЯ).

На наш взгляд, такой разнополярность прагматических значений посессивных конструкций с притяжательными местоимениями 1-го и 2-го лиц объясняется выделенностью адресанта и адресата как ориентиров в коммуникативной ситуации. В этом плане интересно наблюдение А. Вежбицкой о грамматикализации многими индоевропейскими языками

плохого или хорошего события посессивными конструкциями, например с Dativus Ethicus, включающими эмоционально воспринимающего события «поссесора» (Вежбицка 1979. 357–360).

Особую роль в белорусском языке выполняет поссессивная конструкция *у+Gen*. Употребление такой конструкции направлена на оказание воздействия на адресата под влиянием фактора субъективации как стремлении языковых единиц отражать не только действительность, но и отношение говорящего к ней. В белорусском языке конструкция *у мяне / у нас* служит для реализации тактик

1) похвалы: – *А якая ж ты ў мяне стала зграбная, прыгожая!* (У. Караткевіч. Дзікае паляванне караля) (НКРЯ);

2) сочувствия и интимизации с актуализацией заинтересованности в субъекте оценки: – *Ты ў мяне адзін астаўся, з усёй нашай сям'і* (К. Чорны. Семнаццаць год) (НКРЯ);

3) угрозы: – *Цяпер ты ў мяне сядзеш, – сплюнуў у сметніцу Патапейка...* (У. Някляеў. Лабух) (НКРЯ).

Подобный прагматический эффект возникает в результате употребления эмоционально-оценочной лексики, для которой, по мнению В.И. Жельвиса, «возможно противоречивое смешение в одном употреблении <...> отрицательно заряженного качества и положительного свойства, и наоборот» (Жельвис 1990. 90), вызванного двойственностью передаваемого эмоционального состояния, которое «неизбежно приводит к амбивалентному восприятию слова» (Жельвис 1990. 90).

В сочетании с именами собственными *ваш* и *твой* могут приобретать качественно-оценочные признаки для реализации тактик

1) порицания: *Антон нецярпліва рэзка ўстаў з лаўкі і, сагнуўшы галаву над нізкаю столлю, зірнуў праз няшчыльна прычыненыя дзверы, з якіх усё несла ветрам і сцюжай. – Ну, дзе ж твой Барматухін?* (В. Быкаў. Пайсці і не вярнуцца) (НКРЯ);

2) понижения коммуникативного статуса референта в фразеологизированных сочетаниях типа *ваш брат: Мне будзе лягчэй, чым **вашаму брату**, бо я ўжо сутыкаўся з забойцам і ў адным сваім жыцці, і ў другім* (У. Мажылоўскі. Тайна гіблай затокі) (НКРЯ).

Формальная структура белорусских притяжательных местоимений 1-го лица *мой, наш* и 2-го лица *твой, ваш* сходна, поэтому они легко рифмуются, что фиксируется многочисленными поговорками и пословицами *І нашым і **вашым**, ні **вашым**, ні **нашым**, наша вам* (Норман 2009): *А ты – **і нашым, і **вашым****. – Я ня **вашым**...* (В. Быкаў. Жоўты пясочак) (НКРЯ).

Посесивы 3-го лица *яго, яе, іх (іхні), his, her, hers, their, theirs* традиционно указывают на некоммуникативных лиц, которые не являются непосредственными участниками речевого акта и используются участниками коммуникации для реализации тактик дистанцирования и сопоставительного анализа через оппозицию притяжательных местоимений 1-го и 3-го лица множественного числа или указательных местоимений *тое, тая, тое, тыя, that, those*: – *Я вам кажу. І вы лепей не на **наш** разумны гуманізм навальвайцеся, а на **тых**, хто трукіць азёры, рэкі, лясы, хто не сёння-заўтра атрукіць акіяны. **Мы** – усё для ўнукаў, хаця рукі ў нас часам бываюць у крыві. У **тых** – усё для кішэні і пуза, а рукі чысценькія* (У. Караткевіч. Чазенія) (НКРЯ); *They [terrorists] act out of hatred; we don't seek revenge, we seek justice out of love.*" (Буш, 2001) '*Они [террористы] действуют из ненависти; **мы** не ищем мести, **мы** ищем справедливости из-за любви*'.

Реализация прагматических категорий зависит от частоты и облигаторности употребления посесива в данном языке. Как показал анализ фактического материала, там, где в английском языке притяжательное местоимение для выражения принадлежности как указания на обладателя обязательно присутствуют (особенно с существительными, обозначающими части тела, членов семьи, одежду), в белорусском языке экспликация этих

отношений необязательна: "*Professor Langdon?*" *A male student in back raised his hand, sounding hopeful* (D. Brown. The Da Vinci Code) [НКРЯ] '– Профессор Лэнгдон? – Какой-то паренек поднял **руку** и с надеждой смотрел на преподавателя'; *Васіль падняў руку і стрэліў – туды, на пагонку, панёсся пагрозны* (Г. Далідовіч. Жывы покліч) (НКРЯ). В белорусском языке употребление притяжательных местоимений с существительными, обозначающими части тела, членов семьи, одежду придает высказыванию дополнительные прагматические коннотации: *Давай дамовімся, дружа. Вось табе мая рука. Твой Віктар* (М. Стральцоў. Сена на асфальце) (НКРЯ). Данное наблюдение позволяет сделать предположение о факультативном характере ориентации на говорящего субъекта в белорусском языке в отличие от английского языка, где эта ориентация обязательна. Это связано с тем, что категория притяжательности и категория детерминации в белорусском языке не имеет грамматического статуса, в то время как в английском языке эти две категории тесно связаны между собой и требуют обязательного эксплицитного выражения: *I stuck out my hand and wondered what he wanted* (L. Weisberger. The Devil Wears Prada) '– Я протянула ему **руку**, мне было интересно, чего он от меня хочет' (НКРЯ). В белорусском языке в подобных контекстах притяжательные местоимения опускаются либо заменяются на поссессив *свой*, аккумулирующий в себе прагмасмыслы всех трех лиц от *свой* «со знаком плюс», где оно эмфатично и находится в ударной, релативной позиции (– *Аткрой, мамаша. Свай* (В. Быкаў. Знак бяды) (НКРЯ) до неударного *свой, свай* «са знаком минус» (– *Ты проста жыцця не даеш людзям сваймі дopyтамі* (І. Шамякін. Крыніцы) (НКРЯ); *Але, відаць, гэта нялёгка зразумець, што рашэнне такое патрэбна не толькі польскаму народу, але і нам, расіянам, – тым «асветнікам», якія хочуць пакласці ў сваю кішэню чужое, і ўсім іншым, хто адурманены вялікадзяржаўным чадам* (І. Шамякін. Петраград-Брэст) (НКРЯ). Эта особенность находит свое отражение и в белорусской

фразеологии, где притяжательное местоимение *свой* часто передает значение 'собственный' *свая кашуля бліжэй да цела* 'своя рубашка ближе телу' (*Мая, твая, яго кашуля бліжэй да цела), *свая сярмяжка не важка* 'своя ноша не тянет' (*Мая, твая, яго сярмяжка не важка).

Заклучение

Таким образом, белорусские и английские притяжательные местоимения, наряду с осуществлением указания на участников коммуникации – адресата и адресанта, позволяют реализовать им свои цели посредством стратегии кооперации с тактиками установления контакта, интеграции, похвалы, сочувствия и интимизации и конфронтации с тактиками угрозы, порицания, понижения коммуникативного статуса референта и дистанцирования.

Литература

- 1- Апресян Ю.Д. (1986). *Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира*. Семиотика и информатика. М., Вып. 28. С. 5-33.
- 2- Арутюнова Н.Д. (1998). *Язык и мир человека*, Москва, Изд-во «Языки славянской культуры».
- 3- Борисова И.Н. (2009). *Русский разговорный диалог: Структура и динамика*. Москва, Изд-во «Либроком».
- 4- Браун, П., Левинсон, С. (1978). *Вежливость: некоторые универсалии в употреблении языка*. Cambridge; New York: Cambridge University Press.
- 5- Буш, Д. (2001). *Вы либо с нами, либо с террористами / Голос Америки* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.voanews.com/content/a-13-a-2001-09-21-14-bush-66411197/549664.html>. Дата доступа: 4.03.2016.
- 6- Вайс Д. (2004). *Смысловый потенциал possessивного отношения и его текстуальная обусловленность в современном русском языке*. Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура. Сборник статей в честь Н. Д. Арутюновой. Москва, Изд-во «Языки славянской культуры».
- 7- Вежбицка, А. (1979). *Этносинтаксис и философия грамматики. Studies in Language*, 3(3). Amsterdam: John Benjamins.
- 8- Вольф Е.М. (1985). *Функциональная семантика оценки*. Москва, Изд-во «Наука».

- 9- Гоффман, И. (1987). *Фигуры речи*. Paris: Minuit.
- 10- Дейк, Т.А, Кинч, В. (1983). *Стратегии понимания связного текста*. New York: Academic Press.
- 11- Жельвис В.И. (1990). *Эмотивный аспект речи. Психолингвистическая интерпретация речевого воздействия*. Ярославль, Изд-во «ЯГТТИ им. К.Д. Ушинского».
- 12- Исаченко, А.В. (1968). *Современный русский язык*. Max Niemeyer Verlag. Teil I. Formenlehre.
- 13- Иссерс О.С. (2008). *Коммуникативные стратегии и тактики русской речи*. Москва, Изд-во «ЛКИ».
- 14- Кибрик А.Е. (2004). *Опыт фронтального корпусного исследования конструкций с внутренним и внешним посессором*. Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции Диалог'2004. Москва, «Изд-во Наука», 2004.
- 15- *Мая прыгожая Беларусь* (Электронный ресурс). Режим доступа: ol1.stolin.edu.by/m/main.aspx?guid=21303
- 16- *НКРЯ – Национальный корпус русского языка* (Электронный ресурс). Режим доступа: <http://www.ruscorgora.ru>.
- 17- Норман Б.Ю (1999). *О притяжательных местоимениях в славянских языках*. Slavia Orientalis. Polska Akademia Nauk, Wydziai Nauk Spotecznych, Komitet Slowianoznawstwa. Krak6w: Bohdan Grell i сбгка, Т. XLVIII, Krak6w: Bohdan Grell i c6rka.
- 18- Норман Б.Ю. (2009). *Лингвистическая прагматика (на материале русского и других славянских языков): курс лекций*. Минск, Изд-во «БГУ».
- 19- Обама Б. (2010). *Замечания Президента к Речи послания к Конгрессу* (Электронный ресурс)– Режим доступа: [http:// whitehouse ...https://obamawhitehouse.archives.gov/the.../remarks-preside...](http://whitehouse...https://obamawhitehouse.archives.gov/the.../remarks-preside...) Дата доступа: 23.04.2017.
- 20- *Сорастро. Картина Сорастро*. (Электронный ресурс). Режим доступа: <https://sorastro.com/author/mrsorastro>. Дата доступа : 23.05.2016.
- 21- Цивьян Т.В. (1983). *Об одном особом аспекте посессивности: Dath. eth. и его трансформы* (на материале балканских языков). Категория притяжательности в славянских и балканских языках. Тезисы совещания. Москва Изд-во «ИСБ АН СССР».
- 22- Шахматов А.А. (2001). *Синтаксис русского языка*. Москва, Изд-во «Эдиториал».

Bibliography

- 1- Apresjan Ju.D. (1986). *Dejsis v leksike i grammatike i naivnaja model' mira*. Semiotika i informatika. M., Vyp. 28. S. 5-33.
- 2- Arutjunova N.D. (1998). *Jazyk i mir cheloveka*, Moskva, Izd-vo «Jazyki slavjanskoj kul'tury».
- 3- Borisova I.N. (2009). *Russkij razgovornyj dialog: Struktura i dinamika*. Moskva, Izd-vo «Librokom».
- 4- Braun, P., Levinson, S. (1978). *Vezhlivost': nekotorye universalii v upotreblenii jazyka*. Cambridge; New York: Cambridge University Press.
- 5- Bush, D. (2001). Vy libo s nami, libo s terroristami / Golos Ameriki [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.voanews.com/content/a-13-a-2001-09-21-14-bush-66411197/549664.html>. Data dostupa: 4.03.2016.
- 6- Vajs D. (2004). Smyslovoj potencial possessivnogo otnoshenija i ego tekstual'naja obuslovlennost' v sovremennom russkom jazyke. Sokrovennye smysly. Slovo. Tekst. Kul'tura. Sbornik statej v chest' N. D. Arutjunovoj. Moskva, Izd-vo «Jazyki slavjanskoj kul'tury».
- 7- Vezhbicka, A. (1979). Jetnosintaksis i filosofija grammatiki. *Studies in Language*, 3(3). Amsterdam: John Benjamins.
- 8- Vol'f E.M. (1985). *Funkcional'naja semantika ocenki*. Moskva, Izd-vo «Nauka».
- 9- Goffman, I. (1987). *Figury rechi*. Paris: Minuit.
- 10- Dejk, T.A., Kinch, V. (1983). *Strategii ponimaniya svjaznogo teksta*. New York: Academic Press.
- 11- Zhel'vis V.I. (1990). *Jemotivnyj aspekt rechi. Psiholingvisticheskaja interpretacija rechevogo vozdejstvija*. Jaroslavl', Izd-vo «JaGTGI im. K.D. Ushinskogo».
- 12- Isachenko, A.V. (1968). *Sovremennyj russkij jazyk*. Max Niemeyer Verlag. Teil I. Formenlehre.
- 13- Issers O.S. (2008). *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoj rechi*. Moskva, Izd-vo «LKI».
- 14- Kibrik A.E. (2004). *Opyt frontal'nogo korpusnogo issledovanija konstrukcij s vnutrennim i vneshnim posessorom*. Komp'juternaja lingvistika i intellektual'nye tehnologii: Trudy mezhdunarodnoj konferencii Dialog'2004. Moskva, «Izd-vo Nauka», 2004.
- 15- *Maja prygozhaja Belarus'* (Jelektronnyj resurs). Rezhim dostupa: ol1.stolin.edu.by/m/main.aspx?guid=21303
- 16- *NKRJa – Nacional'nyj korpus russkogo jazyka* (Jelektronnyj resurs). Rezhim dostupa: [http:// www. ruscorpora.ru](http://www.ruscorpora.ru).

- 17- Norman B.Ju (1999). *O pritzhatel'nyh mestoimenijah v slavjanskih jazykah*. Slavia Orientalis. Polska Akademia Nauk, Wydziai Nauk Spotecznych, Komitet Slowianoznawstwa. Krak6w: Bohdan Grell i sbgka, T. XLVIII, Krak6w: Bohdan Grell i c6rka.
- 18- Norman B.Ju. (2009). *Lingvisticheskaja pragmatika* (na materiale russkogo i drugih slavjanskih jazykov): kurs lekcij. Minsk, Izd-vo «BGU».
- 19- Obama, B. (2010). *Zamechanija Prezidenta k Rechi poslanija k Kongressu* (Jelektronnyj resurs) – Rezhim dostupa: [http:// whitehouse ...https://obamawhitehouse.archives.gov/the.../remarks-preside...](http://whitehouse...https://obamawhitehouse.archives.gov/the.../remarks-preside...) Data dostupa: 23.04.2017.
- 20- Sorastro. *Kartina Sorastro*. (Jelektronnyj resurs). Rezhim dostupa: <https://sorastro.com/author/mrsorastro>. Data dostupa : 23.05.2016.
- 21- Civ'jan T.V. (1983). *Ob odnom osobom aspekte possessivnosti: Dath. eth. i ego transformy* (na materiale balkanskih jazykov). Kategorija pritzhatel'nosti v slavjanskih i balkanskih jazykah. Tezisy soveshhanija. Moskva Izd-vo «ISB AN SSSR».
- 22- Shahmatov A.A. (2001). *Sintaksis russkogo jazyka*. Moskva, Izd-vo «Jeditorial».

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Artiomava Olga Alexandrovna (2018). The Interaction of the Deictic and Pragmatic Components in the Semantics of the Belarusian and English Possessive Pronouns: the Comparative Aspect . *Issledovatel'skiy zhurnal russkogo yazyka i literatury*. 12(2):pp:71-86

DOI: 10.29252/iarll.12.51

URL: <http://journaliarll.ir/article-1-143-en.html>



Some Aspects of the Phenomenon of Borrowing in the Terminology of Information Technology

Goncharova Natalya Nicolaevna¹

Associate professor, Tula State University,
Tula, Russia.

(date of receiving: February, 2018; date of acceptance: May, 2018)

Abstract

This article contains information about the processes of the terminological borrowing in sublingual of information technologies in the period of formation of the terminological core of the industry, in the 50-80 years of the twentieth century. The lexical and semantic borrowing is analyzed. The most species are represented: full semantic, secondary (partial semantic), derivational. Lexical borrowings are words with all their phonomorphological and semantic characteristics. Semantic borrowing means selection of lexical equivalent in a host language. Derivational skinning is a process by which its derivational structure of foreign language words transmitted by morpheme translation of the Russian roots and affixes. Partial semantic, or secondary, borrowing occurs when there are words in two languages with a matching phono-morphological appearance in comparable close meanings. The technique of differentiation of word-products of semantic transformations and secondary borrowings is proposed. The meaning known in the language is compared with the new meaning in order to determine the presence of semantic transformations based on the development of the main or additional seme, and then with the meaning in the intended source language.

Keywords: Sublanguage Information Technologies, Lexical Borrowing, Semantic Borrowing, Secondary (Partial Semantic) Borrowing, Word Formative Borrowing.

1. E-mail: nn_goncharova@bk.ru

Некоторые аспекты явления заимствования в терминологии информационных технологий

Гончарова Наталия Николаевна¹

Доцент, Тульский государственный университет,
Тула, Россия.

(дата получения: февраль 2018 г.; дата принятия: май 2018 г.)

Аннотация

Статья содержит информацию о процессах терминологического заимствования в подязыке информационных технологий в период становления терминологического ядра данной отрасли, в 50-80 гг. XX в. Проанализированы лексическое и семантическое заимствования. Последнее представлено разновидностями: полное семантическое, вторичное (частичное семантическое), словообразовательное. Лексические заимствования – слова со всеми своими фонеморфологическими и семантическими характеристиками. Семантическое заимствование означает подбор лексического эквивалента заимствуемому понятию в языке-реципиенте. Словообразовательное калькирование – процесс, при котором словообразовательная структура иноязычных слов передается в результате поморфемного перевода русскими корнями и аффиксами. Частичное семантическое, или вторичное, заимствование происходит при наличии в двух языках слов с совпадающим фонеморфологическим обликом в сопоставимо близких значениях. Предложена методика разграничения слов-продуктов семантических преобразований и вторичных заимствований. Известное в языке значение сопоставляется с новым значением с целью определения наличия семантических преобразований на основе развития основной или дополнительных сем, а затем – со значением в предполагаемом языке-источнике.

Ключевые слова: Подязык Информационных Технологий, Лексическое Заимствование, Семантическое Заимствование, Полное Семантическое Заимствование, Вторичное (Частичное Семантическое) Заимствование, Словообразовательное Заимствование.

1. E-mail: nn_goncharova@bk.ru

Введение

Терминология и номенклатура информационных технологий является кодифицированной, главной, ядерной частью подъязыка информационных технологий, включающего в себя ещё профессионализмы и профессиональные жаргонизмы. В развитии подъязыка информационных технологий выделяются **три этапа** в соответствии со сменой поколений вычислительной техники на основе формирования страт подъязыка и дальнейшего внедрения их элементов в общенациональный язык. На **первом этапе**, в 50-е – 80-е гг. XX в., когда отечественные разработки в области вычислительной техники отличаются автономностью, независимостью от западных технологий, происходит формирование кодифицированной части подъязыка информационных технологий – терминологии и номенклатуры – как значительного фрагмента научного стиля литературного языка. **Второй этап** развития информационных технологий в России (90-е гг. XX в.) характеризуется прекращением отечественных разработок, импортом аппаратных и программных продуктов, заимствованием лексических единиц, их номинирующих, активным развитием некодифицированной части подъязыка информационных технологий – профессионализмов и профессиональных жаргонизмов как части профессионального просторечия и профессиональных жаргонов. В настоящее время, **на третьем этапе** развития информационных технологий, происходит интенсивная информатизация всех сфер жизни общества, что ведёт к повсеместному употреблению лексических единиц, связанных с информационно-компьютерной техникой, проникновение их во все разновидности и стили литературного языка (Гончарова. 2017).

По степени интенсивности воздействия английского языка на развитие подъязыка информационных технологий последовательно прослеживаются **два периода**: 1 период – «доанглийский»: 50-е – 80-е гг. XX в.; 2 период – «английский»: 90-е гг. XX в. – наше время.

Формирование отечественной терминологии и номенклатуры завершилось к 90-м гг. XX в., затем происходила их трансформация под влиянием английского языка. Современная терминология информационных технологий строится на основе, заложенной до 80-х гг. XX в.

II период (90-е гг. – наше время) характеризуется заполнением внутреннего российского рынка вычислительной техникой зарубежного производства. В терминологии преобладают лексические и семантические заимствования из английского языка.

В настоящей работе речь пойдет о специфике заимствования, освоения и функционирования терминологических единиц рассматриваемой предметной области на I этапе (50 – 80-е гг. XX в.), в период наиболее активного развития центральной страны подъязыка информационных технологий.

Основная часть

Предпосылки и принципы терминологического заимствования выявлены Г.П. Мельниковым (Мельников 1991. 93–107). В частности, указываются следующие непереносимые условия терминологического заимствования.

1. Эксплицированность заимствуемой терминологии.
2. Предшествование терминологического заимствования заимствованию конкретных терминологий.
3. Предшествование эксплицированности терминоведения экспликации иных форм терминологического опыта.

Следует учесть, что перечисленные условия ориентированы на заимствование развивающимися странами терминологического опыта других стран и рассчитаны на сознательное заимствование терминологии.

Нам трудно судить о степени эксплицированности терминологии информационных технологий в США, однако российские переводчики технической литературы и составители специальных словарей отмечали, что

«еще более запутывает ситуацию множество синонимических терминов, вводимых для одного и того же понятия различными фирмами» (Григорьев 1997. 3).

Второе и третье условия при заимствовании русским языком терминологии информационных технологий представляются нам неактуальными, поскольку вряд ли Россию в техническом отношении можно причислить к развивающимся странам: в нашей стране терминоведческий опыт весьма высок и эксплицирован.

Ученые, рассматривая общие закономерности терминообразования, указывают источники происхождения терминов:

- готовые лексические средства собственного национального языка;
- готовые лексические средства, заимствованные из других национальных языков;
- готовые стандартные терминоэлементы греко-латинского происхождения (Даниленко 1977. 116–119).

В ходе изучения кодифицированной части подъязыка информационных технологий 50-х – конца 80-х гг. XX в. (было собрано и проанализировано 1410 лексических единиц) мы пришли к выводу, что кодифицированный словарный состав подъязыка данной предметной области по происхождению делится на исконно русскую и заимствованную лексику, включающую слова греко-латинского происхождения (интернационализмы), заимствования из английского языка и некоторых других европейских языков.

Особняком стоят терминологические лексемы, образованные способом сложения на двух и более основах различной этимологии, такие как: *автомонитор, автоподача, машинно-ориентированный, хеш-поиск*. Их смешанный характер не позволяет отнести их ни к одной из вышеперечисленных групп, поэтому целесообразно выделить ещё один вид – гибридные образования.

Количественное соотношение слов кодифицированной части подязыка информационных технологий по происхождению следующее: исконная лексика – 41,8 %, англицизмы – 12,2 %, интернационализмы – 31 %, заимствования из других европейских языков – 7,2 %, сложные гибридные образования – 7,8 %.

Способы заимствования, происходящие в процессе формирования подязыка информационных технологий, представим в виде схемы.

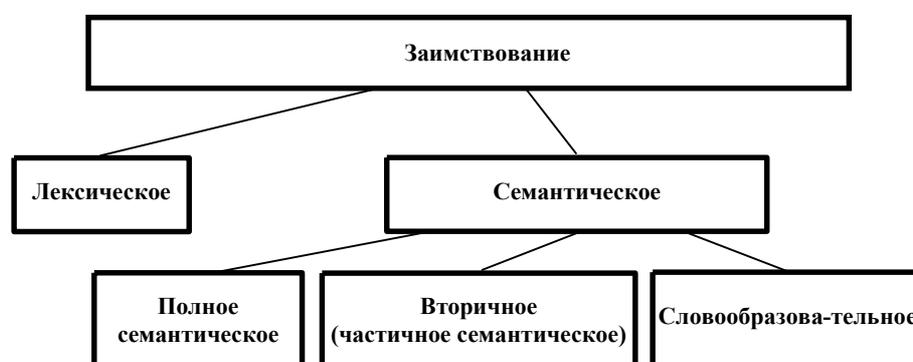


Рис. 1. Способы заимствования в подязыке информационных технологий.

Лексические заимствования – это слова со всеми своими фономорфологическими и семантическими характеристиками. При этом с внешней формой слова заимствуется только одно из его значений – терминологическое. Например, из нескольких приведенных в англо-русском словаре (Англо-русский словарь 1986. 432) значений слова printer: «1) печатник, типограф; 2) набойщик; 3) устройство для печати» заимствуется только последнее, но как узкоспециальное: «Printer – принтер – печатающее устройство. Устройство вывода, предназначенное для образования документальной (жесткой) копии данных преимущественно в форме последовательности дискретных графических символов» (Григорьев 1997. 282).

Слова: *буфер, адаптер, модем, байт, бит, джойстик, диск, домен, кассета, код* –также являются лексическими заимствованиями.

Представим сущность прямого лексического заимствования в табличном виде.

Таблица 1. Прямое лексическое заимствование

	Форма	Терминологическое значение
Язык-источник	Joystick	Вертикальная ручка, которую можно поворачивать в любом направлении для указания направления движения (Григорьев, 1997. 200)
Заимствующий язык	Джойстик	
	Заимствуется	Заимствуется

При прямом лексическом заимствовании происходит постепенное приспособление иноязычного слова ко всем особенностям системы русского языка. Э.В. Кузнецова определяет следующие «моменты, в которых проявляется системное усвоение иноязычного слова:

1. Фонетико-графическое усвоение проявляется в изменении отдельных звуков иноязычного слова в сторону сближения их с фонетической системой русского языка.

2. Морфологическое приспособление иноязычных слов протекает по-разному у существительных, с одной стороны, и у глаголов, прилагательных – с другой. Трансформация грамматического оформления заимствованных существительных идёт прежде всего в связи с их родовыми значениями... Что касается прилагательных и глаголов, то их приспособление сопровождается изменением не только грамматического (флексионного) оформления, но и структуры основы.

3. Семантическое усвоение иноязычных слов определяется внутрилингвистическими факторами. Иноязычное слово, попадая в систему русской лексики, либо занимает «пустую клетку» и становится основным средством номинации, либо входит в окружение близких, иногда синонимичных слов. В любом случае ему приходится включаться в межсловные парадигматические связи с русскими словами, семантически приспособляться к ним» (Кузнецова 1989. 147–149).

Другим способом заимствования является **словообразовательное калькирование** – процесс, при котором словообразовательная структура иноязычных слов передается в результате поморфемного перевода русскими корнями и аффиксами. Примеры словообразовательных калек: *живучесть*, *помехоустойчивость* – *robustness*.

Кроме полных калек, в терминологии информационных технологий выявлены и полукальки – слова, соответствующие словообразовательной структуре иноязычных слов, но состоящие частично из «материала» иноязычного слова, частично – из «материала» русского языка, например *дисковод*, *хэш-поиск*, *хэш-таблица*, *хэш-функция*. Полукальки мы считаем результатом словообразовательного калькирования.

Особенности явления словообразовательного калькирования представим в табличном виде.

Таблица 2. Словообразовательное калькирование

	Форма	Терминологическое значение
Язык-источник	Disk Drive	Электромеханическое устройство, осуществляющее чтение с дисков и запись на них (Толковый словарь по вычислительной технике, 1995. 136)
Заимствующий язык	Дисковод	
	Не совпадает	Заимствуется

Таким образом, при словообразовательном калькировании наблюдается

- различное фонетико-графическое оформление слов;
- отсутствие в заимствующем языке общелитературного и терминологического значения заимствуемого слова.

Семантическое образование и семантическое калькирование взаимосвязаны. Единство и общность этих процессов уже подчеркивалось в литературе: «...соответствующее явление наблюдается и тогда, когда новое значение возникает у слова в результате семантического калькирования. Появление у исконного слова омонимического переносного значения, характерного для иноязычного слова, оказывается возможным лишь в том случае, когда последнее в качестве прямого значения имеет то же, что и исконное. Иначе говоря, процесс семантического калькирования обязательно предполагает номинативную тождественность исконного и калькируемого слова и осуществляется по тому же правилу словообразовательного квадрата, что и «внутриязыковое» возникновение омонимов» (Шанский 1973. 12).

Примерами семантического заимствования являются следующие термины:

Window – **окно** – «обрамленная масштабируемая часть экрана, содержащая программу, документ или сообщение, а также собственное меню или другие средства управления. В некоторых программах окна располагаются на экране вплотную, граница к границе, в других – открытые окна могут частично накладываться друг на друга» (Толковый словарь по вычислительной технике 1995. 409).

Mouse – **мышь** – «широко известное устройство, получившее распространение как стандартное оборудование персональных компьютеров. Отличительные особенности мыши: корпус, помещающийся в руке с плоской нижней частью; одна или несколько кнопок на верхней части; механизм определения перемещений; шнур, соединяющий мышь с компьютером. Перемещая мышь по плоской поверхности, пользователь тем самым управляет экраным курсором» (Там же. 278).

Слова *окно*, *мышь*, хорошо известные в русском языке, приобретают новое, вторичное (терминологическое) значение по аналогии с соответствующими английскими словами. Например: «Имитируем в *окне* готовые страницы» (Сван 1996. 319). «Метод Paint формы копирует клиентскую область *окна* во внеэкранный растровое изображение...» (Там же.). «То, как некоторые пользователи обращаются с *мышью*, можно сравнить с виртуозностью гонщиков на Порше по горному серпантину. Другие же так нежно нажимают на "*мышинные*" педали, как будто бы она (мышь) еще только нуждается в обкатке» (Там же. 85). В данном случае мы имеем дело с семантическим типом калькирования.

Представим особенности процесса семантического заимствования в табличном виде.

Таблица 3. Семантическое заимствование

	Форма	Основное значение	Терминологическое Значение
Язык-источник	Mouse	Мышь, мышка, мышонок [Уилсон, 1982, С. 399]. Небольшой грызун, обычно серого цвета, с острой мордочкой и длинным голым хвостом, приносящий вред в хозяйстве [Слов. рус. яз. т. 2, с. 319].	Подключенное к компьютеру небольшое устройство, которое при движении по поверхности стола вызывает соответствующее перемещение указателя на экране [Григорьев. с. 236].
Заимствующий язык	Мышь	Небольшой грызун, обычно серого цвета, с острой мордочкой и длинным голым хвостом, приносящий вред в хозяйстве [Слов. рус. яз. т. 2, с. 319].	
	Не совпадает	Совпадает	Заимствуется

Таким образом, при семантическом заимствовании наблюдается:

- различное фонетико-графическое оформление слов;
- совпадение общелитературных значений слов в языке-источнике и заимствующем языке;
- начальное отсутствие терминологического значения в заимствующем языке.

Стоит заметить, что в данном случае терминологическое значение в языке-источнике (англо-американском) получено в результате метафорического переноса на основе схожести. Данный факт семантического калькирования продуктов метафоризации свидетельствует об общности, типичности ассоциаций носителей английского и русского языков. При отсутствии схожих ассоциаций семантическое заимствование в принципе невозможно.

При семантическом калькировании роль заимствующего языка нельзя считать пассивной. Ведь из всего арсенала средств языка в качестве калек выбираются слова, способные наиболее точно выразить значение заимствуемого понятия.

Часто возникает проблема разграничения случаев семантического заимствования (калькирования) и самостоятельного терминологирования слова в результате семантических преобразований на базе русского языка. Трудность и неоднозначность интерпретаций подобных явлений вызывают необходимость тщательного анализа.

В первую очередь следует выявить случаи наиболее раннего функционирования данного термина в собственно русскоязычных или переводных специальных контекстах. Именно этот временной фактор, на наш взгляд, окажется определяющим при трактовке способа вхождения единицы в отечественную терминологию информационных технологий либо в результате саморазвития языка, либо вследствие семантического калькирования.

Далее следует сопоставить собственно терминологические значения в обоих языках, определив общее и различное в их значениях.

Для выявления механизмов появления новых терминов на исконно русском языковом материале стоит обратиться к сопоставлению общелитературных значений исходных слов в русском и английском языках с учётом их потенциальных сем.

На основе сопоставления общелитературных значений исходных слов с семантикой терминологических единиц определить наибольшую степень соотнесённости термина с исходным словом в русском или английском языке.

Интересна и показательна семантическая диалектика глагола-термина *загружать* – *загрузить* и образованного на его основе существительного *загрузка*.

Стоит заметить, что функционирование данного термина относится к первому, доанглийскому этапу становления терминологии информационных технологий. «Отношение S к 2^m называется коэффициентом *загрузки* таблицы. Понятно, что для коэффициента *загрузки* (f, S) справедливо равенство $a(f, S) = 2^{-R(f,S)}$, где f – кодирование, называемое также преобразованием «ключ – адрес» (Кричевский. 1989. 35).

Терминологическое прилагательное *загрузочный*, образованное от существительного *загрузка* употребляется в специальных контекстах, например в издании 1984 года: «Карты 2–3 содержат описание библиотеки *загрузочных* модулей, в которой находится программа ТАКСОН...» (Вапник 1984. 421).

В тот период указанный термин имеет следующие дефиниции:

Загрузка по линии связи – «пересылка программ или данных из центральной или управляющей ЭВМ удалённому терминалу» (Толковый словарь по вычислительным системам 1989. 158).

Загрузка с запоминанием – «устаревший режим работы ЭВМ, при котором непосредственно после загрузки и компиляции или ассемблирования программы осуществляется заполнение её объектного кода» (Толковый словарь по вычислительным системам 1989. 270).

Загрузка с последующим выполнением – «устаревший режим работы ЭВМ, при котором непосредственно после загрузки и компиляции или ассемблирования программы сразу следует её исполнение» (Там же).

Самозагрузка – начальная загрузка – «средство или метод развёртывания программной системы путём ввода простой предварительной команды либо информации» (Там же. 59).

В специальной сфере употребляется также термин *загрузчик*, образованный от основы глагола-термина *загрузить* при помощи суффикса *-чик*.

Загрузчик – программа загрузки – «обслуживающая программа, которая помещает выполняемую программу в оперативную память и приводит её в состояние готовности к исполнению на заключительном этапе процесса компиляции и ассемблирования» (Там же. 270).

Таким образом, наблюдается ряд однокоренных терминов, входящих в терминологические сочетания, образованные в первый доанглийский период развития подязыка информационных технологий.

Русскоязычному термину *загружать – загрузить, загрузка* соответствуют два англоязычных терминоэлемента, согласно Толковому словарю по вычислительной технике 1995 года:

«*Boot* – 1. Загружать – запускать компьютер. 2. Загрузка – процесс запуска или повторного пуска компьютера» (Толковый словарь по вычислительной технике 1995. 53).

«*Load* – загрузка – 1. Перенос информации из накопителя в память для обработки или выполнения. 2. Общее количество вычислений, выполняемых

системой в данный момент. 3. В электронике: ток, протекающий по устройству. 4. В связи: интенсивность информационного потока на линии (Толковый словарь по вычислительной технике 1995. 257).

Однако словарём по вычислительным системам 1989 года не фиксируется англоязычный термин *boot*, вместо него указан термин *bootstrap* в значении «начальная загрузка».

Следует выяснить, что могло послужить основой для семантических изменений в сторону терминологизации либо как результата саморазвития русского языка, либо как продукта семантического калькирования. Для этого сопоставим лексические значения рассматриваемых слов и их англоязычных эквивалентов.

Словарь русского языка фиксирует следующие значения глагола *загружать – загрузить*: «1. Наполнить грузом. *Подумать только – на своих крошечных суденышках, загруженных по самый борт, они [турки] пересекают Черное море!* [Каверин, Перед зеркалом]. 2. перен. Обеспечить работой, дать работу в нужном количестве. *(Мересьев) попал на родной аэродром в самый разгар летного дня, загруженного до предела, как и все дни той боевой весны* [Б. Полевой, Повесть о настоящем человеке]. 3. Заложить руду, топливо и т.п. в печь, домну и т.п. *Я ходил и ходил вокруг доменной печи, делая записи веса материалов, загруженных в печь, описывая внешний вид шлака и чугуна* [М. Павлов, Воспоминания металлурга]» (Словарь русского языка в 4-х томах, 1985–1988). Рассматриваемому глаголу соответствует образованное на его основе существительное *загрузка*.

Сопоставим общеязыковое значение слов *загружать – загрузить* и существительного *загрузка* в русском языке с английскими эквивалентами.

«*Load* – грузить, загружать, нагружать; грузиться, нагружаться; груз, ноша, тех. нагрузка» (Уилсон 1982. 366).

Если смысловое соответствие русских и английских слов *загрузка* – *load* последовательно прослеживается, то семантика лексем *boot*, *bootstrap* и *загрузка* весьма далеко расходятся, не обнаруживая точек опоры для семантического калькирования.

«**Boot** – ботинок, сапог; авт. багажник» (Там же. 73).

«**Strap** – 1) ремень, кушак, пояс; 2) длинная узкая полоса; 3) стягивать ремнём; 4) бить ремнём; 5) *мед.* накладывать пластырь» (Англо-русский словарь 1986. 541).

Bootstrap – ушко, петля на заднике ботинка, облегчающая его надевание (Там же.).

Таким образом, факты, выявленные в результате вышеприведённого анализа, свидетельствуют о естественном саморазвитии русского языка при терминологии общеупотребительных слов *загружать-загрузить*, *загрузка* путём семантических преобразований на основе метафоризации, о чём пойдёт речь ниже.

Традиционно большинством исследователей семантическое заимствование понимается как связанное с калькированием (словообразовательным или семантическим), когда меняется фонеморфологический облик слова. Однако наши наблюдения показали, что заимствование происходит также при наличии в двух языках слов с совпадающим фонеморфологическим обликом в сопоставимо близких значениях, например, при заимствовании интернационализмов как греко-латинского происхождения (*компиляция*, *инициатор*, *архитектура* и др.), так и иного (*меню*, *команда*, *платформа*). При этом заимствуется одно из дополнительных значений слова (терминологическое), сохраняется основное значение в обоих языках.

Сущность этого явления представлена в табличном виде.

Таблица 4. Частичное семантическое заимствование

	Форма	Основное значение	Терминологическое значение
Язык-источник	Archtecture	«Архитектура, зодчество» (Англо-русский словарь, 1986. 41).	Описание (цифровой) вычислительной системы на некотором общем уровне, включающее описание пользовательских возможностей и программирования, системы команд и средств пользовательского интерфейса, организации памяти и системы адресации, операций ввода-вывода и т.д. (Толковый словарь по вычислительным системам. 1989. 27).
Заимствующий язык	Архитектура	«Строительное искусство, зодчество, искусство проектировать и строить» (Словарь иностранных слов. 1988. 56).	
	Совпадает	Совпадает	Заимствуется

Таким образом, наблюдаются следующие особенности рассматриваемого явления:

- совпадение внешнего оформления слова;
- совпадение общелитературных значений слов в языке-источнике и заимствующем языке;
- начальное отсутствие терминологического значения в заимствующем языке – заимствование дополнительного терминологического значения.

Такое явление Л.П. Крысин трактует как **вторичное заимствование**, отмечая, что «в современном русском языке наблюдается процесс вторичного заимствования иноязычных слов: наряду с ранее заимствованным и ассимилированным в языке словом появляется слово, по форме совпадающее с ранее заимствованным, но имеющее иное значение, вплоть до полной омонимии» (Крысин. 2004).

Автором настоящего исследования в 2000 г. было предложено определить подобное явление в подязыке информационных технологий как **частичное семантическое заимствование**, или не прямое воздействие другого языка на семантические процессы в русском языке (Гончарова 2000. 52).

Профессор Л.П. Крысин ставит вопрос о критериях разграничения вторичного заимствования и «естественно развившегося нового значения ранее заимствованного слова» (семантических изменений).

Действительно, рассматривая терминологию информационных технологий, принципиально важно уяснить, «в каких случаях мы имеем дело с процессом саморазвития языка, а в каких – с иноязычным влиянием» (Крысин, 2004), поскольку от этого зависит объективная оценка степени самостоятельности развития отечественной терминологии указанной области, а также влияния английского языка на её формирование.

Для различения вторичных заимствований и развития полисемии у ранее заимствованного слова Л.П. Крысин предлагает учитывать узуальные и экстралингвистические факторы (сферу деятельности, в которой впервые появилось новое употребление ранее заимствованного слова, язык-источник,

время заимствования и др.) в совокупности с собственно лингвистическими соображениями: насколько органично в общезыковом контексте выглядит «то или иное значение как результат семантического саморазвития слова, появления в нём вторичных смыслов» (Крысин. 2004). Анализ предлагается начинать с попытки объяснить возникновение нового значения как результата семантического развития слова. В том случае если это сделать затруднительно, следует обратиться к иноязычным источникам, которые, вероятно, подтвердят факт вторичного заимствования.

Частичное семантическое заимствование (вторичное заимствование) является предпосылкой для дальнейшего бытования нового значения слова в русском языке. Слово усваивается русским подязыком информационных технологий благодаря тому, что аналогичная лексическая единица уже функционирует в нашем языке и является основой для усвоения нового, немного измененного терминологического значения слова.

Процесс освоения нового значения слова – процесс, происходящий уже в русском языке, связанный с семантическими процессами нашего языка – сужением и расширением значения, развития полисемии и омонимии. Таким образом, в случае с интернациональной и заимствованной из европейских языков лексикой факт частичного семантического заимствования (вторичного заимствования) – повод для дальнейшего семантического приспособления слова к функционированию в подязыке информационных технологий и, может быть, в дальнейшем – в общелитературном языке.

Примечательно, что в качестве примера вторичного заимствования Л.П. Крысин приводит термин информационных технологий *директория*: «Термин *директория* в информатике обозначает справочник файлов со ссылками на расположение их для поиска операционной системой компьютера; термин заимствован из английского, где *directory* также является компьютерным термином; ср. ранее заимствованное русским языком из французского

Директория (фр. Directoire) – первоначально для обозначения коллегиального органа исполнительной власти во Французской республике в 1795 – 1799 гг., а затем и для именовании некоторых контрреволюционных правительств во время Гражданской войны 1917 – 1922 гг. в России и на Украине; и в том, и в другом случае заимствования восходят к средневековой латыни, где *directorium* значило «управление, руководство» (Крысин. 2004).

На основании высказанных Л.П. Крысиным положений и примеров можно предложить следующую методику разграничения слов-продуктов семантических преобразований и вторичных заимствований. Известное в языке значение сопоставляется с новым значением с целью определения наличия семантических преобразований на основе развития основной или дополнительных сем, а затем – со значением в предполагаемом языке-источнике. Для большей наглядности порядок сопоставления показан на схеме.



Рис. 2. Сопоставление семантики слов для различения вторичных заимствований и семантических внутриязыковых преобразований.

Выясним семантическую природу однокоренных терминов сферы информационных технологий *компилировать, компиляция, компилятор*. Являются они вторичными заимствованиями либо результатом семантического расширения значения?

В специальной литературе рассматриваемые единицы употребляются в следующих значениях.

Компилировать – «Compile – компилировать – транслировать весь исходный код программы с языка высокого уровня в объектный код»

(Толковый словарь по вычислительной технике, 1995. 91). *Компилятор* – «программа, предназначенная для трансляции высокоуровневого языка в абсолютный код или иногда в язык ассемблера» (Толковый словарь по вычислительным системам. 92).

В общенациональном языке указанный глагол и производные от него существительные имеют следующие значения. *Компилировать* – «заниматься компиляцией» (Словарь иностранных слов 1988. 247). *Компиляция* – «[лат. *compilatio* ограбление, накопление выписок, собрание документов] – работа, составленная путем заимствования и не содержащая собственных обобщений или интерпретаций; несамостоятельное произведение; частное или официальное издание (собрание) законов» (Словарь иностранных слов. 1988. 247). *Компилятор* – «автор компиляции, человек, занимающийся компиляцией» (Словарь иностранных слов 1988. 247).

Анализ представленных значений не позволяет сделать вывод о сколько-нибудь заметной семантической связи общезыкового и терминологического значений исследуемых лексических единиц. Это даёт основание отбросить предположение о возникновении терминологического значения в результате семантических преобразований и прибегнуть к сопоставлению значений в английском языке.

Compile – «1) собирать (факты, данные) 2) составлять (словари и т.п.); компилировать» (Англо-русский словарь 1986. 114).

Оба слова восходят к латинскому *compilatio* – ограбление, накопление выписок, собрание документов. Как видим, одно из значений совпадает с русским значением слова компилировать – заниматься компиляцией, в целом же значение данного слова в английском языке значительно шире. Это даёт основание предположить, что семантические процессы терминообразования происходили в английском языке, вероятно, за счет расширения сем «собирать, составлять». В русский язык терминологическое значение было

импортировано вместе с программным продуктом. Следовательно, в данном случае наблюдается вторичное (частичное семантическое) заимствование

Итак, частичное семантическое, или вторичное, заимствование происходит при наличии в двух языках слов с совпадающим фонеморфологическим обликом в сопоставимо близких значениях, например, при заимствовании лексем как греко-латинского происхождения (*компиляция, инициатор, архитектура и др.*), так и иного (*меню, команда, платформа*). При этом заимствуется одно из дополнительных значений слова (терминологическое), сохраняется основное значение в обоих языках.

Заключение

В заключение отметим, что заимствованная лексика составляет значительный сегмент терминологии информационных технологий. Заимствование бывает лексическим и семантическим. Последнее включает в себя следующие виды: полное семантическое, словообразовательное, частичное семантическое (вторичное).

В «доанглийский» период преобладают внутриязыковые трансформации значений ранее заимствованных слов с целью приспособления их к нуждам терминологии. Иноязычные лексические единицы, ранее известные русскому языку, в процессе их терминования подверглись семантическим изменениям: сужению и расширению значений на основе метонимического или метафорического переноса независимо от английского языка. Это справедливо для заимствований из различных источников: из греческого и латинского, а также из европейских языков включая английский. В силу полной освоенности слов русским языком все они мотивированны и доступны пониманию русскоязычного специалиста. Этот факт свидетельствует о самостоятельности формирования отечественной терминологии рассматриваемой отрасли в первый, «доанглийский», период её развития.

В последующий период чаще происходят вторичные (частичные семантические) заимствования, когда новое терминологическое значение заимствуется вместе с фонеморфологическим обликом слова, совпадающим с уже функционирующим в языке (например, *директория, импорт, меню, периферия*). Вторичное заимствование коснулось лексических единиц, заимствованных ранее из различных источников: из греческого и латинского, а также из европейских языков. Хотя зачастую значения первичных и вторичных заимствований довольно далеко расходятся, обычно прослеживается общая для них ядерная сема, которая обеспечивает относительную легкость усвоения нового понятия носителями русского языка.

Прямые заимствования терминов-англицизмов, определившие второй, «английский», период развития терминологии информационных технологий, несут в себе много нового и специфичного, модернизируя не только сам языковой материал, но и отношение к терминологии в целом, транслируя в сознание специалистов принципиально иные методы и подходы к информатике, вычислительной технике и программированию.

Литература

- 1- *Англо-русский словарь* (1986). под ред. О.С. Ахмановой и Е.А.М. Уилсон, Москва, Изд-во«Русский язык», 656 с.
- 2- Вапник В.Н., Глазкова Т.Г., Кошечев В.А., Михальский А.И., Червоненкис А.Я. (1984). *Алгоритмы и программы восстановления зависимостей*, под ред. В.Н. Вапника, Москва, Изд-во«Наука», 816 с.
- 3- Гончарова Н.Н. (2000). *Особенности формирования лексического фонда подъязыка информатики и вычислительной техники (на материале кодифицированной и некодифицированной лексики)*: дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Гончарова Наталия Николаевна, Тула, 207 с.
- 4- Гончарова Н.Н. (2017). *Динамика лексического состава подъязыка информационных технологий на фоне эволюции компьютерной техники// Экология языка и коммуникативная практика*. 2017. № 1. С. 88–104
- 5- Григорьев В.Л. (1997). *Англо-русский толковый словарь РС*, Москва, Изд-во«Компьютер», 471 с.

- 6- Даниленко В.П. (1977). *Русская терминология. Опыт лингвистического описания*. Москва, 246 с.
- 7- Кричевский Р.Е. (1989). *Сжатие и поиск информации*, Москва, Изд-во «Радио и связь», 168 с.
- 8- Крысин Л.П. (2004). *Вторичное заимствование и его описание в толковом словаре* // газета «Русский язык» № 44, 23-30.11.2004 – Издательский дом «Первое сентября»
- 9- Кузнецова Э.В. (1989). *Лексикология русского языка*. Изд. 2-е, исправленное и дополненное, Москва, Изд-во «Высшая школа», 216 с.
- 10- Мельников Г.П. (1991). *Основы терминоведения*, Москва, Изд-во «УДН», 116 с.
- 11- Сван Т. (1996). *Основы программирования в Delphi для Windows 95*, Киев, 480 с.
- 12- *Словарь иностранных слов* (1988). Москва, Изд-во «Русский язык», 624 с.
- 13- *Словарь русского языка в 4-х томах* (1985-1988). под ред. А.П. Евгеньевой, Москва, Изд-во «Русский язык».
- 14- *Толковый словарь по вычислительным системам* (1989). под ред. В. Иллингурга и др., Москва, Изд-во «Машиностроение», 568 с.
- 15- *Толковый словарь по вычислительной технике* (1995). Москва, Издательский отдел «Русская редакция», 496 с.
- 16- Уилсон Е.А.М. (1982). *Англо-русский учебный словарь*, Москва, Изд-во «Русский язык», 720 с.
- 17- Шанский Н.М. (1973). *Лексическая деривация в русском языке // Русский язык в школе*, № 3.

Bibliography

- 1- *Anglo-russkij slovar'* (1986). *pod red. O.S. Ahmanovoj i E.A.M. Uilson*, Moskva, Izd-vo «Russkij jazyk», 656 s.
- 2- Vapnik V.N., Glazkova T.G., Koshheev V.A., Mihal'skij A.I., Chervonenkis A.Ja. (1984). *Algoritmy i programmy vosstanovlenija zavisimostej*, pod red. V.N. Vapnika, Moskva, Izd-vo «Nauka», 816 s.
- 3- Goncharova N.N. (2000). *Osobennosti formirovanija leksicheskogo fonda pod#jazyka informatiki i vychislitel'noj tehniki (na materiale kodifitsirovannoj i nekodifitsirovannoj leksiki)*: dis. ... kandidata filologicheskikh nauk: 10.02.01 / Goncharova Natalija Nikolaevna, Tula, 207 s.

- 4- Goncharova N.N. (2017). *Dinamika leksicheskogo sostava pod#jazyka informacionnyh tehnologij na fone jevoljucii komp'juternoj tehniki// Jekologija jazyka i kommunikativnaja praktika*. 2017. № 1. S. 88–104
- 5- Grigor'ev V.L. (1997). *Anglo-russkij tolkovyj slovar' RS*, Moskva, Izd-vo«Komp'juter», 471 s.
- 6- Danilenko V.P. (1977). *Russkaja terminologija. Opyt lingvisticheskogo opisanija*. Moskva, 246 s.
- 7- Krichevskij R.E. (1989). *Szhatie i poisk informacii*, Moskva, Izd-vo«Radio i svjaz'», 168 s.
- 8- 8-Krysin L.P. (2004). *Vtorichnoe zaimstvovanie i ego opisanie v tolkovom slovare // gazeta «Russkij jazyk» № 44, 23-30.11.2004 – Izdatel'skij dom «Pervoe sentjabrja»*
- 9- Kuznecova Je.V. (1989). *Leksikologija russkogo jazyka*. Izd. 2-e, ispravlennoe i dopolnennoe, Moskva, Izd-vo «Vysshaja shkola», 216 s.
- 10- Mel'nikov G.P. (1991). *Osnovy terminovedenija*, Moskva, Izd-vo «UDN», 116 s.
- 11- Svan T. (1996). *Osnovy programirovanija v Delphi dlja Windows 95*, Kiev, 480 s.
- 12- *Slovar' inostrannyh slov* (1988). Moskva, Izd-vo «Russkij jazyk», 624 s.
- 13- *Slovar' russkogo jazyka v 4-h tomah* (1985-1988). pod red. A.P. Evgen'evoj, Moskva, Izd-vo «Russkij jazyk».
- 14- *Tolkovyj slovar' po vychislitel'nym sistemam* (1989). pod red. V. Illinguorta i dr., Moskva, Izd-vo «Mashinostroenie», 568 s.
- 15- *Tolkovyj slovar' po vychislitel'noj tehnike* (1995). Moskva, Izdatel'skij otdel «Russkaja redakcija», 496 s.
- 16- Uilson E.A.M. (1982). *Anglo-russkij uchebnyj slovar'*, Moskva, Izd-vo«Russkij jazyk», 720 s.
- 17- Shanskij N.M. (1973). *Leksicheskaja derivacija v russkom jazyke // Russkij jazyk v shkole, № 3*.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Goncharova Natalya Nicolaevna (2018). Some Aspects of the Phenomenon of Borrowing in the Terminology of Information Technology. *Issledovatel'skiy zhurnal russkogo yazyka i literatury*. 12(2):pp:87-110

DOI: 10.29252/iarll.12.87

URL: <http://journaliarll.ir/article-1-144-en.html>



Commercial Correspondence: Pragmatics, Semantics, Syntax

Guryeva Natalia Yurevna¹

Associate professor, Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia.

(date of receiving: January, 2018; date of acceptance: June, 2018)

Abstract

This article is devoted to analysis of specific features of contemporary Russian business correspondence. The functioning of commercial letter texts used in practice of verbal communication between business partners and verbal situation of organization of business correspondence examines in present text as a process formed in occasion with existed tradition of contacts in commercial sphere and in the same time in context of contemporary tendencies of liberal and democratic discourse of social communication. Practice of interpretation the text of business letter, different semantic aspects of this text, under-textual content of information transcended in written form is studying in concrete context of verbal communication. Positioning of participants of communication, constructed between them communicative distance and used by them verbal tactics connected with business ethic are examining in paper in quality of forms of verbal activity. Using in paper method of conceptual analysis of semantic features of business letters gives possibility not only to understand content and to make evaluation of text but also to determine mostly successful strategy of verbal contact (framing) with objective of achievement practically important and scientifically based results. Business correspondence is studied in paper as a conceptual product with all framing features and particularly by determined pragmatic scenario.

Keywords: Commercial Correspondence, Business Letter, Verbal Communication, Language Semantics, Text Style, Verbal Distance.

1. Email: gri_lanskoi@list.ru

Коммерческая корреспонденция: прагматика, семантика, синтаксис

Гурьева Наталья Юрьевна¹

Доцент, Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия.

(дата получения: январь 2018 г.; дата принятия: июнь 2018 г.)

Аннотация

Статья посвящена анализу особенностей современной российской деловой переписки. Функционирование текстов писем коммерческой направленности, используемое в практике речевого взаимодействия деловых партнеров, и речевая ситуация ведения деловой переписки рассматривается в представляемом тексте в качестве процесса, обусловленного сложившейся традицией контактов в коммерческой среде и в то же время современными тенденциями формирования либерального и демократического дискурса социальной коммуникации. Практика интерпретации текста делового письма, различные семантические аспекты этого текста, подтекстное содержание передаваемой в письменной форме информации изучается в рамках статьи в конкретном контексте речевого взаимодействия. Позиционирование участников коммуникации, выстраиваемая между ними речевая дистанция и применяемые речевые тактики делового этикета рассматриваются в статье в качестве форм речевого действия. Применяемый в статье метод концептуального анализа семантических свойств деловых писем дает возможность не только понять содержание и осуществить оценку текста, но и определить наиболее успешную стратегию речевого взаимодействия (фреймирования) в целях достижения практически значимых и научно обоснованных результатов. Деловая переписка рассматривается в статье как концептуальный продукт, обладающий всеми признаками фрейма и, в частности, заранее определенным сценарием.

Ключевые слова: коммерческая переписка, деловое письмо, речевая коммуникация, языковая семантика, стиль текста, речевая дистанция.

1. Email: gri_lanskoi@list.ru

Введение

Функционирование текстов коммерческих писем в речевом взаимодействии деловых партнеров (адресанта и адресата) и речевая ситуация деловой переписки, т.е. прагматика текста, обусловлены как исторически сложившейся традицией, так и современными тенденциями выстраивания либерально-демократического дискурса коммуникации. В условиях современного общества прослеживаются новые тенденции, обусловленные в среде коммерческой деятельности распространением как минимум на формальном уровне рыночных равноправных отношений не только между взаимодействующими, но и между конкурирующими субъектами. Поскольку с точки зрения языкознания данные тенденции находят отражение, главным образом, в осуществляемой деловой переписке, ее комплексный анализ может представлять не только собственно филологический интерес, но и ценность с точки зрения воспитания необходимых навыков речевого этикета у занимающихся предпринимательством граждан различных стран. В практической сфере исследовательская работа в данной сфере может послужить основанием для создания методических рекомендаций по ведению деловой коммерческой переписке, которые могут быть существенны в том числе для актуального в настоящее время во многих странах мира научного направления когнитивной лингвистики.

Исследование особенностей коммерческой корреспонденции осуществлялось к настоящему времени параллельно в трех направлениях - теории литературного языка, методики и практики делового этикета и теории документоведения. В области теории литературного языка наиболее значимыми с точки зрения разработки темы статьи стала монография В.П. Григорьева, посвященная особенностям семантики современного литературного языка (Григорьев В.П., 1993), и статья В.И. Заботкиной, в которой вопросы языковой семантики и стилистики речевой коммуникации

нашли совмещение с современными представлениями о когнитивной лингвистике (Заботкина В.И., 2015). В сфере изучения методики и практики делового этикета вопросы речевой коммуникации применительно к ведению деловой корреспонденции в целом были наиболее полно изучены В.И. Венедиктовой (Венедиктова В.И., 1994) и Р. Теппером (Теппер Р., 1997), которые исследовали разнообразные проявления норм и отклонений от нормативных требований делового этикета на примерах российской и зарубежной деловой переписки. В области теории документоведения наибольшую значимость для проблематики статьи имеют исследования, подчеркивающие коммуникативную ценность документа и его определяющую роль в регулировании социальных отношений именно с точки зрения языкового и в существенной мере производного от него функционального содержания. Наиболее актуальные и современные наблюдения и выводы в данной области сделаны в статьях А.В. Соколова (Соколов А.В., 2009) и Г.Н. Ланского (Ланской Г.Н., 2017).

Несмотря на сформированность в указанных, а также в некоторых других исследованиях по обозначенной проблематике ряда значимых методологических, теоретических и методических наблюдений и выводов, следует подчеркнуть, что специальных исследований, посвященных конкретным языковым особенностям коммерческой переписки, в настоящее время практически не существует. В представляемой статье тексты коммерческой корреспонденции впервые анализируются как объект и как средство фреймовой коммуникации. Также в системном ключе на основе совмещения лингвистических и документоведческих представлений, а также ряда положений теории управления продемонстрирована прямая прагматическая связь между применяемыми в текстах делового письма языковыми средствами и функционально-целевой значимостью данных текстов. Кроме этого, в значительной мере впервые в рамках проведенного

исследования продемонстрированы примеры грамматических и синтаксических конструкций, используемых в различных по жанровой и видовой принадлежности русскоязычных текстах коммерческого содержания и назначения.

Основная часть.

В связи с ситуацией коммерческой переписки особого внимания заслуживает социально-этикетная сторона речи. В частности, то, что традиционно русская деловая корреспонденция не предполагает сокращения речевой дистанции между коммуникантами: информативный диалог не должен становиться навязчивым, активно вторгаться в личное пространство адресата. Подобная стратегия, характерная для западной, прежде всего американской (Р. Теппер, 1995), традиции составления текстов коммерческой корреспонденции, может спровоцировать коммуникативный конфликт: моделируется эмоциональная рефлексия отчуждения, недоверие в отношении адресанта, провокативности его позиции.

В результате игнорирования несоответствия национальных представлений о социально-этикетной стороне речи, о соотношении между участниками коммуникации в речевых актах и, как следствие выбора сценария текста коммерческого письма по западному образцу возможен также комический эффект при восприятии сообщаемой информации. Прежде всего это относится к оформлению этикетной рамки делового письма и содержания текста постскриптума. В соответствии со сложившейся традицией для русской деловой переписки характерно подчеркнутое речевое неравноправие позиций участников коммуникации. В частности, проявляется сознательно акцентируемое в соответствующих этикетных формулах (фразеосхемах) уважение к адресату, демонстрирующее его особую статусную роль в моделируемой речевой ситуации.

Эту функцию выполняет, к примеру, употребление так называемого этикетного «Вы» при обращении к деловому партнеру, в результате чего элементарный грамматический концепт личного местоимения, имеющий формально-грамматический контекст, приобретает особую семантическую функцию, трансформируясь в связи с этим в концепт-фрейм. Использование этикетного «Вы» в современном русском языке возможно только в деловой переписке и поэтому ассоциативно связано с другими лексико-семантическими языковыми средствами при передаче информации, т.е. предполагает стилистическую маркированность текста в целом. К тому же этикетное «Вы» как концепт-фрейм вызывает в сознании адресата непосредственную ассоциацию с конкретной деловой ситуацией речевого взаимодействия (Баранов А.Н., Добровольский Д.О., 1997).

В качестве примера рассмотренной речевой ситуации при составлении делового письма можно привести следующий пример коммерческого делового предложения:

«От имени Банка Русский Стандарт я рад приветствовать Вас!

Являясь нашим клиентом, Вы зарекомендовали себя с самой лучшей стороны, и я с удовольствием хотел бы поблагодарить Вас за плодотворное сотрудничество. Именно таким клиентам мы стараемся в первую очередь предлагать наши самые новые продукты, все самое современное и интересное.

Со дня основания Банка Русский Стандарт приоритетным направлением для нас являлось создание и предложением клиентам уникальных программ, услуг и продуктов. Отличительной особенностью наших предложений является то, что все они призваны помочь людям решать наиболее важные и жизненные задачи. Самым известным проектом нашего Банка является организация программы потребительского кредитования населения.

Сегодня мы предлагаем лучшим клиентам, в первую очередь Вам, нашу самую новую разработку – депозитную программу «Русский Стандарт».

Создавая этот продукт, мы старались сделать его не только интересным и отвечающим самым взыскательным требованиям наших клиентов, но и высокотехнологичным, удобным и, не в последнюю очередь, красивым. Являясь лидером на рынке потребительского кредитования, мы не могли себе позволить создание депозитного продукта, не отвечающего самым взыскательным требованиям».

Нарушение традиционно сложившегося представления о соотношении между участниками коммуникации, нарушение принципа релевантности, семантическое несоответствие коммуникативной тактики адресанта коммуникативному запросу адресата безусловно влияет на степень практической применимости результата речевого взаимодействия и его социальной значимости. Так, обращение в рамках этикетной формулы приветствия по имени «дорогой» (в русской традиции характерно только для личной переписки с предельно сокращенной речевой дистанцией) в коммерческой корреспонденции может быть воспринято либо иронически в отношении адресанта, что при отсутствии близких, дружеских отношений не соответствует национальному сценарию серьезного информационного диалога, либо способно спровоцировать коммуникативный конфликт. Интерпретация текста, его подтекстного содержания, косвенных и скрытых смыслов, т.е. прагматических пресуппозиций, в перлокутивном аспекте речевого взаимодействия при несоблюдении этикетных норм не способствует оптимизации конструктивного диалога, т.к. демонстрируется не только невнимание к сложившимся национальным традициям и даже пренебрежение ими, но и навязывание чужих стереотипов речевого поведения.

Подобные тенденции позиционирования коммуникантов, выстраивания речевой дистанции и речевых тактик, характерные для современного либерально-демократического дискурса, основаны на сознательном отказе от условностей и стереотипов делового этикета, наиболее ярко и очевидно

проявляясь в реквизите делового письма «постскриптуме». Значение постскриптума, особо подчеркиваемое Р. Теппером (Р. Теппер, 1995) как способа воздействия на адресата в перлокутивном аспекте с целью моделирования определенных эмпатий; эмоциональное отношение к передаваемой информации для установления нормальных, доверительных отношений в практике российской коммерческой переписки также весьма неоднозначно. Сложившаяся в России практика регистрации и учета входящей и исходящей корреспонденции в современных государственных и негосударственных учреждениях предполагает ознакомление достаточно широкого круга сотрудников с содержанием писем. И рекомендации Р. Теппера по составлению текстов постскриптума, содержащего частную и даже в определенной степени конфиденциальную информацию (сведения о семейных отношениях – свадьбы, юбилеи, учеба детей; о неформальных встречах, прогулках, развлечениях) представляются не соответствующими нормам корпоративной этики.

Коммуникативная ситуация позволяет в рамках прагматики проанализировать и когнитивную семантику, и синтаксические особенности (коммуникативный синтаксис) коммерческой корреспонденции. В связи с тем, что процесс коммерческой переписки в рамках конкретной деловой ситуации представляет собой стандартно воспроизводимую систему обмена информацией, идентификацию событий с аналогичными, возникает возможность их категоризации. В соответствии с процессом категоризации деловое письмо может рассматриваться как многокомпонентный концепт, обладающий всеми признаками фрейма: наличием устойчивой структуры и смысловой рамки.

Жесткая и полужесткая композиционная схема составления текста делового письма, стереотипность языковых средств передачи информации обуславливает «метакоммуникативное определение ситуации, основанное на

управляющих событиями принципах организации» (И. Гофман, 2003). В зависимости от предметного наполнения и, в частности, от темы и функции высказывания связный текст строится в соответствии с некоторыми структурными схемами, основанными на логической дифференциации. В соответствии с логическими особенностями выделяются следующие функционально-смысловые типы суждений в деловых письмах: определение, перечисление (описание или повествование), рассуждение, предписание.

Например, определение широко используется в типах текстов, раскрывающих содержание понятий и придающих смысл некоторым терминам. Оно применяется в текста делового письма в тех случаях, когда необходимо сообщить, какими отличительными признаками обладают те или иные предметы, или когда требуется разъяснить смысл какого-либо термина. Структура текста определения соответствует следующей формуле: T1 (определяемое понятие)= T2 (определяющая часть), что указывает на примеры явных определений, в которых определяемое понятие вынесено влево и не встречается в правой (определяющей) части. Так, в частности, статья 11 Устава г. Москвы «Основные понятия, используемые в Уставе» представляет собой так называемое номинальное определение, т.е. текст, разъясняющий словоупотребление: «городское сообщество – жители Москвы в своей совокупности».

В следующем примере приводится текст так называемого реального определения, в котором раскрываются отличительные особенности класса предметов, о которых идет речь: «сберегательный сертификат – ценная бумага, удостоверяющая сумму вклада, внесенного в банк, и права вкладчика (держателя сертификата) на получение по истечении установленного срока суммы вклада и обусловленных в сертификате процентов».

Тексты – определения регулярно используются в нормативно-правовых документах (договорах, контрактах) для ограничения объема понятия и

исключения возможности его двусмысленного толкования в процессе правоприменения.

Перечисление является типом текста, в основе которого лежит логическая функция конъюнкции. Данный тип текста представляет собой сложное суждение, части которого связаны сочинительной (соединительной или присоединительной) связью. Все части текста-перечисления могут рассматриваться в качестве конъюнкции входящих в него микротем – простых или сложных высказываний. Описание и повествование представляют собой подвиды перечисления как функционально-смыслового типа текста, отличающиеся соответственно статическим или динамическим принципом характеристики языковых явлений.

Признаками текста-описания являются закрытая структура, предполагающая максимальный трехкомпонентный объем описания; вневременность (статичность) суждений и грамматическая организация высказывания, при которой сказуемое-глагол представлено в форме настоящего времени, которое приобретает в свою очередь форму «расширенного настоящего», в которой все формы употребляемого глагола соотнесены с реальным моментом речевого высказывания. Формула текста описания может быть представлена в виде схемы $T=T_1+T_2+T_3$, в которой T_1 обозначает признаки, свойства, отличительные особенности предмета речи; T_2 – признаки предметов, свойств, явлений, смежных с элементами группы T_1 , T_3 – выявление или не выявление аналогий с предметами, сопоставимыми с общим планом приводимого описания. К числу текстов-описаний относятся, в частности, такие виды документов, как характеристика и рекомендательное письмо.

Текст повествовательного типа делового письма характеризуется открытой структурой; последовательностью перечисляемых в тексте действий (т.н. динамическим перечислением) и грамматической организацией высказывания,

при которой связь между предложениями или частями предложений осуществляется с помощью предложных конструкций и деепричастных оборотов. Повествовательный тип изложений деловой коммерческой информации в нормативно-правовых актах используется только в структуре текста-предписания в случаях, когда предполагается изложение определенной последовательности предписываемого действия. В такого рода текстах перечисляемые действия, как правило, обозначаются во вневременном качестве или в форме настоящего времени. К числу текстов-повествований относятся, например, такие виды документов, как автобиография, инструкция, правила использования чего-либо, порядок сборки чего-либо и т.п.

Рассуждение представляет собой тип текста, в основу которого положены логические отношения слов, характерные для выражения причинно-следственной связи. Данный текст мало распространен в деловых текстах организационно-распорядительного характера вследствие их ярко выраженной регламентирующей направленности. Тексты-рассуждения используются при составлении писем-прошений – таких как жалобы, письма-претензии, исковые заявления, требующих аргументацию и доказательство приводимых сведений. Признаками текста-рассуждения являются закрытая структура с максимальным четырехкомпонентным объемом, предусматривающим в деловом коммерческом письме наличие косвенной аргументации; причинно-следственная связь речевых компонентов и отсутствие формы повелительного наклонения при оформлении являющихся основанием рассуждения предложений. Формула текста-рассуждения определяется прямым или косвенным характером осуществляемого в деловой переписке аргументативного процесса. Непосредственное обращение аргументов и демонстрации (как основания суждения) к приводимому тезису является примером реализации прямого аргументативного процесса, в то время как при косвенном аргументативном процессе наряду с тезисом приводится одно или

несколько суждений, противоречащих аргументируемому тезису. В частности, примером текста-рассуждения является текст претензии.

При построении текста-рассуждения требуется соблюдать следующие правила: тезис должен быть ясно сформулирован и не меняться в процессе доказательства; аргументы должны быть истинными, а их истинность должна быть обоснована независимо от содержания приводимого тезиса. Демонстрация аргумента при этом должна быть основана на причинно-следственной логичности выдвигаемого тезиса, выдвигаемого из приводимых в коммерческой переписке аргументов.

Текст делового коммерческого письма, относящийся к типу предписания, создается и используется с целью побуждения к некоторым действиям путем выявления и одновременно смыслового ограничения их последовательности. Признаками данного типа текста делового письма являются открытая структура изложения; вневременной (статичный) характер суждений предписывающей (модальной) направленности и грамматическая организация высказывания, при которой все формы сказуемого-глагола соотнесены с реальным моментом речевого высказывания. В формуле текста-предписания $T = T1 + T2 + Tп$ элемент $T1$ обозначает наименование субъекта в соответствии с его функцией в деловой коммуникации, представляющей собой гипотезу высказывания, а элементы в сочетании $T2 + Tп$ фиксируют последовательность или совокупность предписываемых действий, т.е. диспозицию высказывания.

Гипотеза и диспозиция представляют собой обязательные элементы текста-предписания. Последовательность их представления в тексте делового коммерческого письма отличается строго соблюдаемым расположением в виде прямого порядка слов, при котором гипотеза предшествует диспозиции. Диспозиция в рамках структуры коммерческой корреспонденции может быть выражена не только составом приводимого сказуемого простого предложения, но и несколькими предложениями, связанными отношением конъюнкции.

Рассматриваемая логическая функция конъюнкции лежит в основе перечисления как формы построения текста, вследствие чего возникающая в предложении многочленная диспозиция представляет собой в результате описание или повествование с предписывающим модальным значением.

Конъюнктивные высказывания в рамках коммерческой деловой корреспонденции различаются в зависимости от структуры текста-предписания. Так, например, при тождестве агентного аргумента различаются предикаты высказывания: однородные сказуемые или сверхфразовое единство, соединительные синтаксические отношения (в частности, возможность замены бессоюзной связи союзом «и»). При совпадении агентного аргумента и предиката проводится разграничение аргументов с помощью предложений с однородными второстепенными членами или с однородными придаточными предложениями. При различении агентного аргумента и предиката с помощью детерминанта (предложения с детерминантом или с детерминирующим придаточным предложением) обеспечивается смысловое совпадение какого-либо иного аргумента деловых отношений.

Концептуализация (осмысление) передаваемой информации, т.е. концептуальный анализ семантики делового письма, предполагает не только понимание текста и умение его профессионально оценить, но и определить стратегию речевого взаимодействия (фреймирование) в целях достижения конкретных практических результатов. А категоризация деловых писем, семантика которых обусловлена конкретной речевой ситуацией, позволяет рассматривать коммерческую переписку как фреймовую сеть, построенную по определенному сценарию, который репрезентируется текстами различного функционального типа. Примером подобной фреймовой сети может служить:

1) информационное письмо (меморандум) с предложением сотрудничества; письмо-предложение сотрудничества; письмо-ответ на предложение сотрудничества; письмо-договор (контракт) о сотрудничестве; письмо-

реприманд (претензия) о нарушении условий сотрудничества как один из возможных сценариев развития деловых отношений, либо благодарственное письмо как возможный сценарий пролонгации делового взаимодействия партнеров;

2) характеристика субъекта/объекта, представляющего деловой интерес, его рекламная презентация; письмо-предложение делового сотрудничества; письмо-ответ на предложение, благодарственное письмо;

3) информационное письмо (меморандум) с указанием реквизитов обратной связи (вопросы/предложения); письмо-реприманд (претензия), содержащее мотивацию негативного отношения к информации и требование отказа от реализации проекта; письмо-ответ на претензии; письмо-предложение об урегулировании конфликтной ситуации; письмо-жалоба в надзорные или в судебные инстанции.

Экспериментальный подход к анализу коммерческой переписки позволяет учитывать не только логическую взаимосвязь структурных компонентов и традиционных реквизитов делового письма, но и характер их восприятия: интерпретации текстового, затекстного и подтекстного содержания как в иллюкутивном, так и в перлокутивном аспектах. В частности, анализ синтаксических конструкций, а также пунктуационного членения текста, в том числе использование рубрицированной записи, позволяет объяснить, на какой информации предполагается сфокусировать внимание адресата, как предполагается трансформировать его представление о коннотативном значении предмета суждения, каково должно быть его моделируемое эмоциональное восприятие – эмпатия. Рубрицированная запись позволяет также предельно «загрузить» каждый из вычлененных однородных компонентов информацией, уточняющей содержание того или иного положения правоустанавливающего текста коммерческой деловой направленности. В отдельных случаях в структуру рубрицированной

конструкции включаются самостоятельные высказывания, что разрушает привычные в практике ведения коммерческой документации представления о принципах графического оформления предложения (типа предложения в предложении).

В качестве примера рубрицированного текста можно привести следующий текст коммерческой санкционной ориентированности: «если Продавец не поставит товар в установленный в п. 1.2 настоящего контракта срок по причинам, за которые несет ответственность, он платит Покупателю штраф. Штраф начисляется, начиная с первого дня по истечении установленного п. 1.2 настоящего контракта срока в размере (%) процента от стоимости непоставленного товара за каждый день просрочки. Штраф будет удерживаться с суммы, предназначенной для оплаты стоимости поставленного товара. В случае, если Покупатель по какой-либо причине не удержит штраф при оплате счета продавца, последний обязан оплатить сумму штрафа по первому требованию Покупателя. В случае, если просрочка поставки товара превысит (срок) месяца, Покупатель имеет право отказаться от контракта или его части. В целях исполнения контракта Покупатель может заключить договор с третьим лицом. Продавец в этом случае обязан возместить Покупателю расходы по заключению договора с третьим лицом и разницу между ценой товара, которая была предусмотрена настоящим контрактом, и ценой товара, который куплен у третьего лица».

Таким образом, проанализированная выше теория концентрации восприятия (М. Минский, 1978; Е. Кубрякова, 1994) позволяет рассматривать текст делового письма в перлокутивном аспекте речевого взаимодействия и объяснить, почему обмен коммерческой информацией носит тенденциозный, односторонний характер: на чем-то сделан смысловой акцент, а определенная часть информации сознательно представлена как факультативная или не получает вербального выражения, например, с помощью включения

затекстного уровня содержания. Анализ коммерческой переписки с позиций когнитивной семантики в качестве реализации определенного стандартного сценария (инвариант «деловой ролевой игры») с помощью фреймовой сети деловых писем, а самого текста как «фрейма любого уровня обобщенности» (Ю. Караулов, 1987) позволяет детализировать их пропозициональную структуру: вычленив аргументацию, дать ее характеристики, установить логическую взаимосвязь суждений. Таким образом, создается концептуальная структура – модель текста делового письма различной функционально-тематической отнесенности. Семантика текста в полной мере определяется его темой – одной и важнейшей пропозицией (Т.А. Ван Дейк, 1998), а также коммуникативной целевой установкой адресанта, рассматриваемой в иллокутивном аспекте.

Различное форматирование когнитивного содержания (Zangacker, 1991; IX,2. P/ 5–12) может обуславливать конструирование информационного диалога в зависимости от различных фоновых предположений и ожиданий:

1) «В результате проведения (действие X) принято решение XX...» - объективизация сообщения; эмоциональная стертость, внесубъективность позиции адресанта;

2) Благодаря проведению (действие X) принято решение XX...» - подчеркнутая положительная оценка, субъективизация позиции адресанта;

3) В связи с проведением (действие X) принято решение XX...» - допускается отрицательно-оценочный информационный контекст.

В данном случае дифференцирование семантики производных предлогов позволяет точнее осмыслить и описать речевую ситуацию, а также форматировать концептуальное содержание высказывания как многофакторное.

Семантикой суждения (пропозиции) обусловлено использование различных средств репрезентации субъекта действия. Один и тот же концепт в

преамбуле делового письма (например, коммерческого контракта или трудового договора) вербализован словосочетанием-гешталтом: должность (А) (генеральный директор/председатель правления/президент компании и т.п.) или функция (В) (специальный представитель/уполномоченное лицо) + название организации (С) + фамилия, имя, отчество (Д, Е, F), т.е. формулой ABCDEF и затем трансформирован в конкретный концепт, например: клиент/заказчик/выгодополучатель. Значение используемого концепта активирует речевую функцию субъекта действия и соотносит его с определенной категорией, что также обозначает процесс категоризации. В результате подобной категоризации субъекта действия смещаются семантические акценты передаваемой в деловом письме информации: приоритетными становятся действие и его фоновые значения или обстоятельства.

Особенностью семантики русского делового письма обусловлен и выбор синтаксической модели предложений. В частности, при описании конкретной ситуации адресант традиционно подчеркивает внесубъективность своей речевой позиции, что и определяет выбор синтаксических конструкций односоставных предложений: безличных либо определенно-личных. Стандартные формулировки типа: Рекомендуем.../Предлагаем.../Просим.../Благодарим..., а также обозначение субъекта действия как некоего обобщенного лица (Мы...; Фирма...; Компания...) демонстрируют степень выделенности фокусирования внимания адресата. Анализ подобных синтаксических конструкций позволяет сделать выводы об особенностях пресуппозиции, о скрытых смыслах и специфике речевых тактик в процессе деловой коммуникации. В соответствии с теорией выделенности (prominence view) (Zandacker, 1991) можно объяснить характер отбора информации и ее презентацию в коммерческой корреспонденции, точнее определить характер речевого взаимодействия.

Интерпретация текста делового письма, выявление косвенных и скрытых смыслов, подтекстного содержания передаваемой информации (прагматические пресуппозиции) осуществляется также и с позиций теории концентрации (фокусировки) внимания (Л. Талми, 1999). Деловая переписка, как фреймовая сеть, представляет собой «пакет информации». Знания о некоторой стереотипной коммерческой ситуации может быть представлено в виде двухуровневой структуры «узлов» и «отношений» (М. Минский, 1978): 1) вершинные узлы, которые содержат данные, всегда справедливые для данной ситуации: например, информация (меморандум) адресанта и реакция адресата (предложение о сотрудничестве или реприманд); 2) терминальные узлы (слоты), включающие данные, обусловленные конкретной деловой ситуацией и представляющие собой подфреймы или вложенные фреймы: например, благодарственное письмо или жалоба в надзорные, а также в судебные инстанции. Активизируя фреймовую сеть через данные второго уровня (слоты), возможно воссоздание всей структуры коммерческого взаимодействия в целом.

Таким образом, фоновые значения или обстоятельства действия (подфреймы) выполняют детерминирующую функцию, поясняя или конкретизируя деловую коммерческую ситуацию в целом, и являются ее пропозицией. Деловое письмо как текст коммерческой переписки по конкретной тематике в целом необходимо рассматривать не только с формальной точки зрения, описывая структурные элементы и композицию текстов, констатируя специфику их лексики, фразеологии и синтаксиса, но прежде всего с целью объяснения того, почему именно используемые языковые средства позволяют осуществлять деловую коммуникацию, и того, какие средства позволяют оптимизировать этот процесс. Именно поэтому каждому языковому явлению должно быть дано когнитивное обоснование и объяснение, что позволит глубже понять формы

используемых языковых структур и описать существующие между ними зависимости.

Семантическая характеристика текстов коммерческих писем предполагает анализ их лексики, фразеологии и синтаксиса прежде всего с учетом специфики их восприятия: наличие соответствующих интенций, выделенности конкретных единиц, выбора определенной позиции в рамках информативного диалога (наличие или отсутствие перспективы коммуникации, т.е. стратегия делового взаимодействия).

Заключение.

Исследование коммерческой переписки как особой формы речевого взаимодействия коммуникантов в ситуации делового общения с позиций прагматики предполагает экспериментальный подход к структурным компонентам текстов, позволяющий определить их когнитивную семантику. При этом синтаксические средства исходя из их значения исследуются с позиций коммуникативного синтаксиса и его функционально-стилистических особенностей передачи информации.

Результаты новейших исследований в области психологии управления показывают, что коммуникативный режим общения, т.е. диалогичность формы речевого этикета, способствует оптимизации связей между и адресатом, что, в частности, благотворно влияет на различные области осуществления коммерческой деятельности. Следовательно, повышение речевой культуры является не только общегуманитарной, но и социально-экономической задачей.

Наметившееся в современном обществе стремление представителей административно-бюрократических структур выйти за рамки традиционных иерархических отношений в сфере деловой коммуникации объясняется тем, что существенно возросла цена внимания к интересам и правам конкретной

личности. Ее уровень непосредственно влияет на так называемый рейтинг в политической и экономической конкурентной борьбе и в глобальном смысле – на силу позиции адресанта в процессе переписки.

Однако новые тенденции, проявляющиеся в деловой коммерческой переписке, становятся в ситуации сохранения языковых конструкций «телеграфного стиля» причиной того, что большая часть современной деловой документации представляет собой пример стилистической эклектики и поэтому вызывает неоднозначное отношение к себе. В частности, проявляющееся в отдельных текстах коммерческой переписки стремление привлечь внимание адресата к своему бренду и своей товарной продукции зачастую воспринимается как неверное с точки зрения речевого этикета поведение, ассоциируемое с «агрессивной рекламой».

Подводя итог, следует подчеркнуть, что современная, демократическая форма делового этикета складывается в практике коммерческой переписки трудно и непоследовательно. Однако реалии нового времени заставляют преодолевать коммуникативные стереотипы авторитарных общественных отношений и переходить в коммуникативный режим диалога, что и определяет сущность новейших представлений о культуре письменной речи и об этикете коммерческой деятельности.

Литература

- 1- Венедиктова В.И. (1994). *О деловой этике и этикете*. Москва, Изд-во «Правовая культура».
- 2- Гофман И.А. (2003). *Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта*: пер. с англ./ Под ред. П.С. Батыгина и Л.А. Козловой. Москва.
- 3- Григорьев В.П. (1993). *Из прошлого лингвистической поэтики и интерлингвистики*. Москва, «Изд-во Наука».
- 4- Дейк, Т.А. Ван (1989). *Язык. Познание. Коммуникация*: пер. с англ. /сост. В.В. Петрова. Под ред. В.В. Герасимова. Москва, Изд-во «Прогресс».

- 5- Заботкина В.И. (2015). *От интеграционного вызова в когнитивной науке к интегрированной методологии /Методы когнитивного анализа семантики слова: компьютерно-корпусный подход*. М., Изд-во «Языки славянской культуры». С. 15 – 38.
- 6- Зандацкер П.Ш (1991). *Цонцепт, Имаге анд Сьмбол: Тхе цогнитиве басис оф граммар*. Н.Ы. Моутон де Груутер публишинг.
- 7- Караулов Ю.Н. (1987). *Русский язык и языковая личность*. Москва, Изд-во «Наука».
- 8- Кубрякова Е.С. (1994). *Начальные этапы становления когнитивизма. Лингвистика-психология-когнитивные науки //Вопросы языкознания*. 1994. № 1. С. 34 – 37.
- 9- Ланской Г.Н (2017). *О взаимосвязи документоведения и архивоведения в информационном обществе // Вестник РГГУ. Серия «Документоведение и архивоведение. Информатика. Защита информации и информационная безопасность»*. 2017. № 1. С. 9 – 14.
- 10- *Лингвистический этимологический словарь* (1990). Москва, Изд-во «Советская энциклопедия».
- 11- Минский М. (1978). *Структура для предоставления знаний / Психология машинного зрения*. Москва, Изд-во «Мир».
- 12- Соколов А.В. (2009). *Эпистемология документа (методологический очерк) //Научно-техническая информация. Серия 2*. 2009. № 3. С. 1 – 12.
- 13- Талми Л. (1999). *Отношение грамматики к познанию //Вестник Московского университета. Серия 9. Филология*. № 1. С. 91 – 115.
- 14- Теппер Р. (1997). *Как овладеть искусством делового письма. 250 писем и записок в помощь менеджеру*

Bibliography

- 1- Venediktova V.I. (1994). *O delovoj jetike i jetikete*. Moskva, Izd-vo «Pravovaja kul'tura».
- 2- Gofman I.A. (2003). *Analiz frejmov: jesse ob organizaciji povsednevnogo opyta: per. s angl./ Pod red. P.S. Batygina i L.A. Kozlovoj*. Moskva.
- 3- Grigor'ev V.P. (1993). *Iz proshlogo lingvisticheskoj pojetiki i interlingvistiki*. Moskva, «Izd-vo Nauka».
- 4- Dejk, T.A. Van (1989). *Jazyk. Poznanie. Kommunikacija: per. s angl. /sost. V.V. Petrova. Pod red. V.V. Gerasimova*. Moskva, Izd-vo «Progress».

- 5- Zabotkina V.I. (2015). *Ot integracionnogo vyzova v kognitivnoj nauke k intgrirovannoj metodologii /Metody kognitivnogo analiza semantiki slova: komp'juterno-korpusnyj podhod*. M., Izd-vo «Jazyki slavjanskoj kul'tury». S. 15 – 38.
- 6- Zandacker P.Shh (1991). *Concept, Image and Symbol: The cognitive basis of grammar*. N.Y. Mouton de Gruyter publishing.
- 7- Karaulov Ju.N. (1987). *Russkij jazyk i jazykovaja lichnost'*. Moskva, Izd-vo «Nauka».
- 8- Kubrjakova E.S. (1994). *Nachal'nye jetapy stanovlenija kognitivizma. Lingvistika-psihologija-kognitivnye nauki //Voprosy jazykoznanija*. 1994. № 1. S. 34 – 37.
- 9- Lanskoj G.N (2017). *O vzaimosvjazi dokumentovedenija i arhivovedenija v informacionnom obshhestve // Vestnik RGGU. Serija «Dokumentovedenie i arhivovedenie. Informatika. Zashhita informacii i informacionnaja bezopasnost'»*. 2017. № 1. S. 9 – 14.
- 10- *Lingvisticheskij jetimologicheskij slovar'* (1990). Moskva, Izd-vo «Sovetskaja jenciklopedija».
- 11- Minskij M. (1978). *Struktura dlja predstavlenija znaniy / Psihologija mashinnogo zrenija*. Moskva, Izd-vo «Mir».
- 12- Sokolov A.V. (2009). *Jepistemologija dokumenta (metodologicheskij ocherk) //Nauchno-tehnicheskaja informacija*. Serija 2. 2009. № 3. S. 1 – 12.
- 13- Talmi L. (1999). *Omoshenie grammatiki k poznaniju //Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 9. Filologija*. № 1. S. 91 – 115.
- 14- Tepper R. (1997). *Kak ovladet' iskusstvom delovogo pis'ma. 250 pisem i zapisok v pomoshh' menedzheru*.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Guryeva Natalia Yurevna (2018). Commercial Correspondence: Pragmatics, Semantics, Syntax. *Issledovatel'skiy zhurnal russkogo yazyka i literatury*. 12(2):pp:111-132

DOI: 10.29252/iarll.12.111

URL: <http://journaliarll.ir/article-1-145-en.html>



The Difficulty of Translating the “New” Russian Poetry into Polish

Ermashova Irina¹

Associate professor, Adam Mickiewicz University Poznań,
Poznań, Poland.

Krzysztof Skibski²

Associate professor, Adam Mickiewicz University Poznań,
Poznań, Poland.

(date of receiving: December, 2017; date of acceptance: September, 2018)

Abstract

Translation of poetry is not an easy matter, according to some – impossible. However, Russian poetry has always been very interesting for Polish translators, in the culture of which poetry still occupies the pedestal. It would seem that the Slavic component should facilitate the transfer of the poetic world from one language environment to another, close in many parameters, but this is an imaginary representation. The main problems of this article are: a) the difficulty of translating the new Russian poetry into another Slavic language; and b) the choice and strategy of translating the new Russian poetry in Poland today. The subject of the study is translations from the anthology *Wdrapalem się na piedestał. Nowa poezja rosyjska* (2013, Czarne), which represents the poetry of sixteen poets, written since the 1950s until today. This is an author's anthology, whose creator is the famous translator and Russophile Jerzy Czech. The uniqueness of this book lies in the fact that it represents different generations of poets, different poets, various forms, but combines the whole of this poetic cocktail – the spirit of samizdat, whose history and work never left Polish reader indifferent. Selected examples (translational and comparative) will become a small window into the world of the issue of new Russian lyrics in today's Polish context.

Keywords: Samizdat, Poetry, Translation, Language Difficulties, Allusion, Collage Verse.

1. E-mail: erm-irka@yandex.ru

2. E-mail.: kskibski@amu.edu.pl

Трудности перевода „новой” русской поэзии на польский язык

Ермашова Ирина Александровна¹

Доцент, Университет им. Адама Мицкевича,
Познань, Польша.

Кшиштоф Скибски²

Доцент, Университет им. А. Мицкевича,
Познань, Польша.

(дата получения: декабрь 2017 г.; дата принятия: сентябрь 2018 г.)

Аннотация

Перевод поэзии дело непростое, по мнению некоторых – невозможное. Однако русская поэзия всегда представляла большой интерес для польских переводчиков, в культуре которых поэзия до сих пор занимает пьедестал. Казалось бы, славянская составляющая должна облегчить перенос поэтического мира из одной языковой среды в другую, близкую по многим параметрам, но это мнимое представление. Главными проблемами статьи являются: а) трудности перевода новой русской поэзии на другой славянский язык, а также б) выбор и стратегии перевода новой русской поэзии в Польше сегодня. Предметом исследования являются переводы из антологии *Wdrapalem się na piedestal. Nowa poezja rosyjska* (2013, Чарне), в которой представлена поэзия шестнадцати поэтов, написанная с 50–х гг. до сегодняшних дней. Это авторская антология, создателем которой является известный переводчик и русофил Ежи Чех. Уникальность книги состоит в том, что в ней представлены разные поколения поэтов, разные поэтики, разные формы, но объединяет весь этот поэтический коктейль – дух *самиздата*, история и творчество которого никогда не оставляла равнодушным польского читателя. Выбранные для исследования (переводоведческого и компаративистского) примеры станут небольшим окном в мир вопроса о новой русской лирике в польском контексте сегодня.

Ключевые слова: Самиздат, Поэзия, Перевод, Языковые Трудности, Аллюзия, Стих–Коллаж.

1. E-mail: erm-irka@yandex.ru

2. E-mail.: kskibski@amu.edu.pl

Введение

Перевод поэзии – дело непростое, даже если она переводится на родственный язык. Эта проблема не обошла стороной перевод русской поэзии на польский язык, тем более авангардной, концептуальной, постмодернистской. Предметом данной статьи станет „новая” русская поэзия, которая народилась в период оттепели и продолжала свое развитие до 80–х гг. XX в. в подполье, вне рамок официальной литературы в качестве эстетического протеста и выражения творческой свободы. В данном случае эпитет „новая” обозначает, во-первых, ее непохожесть на советскую поэзию, а во-вторых, ее припоздавшее (перестроечное и постперестроечное) вхождение в сознание широких масс читателей в стране и за рубежом. Прежде, как известно, она сочинялась „в стол”, для друзей, единомышленников. „Новая” поэзия представляет собой уникальный феномен русской словесности второй половины XX в., в котором распознается дань русскому модернизму и авангарде начала XX в., а также колоссальный интерес советских художников слова к поэтическим экспериментам западной культуры. Неудивительно, что русский „андеграундный” эксперимент, а значит своеобразная мозаика поэтических форм, техник, поэтик, стилей, тем для переводчиков представляется полосой препятствий, затруднений и „ловушек”. Мы остановимся на представлении одной из ключевых переводческих „ловушек”, а именно трансляции имеющихся на каждом уровне аллюзий – жанровых, текстовых и языковых. Распознать аллюзию, выбрать адекватную стратегию ее переноса, подключить к этой игре значений и смыслов Другого читателя – задача не из простых. От переводческого метода, который может быть связан с поиском нужного эквивалента, частичным переводом аллюзии с комментарием или полным опущением фигуры, а также ее замещением, созданием новой, понятной носителям культуры перевода, зависит попадание произведения в формат Иной культуры (Хейвовски 2015. 209–245). При всем разнообразии переводческих маневров велика опасность промаха, когда даже

мастерски переведенные или замещенные аллюзии так или иначе для читателя Другой культуры остаются „пустыми знаками”. Они не работают, читатель их не считывает или считывает, но совершенно в другом ключе. Тогда интерпретационные рамки произведения расширяются или сужаются, прочтение смыслов меняет свой вектор, а звучание – окраску.

Во вступительной части статьи стоит дать определение ключевой для нас категории *аллюзии*, посредством которой представим рецепцию „новой” русской поэзии (второй половины XX в.) в Польше, до недавнего времени малоизвестной и в самой России. Аллюзия в контексте перевода (от лат. *allusio* – шутка, намек) – это одна из стилистических фигур, которая предполагает намек на а) реальный политический, исторический или литературный факт, предположительно, общеизвестный; б) намек на языковую конструкцию, речевые штампы и обороты, стилизацию под чью-то другую художественную манеру. Фигура эта может проявляться на всех уровнях – как на лексическом, стилистическом, синтаксическом, так и на жанровом.

Основная часть

Общеизвестно, что советская оттепель принесла некий условный раскол в творческую среду. Она поделила художественное пространство – на тех, кто продолжал творить в рамках некоего компромисса с официальной культурой, и тех, кто предпочитал творить „для себя”, в подполье, отдавая предпочтение творческой свободе, созданию нового языка. Последнее получило различные наименования: „художественный андеграунд”, „нонконформизм”, „другое искусство”, „второй авангард”. За этими названиями подразумевалось творчество группы художников, связанных между собой или художественным принципом, или жизненными обстоятельствами. Одни из них формировали различные течения: концептуализм, постакмеизм, минимализм, конкретизм и материализм, другие – не примыкали ни к какому течению или стихийно

объединялись в неформальные „школы”, например, „Лианозовскую”, сложившуюся вокруг поэта Евгения Кроповницкого; „Сретенского бульвара”, в которой зародился российский концептуализм (Лев Рубинштейн, Дмитрий Пригов). Поэзия одних представляла собой смешение абстракции, сюрреализма, экспрессионизма, других же – советскую действительность и речь современного советского человека. Причем на этом не заканчивается список разнообразия поэтических практик литературного подполья, который собственно и привлек внимание польского переводчика, Ежи Чеха (список переводимых других русских поэтов, с поэзией которых Чех знакомит польского читателя, внушительный: В. Высоцкий, А. Галич, О. Мандельштам, А. Ахматова, Д. Хармс, Н. Заболоцкий. На полях стоит отметить огромный вклад в распространении также современной русской прозы, например, Татьяны Толстой).

Польский пропагандист русской словесности перевел и составил антологию новой русской поэзии, озаглавленной *Wdrapałam się na piedestal. Nowa poezja rosyjska* (Выдавництво Чарне, Воловец, 2013), то есть в обратном переводе: <Вскарабкался/ взобрался на пьедестал. Новая русская поэзия>. И хотя первая часть заглавия на самом деле является вольным переводом первой строчки стихотворения Олега Григорьева *Стоит гранитный пьедестал...*, то уже указывает и на оригинальность переводимой поэзии, и на своеобразие переводческого метода. За словами „вскарабкался” и „пьедестал” стоит ирония, так как подпольная литература ничего общего не имела с официальной, торжественностью, величием, а некоторая вольность при переводе приоткрывает переводческий почерк Чеха, равно как и поэта, и любителя лингвистической поэзии. Во вступительной статье, автором которой он также является, польский переводчик объясняет критерии подбора вошедшей в антологию поэзии (Чех 2013. 5–13). В центре его внимания находится поэзия советского „самиздата”, запрещенная не столько по

политическим, сколько по эстетическим и мировоззренческим мотивам, которая распространялась незаконно, своими силами, машинным или переписанным способом в ограниченном количестве экземпляров. Со многими авторами этой „непохожей” на советскую поэзию, творившими в течение четырех десятилетий и олицетворявшими эстетическое сопротивление, Ежи Чех (их ровесник) был и есть лично знаком и является почитателем их таланта и поэтической позиции. Он один из немногих, кто знакомит сегодня польского читателя с новой (пусть в определенном только значении) русской поэзией.

Бесспорно, антология является новаторским, уникальным, авторским, а значит субъективным творческим продуктом. Не претендует на отражение всего сложного и богатого периода „самиздата”, каким он представлялся в 60–е – перестроечные годы. Это только фрагмент из огромной панорамы „второго андеграунда”. Переводчик-составитель знакомит своего читателя с творчеством шестнадцати поэтов, в основном рожденных в конце 50–х: Генрих Сапгир, Игорь Холин, Ян Садуновский, Всеволод Некрасов, Владимир Уфлянд, Владлен Гаврильчик, Константин Кузьминский, Олег Григорьев, Иосиф Бродский, Дмитрий Пригов, Михаил Айзенберг, Иван Ахметьев, Тимур Кибиров, Игорь Иртеньев, Александр Макаров-Кротков, Владимир Друк. Каждый из художников неповторим, сложен, оригинален. Мастерство одних представлено поэтическими миниатюрами, творчество других – большими поэмами. Языковая палитра одних – цитаты из русской и мировой классики, арсенал средств других – живая речь советских времен. Лексика одних близка к фамильярной, грубой, лексика иных близка к традиционному поэтическому языку. Однако, несмотря на варианты различий между ними, всех их объединяет независимость, оппозиционность, ироничность, гротескность. Впрочем, Чех признается, что выбор авторов и произведений не был случайным. Присутствие дозы политики всегда был неким важным критерием селекции. Причем политичность данной лирики понималась не как некая

форма протеста, например, конкретно против политики советского строя, а скорее как свобода в языковых экспериментах, творческих поисках. Выбранные поэты стремились не столько говорить собственным голосом, сколько дать языку говорить о мире, в котором они живут. В этом состоял их путь освобождения языка, его очищения от навязанных ему клише и штампов досоветских и советских времен.

Антология Чеха – это огромный вклад в популяризацию современной русской поэзии, неизвестной польскому читателю, но в культуре которого присутствовал похожий литературный феномен. Антология „новой” русской поэзии позволяет найти некоторые общие точки с польской культурой, в которой политическая оттепель, наступившая в Польше намного позже, в 70–е гг., стала отправной точкой для появления польской неофициальной литературы, известной как „второй круг обращения”. В отличие от самиздата в СССР польская неофициальная культура было явлением в большей степени политическим, связанным с цензурными запретами на определенные вещи, которые не нравились властям. Однако власти Народной Польши не имели претензий к художественной форме, а в СССР были претензии зачастую к эстетической стороне литературы. И хоть разница между польской и русской неофициальной культурой значительная – по характеру и времени появления, по степени политизированности, однако, схожесть в художественном подходе, способе распространения, неподцензурности безусловна.

Переводческие трудности

На примере одного из ярких поэтов, произведения которого вошли в антологию Чеха, Тимура Кибирова, известного как постмодерниста, концептуалиста (хотя сам он себя считает традиционным лирическим поэтом), стоит проиллюстрировать те трудности и ловушки, подстерегающие переводчика при переводе. Поэт известен тем, что в своих произведениях

интенсивно использует строчки из других текстов, зачастую узнаваемых, входящих в канон знаний среднего советского, а сегодня российского читателя. В свой собственный текст он вплетает многочисленные цитаты, квазицитаты и стилизации. Прием хотя и не новый, достаточно вспомнить *Евгения Онегина* Александра Пушкина или поэзию Осипа Мандельштама, но особый. Особенность заключается в том, что он рассчитан на начитанного адресата, воспитанного в том же культурном контексте, перечитывающего мировую или русскую классику. Впрочем, для своего читателя, не говоря уже о представителях другой культуры, подобная поэзия представляет трудность для интерпретации, потому как за узнаванием цитат читатель не всегда видит иронию, насмешку, игру и подтекст.

Подобного рода примером является поэма *Послание Л.С. Рубинштейну* (1988) (функционирует также как *Л.С. Рубинштейну*), которому противопоставил свое мастерство Ежи Чех, чей перевод является одной из возможных интерпретаций. Оригинал в советские и постсоветские времена имел разные толкования. По всей видимости, увидеть „второе дно”, расшифровать незримые смыслы, прячущиеся за пластами цитат, клише, сленгов, крылатых фраз, песенных слов, могут только посвященные, друзья-единомышленники, поэты-сверстники. Остальные, как показывают критические разборы, предлагают разные варианты прочтения. Например, что данное *Послание* – это весело-грустное философское размышление о энтропии (деструкции) культуры; иронический взгляд на догорание коммунистического строя; реконструкция советских мифологем и ностальгия по утраченному; мысли об оптимистическом конце света и так далее. Предположительно, что все эти трактовки правомерны и всех их объединяет строка из поэмы, проходящая лейтмотивом в разных вариациях: „Всё проходит, все ничто”. Но все же есть нота оптимизма: „Но спасемся мы с тобою/ Красотою, Красотой!”, так напоминающая слова героя из *Идиота* Федора Достоевского. Возможно,

что поэма – подобно как и поэма *Двенадцать* Александра Блока – это запись некоего шумового фона, мыслей, настроений, слов, звучащих со всех сторон в конце еще советских 80–х. Допустимых изложений предостаточно, главное, чтобы при переводе оригинала на другой язык поэма также порождала дискуссию, разное прочтение, подобное настроение от прохождения через сеть аллюзий и ассоциаций.

Опуская анализ самой поэмы, остановимся на нескольких трудностях, возникающих при переводе и при прочтении перевода Другим читателем. Все они будут касаться ключевой категории – аллюзии, выступающей в поэме на всех уровнях – текстовом, языком, жанровом. Приведем примеры подобных „ловушек”, затем – покажем, как видит решение некоторых проблем польский переводчик, от понимания и видения которого зависит попадание произведения в матрицу Иной культуры.

Виды аллюзий

Жанровая аллюзия. Название поэмы содержит два важных элемента, которые напрямую, казалось бы, говорят о ситуации коммуникации, послании, и адресате, Льве Рубинштейне, основоположнике и лидере московского концептуализма, создателе жанра „картошки”. Даны четкие координаты, содержащие в себе некий ключ для прочтения и перевода. Если это аллюзия на определенный, прежде начатый диалог с обозначенным адресатом, то это предполагает знакомство читателя с его биографией, мировоззрением, творчеством. Возможно, многое из того, о чем говорится в поэме Кибирова является отсылкой к „карточкам” Рубинштейна. Или, напротив, наличие прямых указателей – это некая игра, литературных ход, художественный прием, если опираться на традицию классической и мировой литературы, когда заявленное послание становится только прикрытием, поводом для манифестации своих творческих, политических, эстетических или других

взглядов. Это только особый художественный материал, входящий в состав большой поэмы-бриколаж, поэмы-центон, поэмы-монтаж.

Текстовая аллюзия. Следующая трудность „кибировского километра” – как называют критики длинные стихотворные сочинения Кибирова – заключается в интертекстуальности, в монтаже всего возможного, а главное, узнаваемого. Кроме строчек и образов из русской, советской, мировой литературы в текст вмонтированы крылатые обороты позднесоветской эпохи, новоязовские штампы, песенные шлягеры, городской и детский фольклор. Всего не перечислить. Причем, цитаты и аллюзии на классические произведения русской литературы практически всегда используются в нарочито „низком”, игровом контексте.

Переключка с пушкинским *Пророком*:

С шестикрылым серафимом

всякий рад поговорить!

С шестирылым керосином

ты попробуй пошутить

Жгла сердца своим глаголом

Свежей «Правды» полоса...

Тюремная песня обитателей ночлежки пьесы Максима Горького *На дне* „Солнце всходит и заходит” и знаменитые строчки С. Есенина *Не жалею, не зову, не плачу...*:

Солнце всходит и заходит,

Тополь листья тербит.

Все красиво. **Все проходит.**

«До свиданья», говорит...

Ты проходишь, Власть Советов,
словно с белых яблонь дым.

Слова детской песни *Наш край*:

То березка, то рябина,
То река, а то ЦК (...).

Текст песни гражданской войны *По долинам и по взгорьям...* и тут же Пушкин *Бесы*:

По долинам и по взгорьям,
Рюмка колом, комом блин.
Страшно, страшно поневоле
Средь неведомых равнин!..
Ф. Тютчев *Кончен пир, умолкли хоры...*

Кончен пир. Умолкли хоры.
Лев Семеныч, кочумай.
Опорожнены амфоры.
Весь в окурках спит минтай.

Мифологемные аллюзии, или реконструкция/ деконструкция (зависит от интерпретатора) советских мифологем и символов, которые могут быть известны только языковым носителям определенного поколенческого и культурного пространства. Например, появляющаяся в тексте „девушка с веслом”. Словосочетание относится к известному общему названию скульптур, которые были выполнены в разное время скульпторами Иваном Шадром и Ромуальдом Иодко. Спортивного телосложения девушка, опирающаяся на спортивное весло была массово установлена в парках

культуры и отдыха по всему Советскому Союзу. Первоначально скульптура представляла собой обнаженную женскую фигуру, которая символизировала эмансипацию и равноправие женщин и мужчин в СССР, позднее на ней появился спортивный купальник или спортивные футболка и трусы. Самая известная скульптура страны, сочетавшая в себе античный и спортивный код (или мифологем „девушка с веслом”) знаменовала „нового советского человека”, то есть миф о человеке, гармонично сочетающего в себе духовное богатство, моральную чистоту и физическое совершенство.

В парке девушка рыдает,
опершись на весло.

Гипс крошится, пропадает.

Нос отбит хулиганьем.

Арматура выползает

и ржавеет под дождем.

Аллюзии на культурные, общественные и политические явления советского или околоперестроечного времени встречаются практически в каждой строфе поэмы, создающие собой плотную сетку: и афганская война, и песни о ней Александра Розенбаума, и патриотичные напевы в исполнении Иосифа Кобзона, и чернобыльская авария:

Это всё моё, родное,

.....

То **Чернобыль**, то колонны,

то **Кобзон**, то сухогруз,

то не ветер ветку клонит,

то не Чкалов - это **Руст!**

При этом подобные аллюзии, например, как голубая мечта каждого советского ребенка – отдых в „Артеке” в Крыму; или особое выражение „пятый пункт”, употреблявшееся в переносном значении, обозначающее указание в документах национальности как факт этнической принадлежности (Кибиров – осетин, Рубинштейн – еврей) – для читателя Другой культуры могут быть не совсем понятны или, вообще, могут быть „пустыми знаками”:

Почему мы **октябрюта**?
Потому что потому.
Стриженный под бокс вожатый.
Голубой **Артек в Крыму**.

мы с тобой по-русски, Лева,
тельник на груди рванем!
Ведь вначале было Слово,
пятый пункт уже потом!

Даже если речь идет о литературных кодах, которые могут быть хорошо известны в соседней славянской культуре, для переводчика это также очередная ловушка: „онегинская строфа” (А. Пушкин), „тройка” (Н. Гоголь), „Фелица Горделивая” (Г. Державин), „толстая Катька в крови” (А. Блок), „Каштанка смешная” (А. Чехов), „процентщица седая” (Ф. Достоевский), „набоковская ванесса” (В. Набоков), „мандельштамовская оса” (О. Мандельштам), „висящая поэтесса над Елабугой бухой” (М. Цветаева).

Стилевая аллюзия. Особый тон насмешки, иронии, игры задает стихотворный размер, четырехстопный хорей, который в произведении является единственным неизменным элементом, напоминающим всем с детства знакомое пушкинское „Буря мглою, небо кроет...” (*Зимний вечер*), да и не только, вспомнить хотя бы советскую песню: „Эх, тачанка-ростовчанка,/ Наша гордость и краса,/ Конармейская тачанка,/ Все четыре колеса”.

На мосту стоит тачанка,

все четыре колеса.

Нас спасет не сердце Данко,

а пресветлая слеза!

Размер, в целом, народный, веселый, песенный, в который без особых проблем вписываются цитаты из советских песен, городского и детского фольклора, стихов Пушкина и Окуджавы, строчки и образы из произведений Горького, Достоевского, Библии и т.д. Вспомним, однако, что польская литературная традиция – это доминанция все же силлабического и свободного стиха.

Языковые аллюзии. Данный подпункт близок к стилевым аллюзиям, но здесь хотелось бы выделить особый коктейль разных языковых регистров, используемых поэтом – от вулгаризмов, просторечий до книжной, архаической и библейской лексики, на который также должен обратить внимание переводчик:

Розы там **благоухали,**

ласковый **зефир витал,**

серны легкие мелькали,

волны искрились меж скал.

И тут же:

Мрак да злак, да фу-ты ну-ты,

флаг, бардак, верстак, кабак,

елки-палки, нетто-брутто,

.....

сикось-накось, выкрась-выбрось,

Сивцев Вражек, Иван-чай,

Львов-Хабаровск, Кушка-Выборг,

жди-пожди да не серчай!

Переводческие решения Ежи Чеха

В гуще обсуждаемых типов аллюзий необходимо обратиться к роли переводчика и его решениям, от которых зависит рецепция произведения в иноязычной культуре. Ежи Чех предстал перед довольно трудной задачей – попытки реструктуризации семантической сложности текстов самиздата по отношению к культурному контексту польского читателя. Следует хотя бы фрагментарно проследить и прокомментировать основные текстовые типы его переводческих стратегий – особенно те, которые связаны с необходимостью применения транслексических элементов (крылатых слов, фразеологизмов, цитат, языковых шаблонов или устойчивых словосочетаний). Этот вопрос является тем более важным, что переводчик берет на вооружение поэтические тексты – и регулярные, и свободные стихи. Так как же справляется Ежи Чех?

В случае авангардной поэмы, наполненной многочисленными аллюзиями, при этом представляющую собой монтаж, центонную манерность, стратегия определяется не столько переводчиком, сколько самим материалом, с которым приходится ему работать. Многоуровневые аллюзии, коллаж, цитатность и являются здесь переводческой стратегией. Единственное, что только часть аллюзий возможно перенести на язык другой культуры, потому как они знакомы польскому читателю, также имеющему представление о коммунистическом опыте или мировой классике, и вписываются в заданный стихотворный размер, который также для переводчика является переводческой доминантой. Другая часть - берется из того, что предлагает польская культура. Выбор уже польских аллюзий, естественно, максимально приближен по настроению, семантике, звучанию к оригинальным версиям. К примеру,

переводчик обыгрывает строчки из поэмы Адама Мицкевича *Дзяды* (1823, 1832), драмы Александра Фредры *Месь* (1838); и известные строчки из хита польского барда Яцка Качмарского *Стены* (1978), особенно популярной в Польше как предвестнице политической и общественной трансформации 1989 года; и строчки детских стихов знаменитого Яна Бжехвы *Блоха-Хитряйка*; стихотворение Мирона Бялошевского *Карусель с Мадоннами* (1956) и многое др.

Надвигается, послушай (...) Тише, тише, глуше, глуше колыхания сердец.	Sluchaj, Lowa, co to będzie? Z ta powszechną Rozpierduchą? Źle, źle zawsze jest i wszędzie, Ciemno, głupio, cicho, głucho.	<i>Adam Mickiewicz, Dziady,</i> Część II: CHÓR Ciemno wszędzie, głucho wszędzie, Co to będzie, co to będzie?
Вы простите за нескромность, за смешок из-за кустов. Сердце влажное огромно. Сон осенний. Нету слов.	I wybaczcie nam brak taktu, Cham, kto by się z was podśmiewał. Dziwnie się zrobiło tak tu, Usta milczą. Dusza śpiewa.	Jacek Wójcicki, <i>Usta milczą dusza śpiewa.</i> Usta milczą, dusza śpiewa Kochaj mnie... Bez miłości świat nic nie wart Kochaj mnie...
Вот уж смелые ребята! Вот уж озорной народ! Скоро кончится осада, скоро ЦДЛ падет!	Co napiszą, to dosuną. Takie zuchy. Koniec świata! Runą mury, runą, runą. Podda nas „Dom Literata!”	Jacek Kaczmarski <i>Mury</i> (1978) Wyrwij murom zęby krat Zerwij kajdany, połam bat A mury runą, runą, runą I pogrzebią stary świat!

Там, где в оригинале появляется игра слов с устойчивыми оборотами, которые известны носителям русского языка, Чех вставляет лексические единицы, распространенные в польской культуре: "Мрак да враг. Да ши, да каша." – „Burdel, syf i beznadzieja, Groch z kapustą i gorzala”. Описание безнадежной ситуации, где кругом темно, везде враги, очень скромное существование („ши да каша – пища наша”), в польском варианте появляется как бардак, грязь, безнадега, горох с капустой и водяра. „Горох с капустой” – это фразеологизм, означающий балаган и хаос, а также рождественское постное блюдо, а некогда скромную пищу крестьян. В переводе Чеха некоторые текстовые аллюзии, входящие в канон мировой литературы, остаются на месте, некоторые замещаются аллюзиями из польской классики или современной культуры второй половины XX и XXI вв., а некоторые и вовсе пропускаются. Например, аллюзия на Сталина или авторитарную власть: „Грозно смотрит таракан” –происходит замена на нейтральное: „Kto tu pan? Nie ty i nie ja” (<Кто здесь Пан? Не ты и не я>). Образ таракана, как мы помним, отсылает нас к строчкам стихотворения Осипа Мандельштама *Мы живем, под собою не чуя страны...* и трагическому контексту, связанному с этим произведением и биографией поэта.

Стоит отметить, что переводчик, изучив приемы Кибирова, иногда идет еще дальше, тонко работая над созданием образа уже в польском тексте. Приведем пример фразеологической аллюзии, а точнее фразеологического следа (Студзиньска Ё., Скибски К., 2016, 149-175). Термины относятся к языковедческим и означают посредственное присутствие фразеологизмов в текстах (особенно художественных). Аллюзия отличается от фразеологических единиц отсутствием признаков формально свойственных к стабильной форме фиксированного выражения. Говоря иначе, это вклинивание, разорванное присутствие фразеологической единицы в тексте, функция которого придать живость и экспрессивность высказыванию.

Проблема подобной аллюзии предполагает тот факт, что любое наличие фразеологического оборота в литературном тексте (в частности поэтическом!) можно рассматривать именно как фразеологический след, то есть более слабую категорию, означающую способность напоминания/припоминания фразеологизма в его исходной нетрансформированной форме – благодаря фразеологическим признакам, присутствующим в тексте. Фразеологический след выигрывает в значении именно тогда, когда мы имеем дело с переводом. Стоит особенно подчеркнуть, что наличие его в оригинальном тексте совсем не должно означать того же, что и в переводе. Это зависит от выбора стратегии переводчика. В качестве примера послужит стихотворение из антологии другого поэта, Яна Сатуновского, при переводе которого Чех меняет – на первый взгляд, казалось бы, необоснованно – строчки местами:

Улитка, улитка, ховай свою душу, не высовывай рожки, держи язык за зубами. (Ян Сатуновский)	Ślimak, ślimak, nie pokazuj rogów, schowaj duszę, trzymaj język za zębami (Ежи Чех)	Улитка, улитка! Покажи свои рога, Дам кусок пирога, Пышки, ватрушки, Сдобной лепешки,- Высунь рожки! (Детская потешка)
---	---	--

Помимо очевидной последней строчки, которая отсылает (в связи с контекстом) к выражению *ktoś trzyma język za zębami* (<кто-то держит язык за зубами>, <кто-то не говорит, несмотря на то, что может или желает что-то сказать>), можно разглядеть здесь аллюзию на фразеологический оборот *rogata dusza* (<рогатая душа>, <кто-то дерзкий, неподдающийся навязанным правилам>). Этот пример является довольно показательным (и простой), потому что в тексте – в следующих строчках – присутствуют оба компонента фразеологизма, но в измененных формах и в другом функциональном аспекте.

Первый из них (*rogi* <рога>) взят формально из детской считалочки (*ślimak, ślimak, pokaż rogi* <улитка, улитка, покажи рога>), хотя в этом сочетании семантический сигнал идет все же от фразеологизма *rogata dusza*. Жест демонстрации рогов является уже проявлением ненатурального поведения (что обеспечивает дополнительный контраст с характерными чертами улитки как медленного, не очень умелого, но нежного создания). Второй компонент заключен в повелительном предложении *schowaj duszę* (<спрячь душу>), который построен на метонимически присвоенном образе, взятом из приведенной в начале потешки (**schowaj rogi* <спрячь рога>). В этом четверостишии таким образом возникает большое семантическое напряжение между последовательными частями, а фразеологичность (то есть некая условность) поддается градации: от потешки, через аллюзию к устойчивому фразеологизму. В результате имеем очень мощный эффект, потому что одновременно происходит процесс антропоморфизации описываемого персонажа, который становится признаком аллюзии в более широком плане.

Заключение

Примеров трудностей перевода „новой” русской поэзии на польский язык и решений этих трудностей переводчиком можно привести огромное количество. Чех четко улавливает разностильный карнавал, иронию, гротеск, игру поэмы Кибирова, а также мастерство других поэтов, произведения которых вошли в сборник. Польский переводчик не только подключается к игре, но и приглашает в ней участвовать своего читателя. В случае перевода поэмы Кибирова Чех открыто предстает в роли второго автора, потому как у польского читателя не остается никаких иллюзий по поводу того, что перед ним „точная копия” оригинала в связи с обилием элементов в тексте родом из польской культуры. Возникает некоего рода антииллюзия. Переводческой доминантой в случае поэмы Кибирова стала динамика, заданная

силлаботоническим размером, в котором мастерски вписались всевозможные цитаты, крылатые слова и другие единицы, передающие дух поэмы, ее настроение и ироническую позицию автора. Всевозможные трансформации (субституции, редукции) при переводе авангардной поэзии оправданы, хотя естественно это ведет к несколько иному прочтению произведения, иной расстановке смысловых акцентов, возможно, к сужению интерпретационных рамок. Так, например, если оригинал Кибирова позволяет на диаметрально разное прочтение – балансирование между реконструкцией и деконструкцией советских мифов, то в польском переводе отчетливо просвечивается только второй вариант, но это уже тема для следующей статьи.

Литература

- 1- Бжостовска-Терешкевич Т. (2014). *Коллаж, центон, реди-мейд как переводоведческие методы* // Транслаторские стратегии. От модернизма к (пост)модернизму (2014). Ред. П. Фаст. № 37. Катовице: Изд-во «Силезия», с. 57-92.
- 2- *История русской литературы XX-начала XXI века* (2014). Учебник для вузов в трех частях, 3. Сост.: В.И. Коровин. Москва: Изд-во «Владос».
- 3- Кибиров Т. (1988). *Л.С. Рубинштейну* // „Третья модернизация” 7, <http://emc2.me.uk/tm/n7/kibirov.html> (10.02.2018).
- 4- Кибиров Т. (1998). *Избранные послания*. СПб.: Изд-во «Ивана Лимбаха».
- 5- Легежиньска А. (1999). *Переводчик как второй автор; Переводчик - как второй автор - сегодня* // Легежиньска А., Переводчик и его авторские компетенции. Изд. 2. Варшава: Изд-во «ПВН».
- 6- Пайдзиньска А. (1993). *Фразеологизмы как материал современной поэзии*. Люблин: Изд-во «Торгово-Издательская Агенция Антони Дудек», с. 158.
- 7- Рослый А. (2016), *Второе дно в посланиях Тимура Кибирова* // „Prosodia” 4, <http://magazines.russ.ru/prosodia/2016/4/vtoroe-dno-v-poslaniyah-timura-kibirova.html> (10.02.2018).
- 8- Студзиньска Й, Скибски К. (2016). *Фразеологизмы Виславы Шимборской в переводе. Пропозиция категории фразеологического следа*. Познань: Изд-во «Пространства Теории» 25, s. 149–175.

- 9- *Транслаторские стратегии. От модерзна к (пост)модернизму* (2014). Ред. П. Фаст. Nr 37. Катовице: Изд-во «Силезия».
- 10- Хейвовски К. (2015). *Иллюзия перевода*. Катовице: „Силезия”.
- 11- Чех Е. (2013). *Взобрался на пьедестал. Новая российская поэзия*. Воловец: Изд-во «Чарне».

Bibliography

- 1- Bzhostovska-Tereshkevich T. (2014). *Kollazh, centon, redi-mejd kak perevodovedcheskie metody* // *Translatorskie strategii. Ot modernizma k (post)podernizmu* (2014). Red. P. Fast. Nr 37. Katovice: Izd-vo «Silezija», s. 57-92.
- 2- *Istorija russkoj literatury HH-nachala HHI veka* (2014). Uchebnik dlja vuzov v treh chastjah, 3. Sost.: V.I. Korovin. Moskva: Izd-vo «Vlados».
- 3- Kibirov T. (1988). *L.S. Rubinshtejnu* // „Tret'ja modernizacija” 7, <http://emc2.me.uk/tm/n7/kibirov.html> (10.02.2018).
- 4- Kibirov T. (1998). *Izbrannye poslanija*. SPb.: Izd-vo «Ivana Limbaha».
- 5- Legezhin'ska A. (1999). *Perevodchik kak vtoroj avtor; Perevodchik - kak vtoroj avtor - segodnja* // Legezhin'ska A., *Perevodchik i ego avtorskie kompetencii*. Izd. 2. Varshava: Izd-vo «PVN».
- 6- Pajdzin'ska A. (1993). *Frazeologizmy kak material sovremennoj poezii*. Ljublin: Izd-vo «Torgovo-Izdatel'skaja Agencija Antoni Dudek», s. 158.
- 7- Roslyj A. (2016), *Vtoroe dno v poslanijah Timura Kibirova* // „Prosodia” 4, <http://magazines.russ.ru/prosodia/2016/4/vtoroe-dno-v-poslanijah-timura-kibirova.html> (10.02.2018).
- 8- Studzin'ska J, Skibski K. (2016). *Frazeologizmy Vislavy Shimborskoj v perevode. Propozicija kategorii frazeologicheskogo sleda*. Poznan': Izd-vo «Prostranstva Teorii» 25, s. 149–175.
- 9- *Translatorskie strategii. Ot moderzna k (post)modernizmu* (2014). Red. P. Fast. Nr 37. Katovice: Izd-vo «Silezija».
- 10- Hejvovski K. (2015). *Illjuzija perevoda*. Katovice: „Silezija”.
- 11- Cheh E. (2013). *Vzobral'sja na p'edestal. Novaja rossijskaja poezija*. Volovec: Izd-vo «Charne».

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Ermashova Irina & Krzysztof Skibski (2018). The Difficulty of Translating the “New” Russian Poetry into Polish. *Issledovatel'skiy zhurnal russkogo yazyka i literatury*. 12(2): pp:133-153

DOI: 10.29252/iarll.12.133

URL: <http://journaliarll.ir/article-1-146-en.html>



Features of the Categorization of Knowledge about the World in Phraseological Semantics

Zakharova Nadezhda Nicolaevna¹

Associate Professor, Tula State University,
Tula, Russia.

(date of receiving: October, 2017; date of acceptance: July, 2018)

Abstract

In this article, questions of phraseological semantics are studied, it is noted that the categorization of knowledge occurs not only on the basis of generalization of the essential features of the object, but also includes image-emotional impressions, during which the image and concept are combined. The process of foundation of phraseological unit is presented as a kind of cognitive hypothesis generating, formed in the course of daily human activity in search of new meaning and at the same time in search of verbal signification own or adopted in this society relationship to the category. Introducing imagery in the process of verbalization of the concept, the subject of the nomination seeks to expand the volume of the classification series, to provide the classification system with one more feature. A consequence of this method of categorizing knowledge is the combination of the nominative function with the characterizing one in their polysemantic unity. The author gives examples illustrating the relationship between the two components of the semantics of the phraseological unit - emotional modality and imagery, which allows the phraseological sign to differentiate the properties of an object from the material or mental world, designating them as a separate nominative unit.

Keywords: Phraseologism, Phraseological Unit, Phraseological Semantics, Connotative Block of Semantics, Imagery.

1. E-mail: nadine1967@mail.ru

Особенности категоризации знания о мире в фразеологической семантике

Захарова Надежда Николаевна¹

Доцент, Тульский государственный университет,
Тула, Россия.

(дата получения: октябрь 2017 г.; дата принятия: июль 2018 г.)

Аннотация

В данной статье изучаются вопросы фразеологической семантики, отмечается, что процесс категоризации знания происходит не только на основе обобщения существенных признаков объекта, но и включает образно-эмоциональные впечатления, в ходе которых происходит слияние образа и понятия. Процесс формирования образности фразеологической единицы предстает как своеобразная генерирующая познавательная гипотеза, формирующаяся в процессе повседневной деятельности человека в поисках нового смысла и одновременно с этим в поисках вербального означивания собственного или принятого в данном социуме отношения к объекту номинации. Вводя образность в процесс вербализации понятия, субъект номинации стремится расширить объем классификационного ряда, предоставить классификационной системе еще один признак. Следствием такого способа категоризации знания становится соединение номинативной функции с характеризующей в их полисемичном единстве. Автором статьи приводятся примеры, подтверждающие взаимосвязь двух компонентов семантики фразеологической единицы – эмоциональной модальности и образности, которая позволяет фразеологическому знаку дифференцировать свойства предмета из материального или ментального мира, обозначив их отдельной номинативной единицей.

Ключевые слова: Фразеологизм, Фразеологическая Единица, Фразеологическая Семантика, Коннотивный Блок Семантики, Образность.

1. E-mail: nadine1967@mail.ru

Введение

Одной из существенных особенностей современного развития фразеологии является признание того, что фразеологический фонд языка представляет собой объект многоэлементный и включающий несколько различных составляющих, каждая из которых требует своего лингвистического исследования. Номинативная направленность семантики побуждает единицу избавиться от двойственности образа, которая препятствует однозначному пониманию языкового знака, но само возникновение фразеологической образности как основы фразеологизации свободного словосочетания свидетельствует о стремлении субъекта номинации расширить объем классификационного ряда, введя в оборот единицу, называющую такие черты объекта номинации, которые не могут быть названы другим знаком, то есть «одарить» классификационную систему еще одним признаком. Следствием такого способа категоризации знания становится соединение номинативной функции с характеризующей в их полисемичном единстве. Денотация вбирает в себя объективное содержание, соотносимое с классом обозначаемых объектов, а коннотация – содержание, в котором отражается чувство-отношение и субъективная оценка объекта номинации. Коннотативный блок представляет чувство-отношение к объекту номинации, которые побуждают искать тот ассоциативный модус, который «сплавляет» разные члены разных таксономических групп в нераздельное семантическое целое. Отношение носителя языка к объекту номинации опосредуется языковой картиной мира, которая существует в лингвосоциуме, а потому имеет непосредственную связь с культурой данного общества. В.Н. Телия предлагает называть блок, соединяющий несколько коннотативных значений, прагматически ориентированным, то есть соотносимым с различными прагматическими факторами – «с ассоциативно-фоновым (эмпирическим, культурно-историческим, мировоззренческим и т.п.) знанием говорящих на данном языке

о свойствах или проявлениях обозначаемой реалии или ситуации, с рационально-оценочным или эмоционально-оценочным (эмотивным) отношением говорящего к обозначаемому, со стилистическими регистрами, характеризующими условия речи или сферу языковой деятельности, социального отношения между участниками речи, ее формы и т.п.» (Телия 1996. 107).

Основная часть

Фразеологическая образность – это своеобразное совмещение образа и смысла, возникающее как результат сложения смыслов. В основе этого процесса лежит универсальное свойство человеческого познания идти от более знакомого, понятного к более абстрактному. Фразеологический образ, представление *смерти как оставление тела душой и ее движение по горнему пути к Богу: отправиться к праотцам, в мир иной, душа вон* и т.п.; представление безделья, ничегонеделания как создания видимости активной работы: *гонять собак, ваньку валять, плевать в потолок, бить баклуши*. Фразеологические знаки закрепляют в сознании носителя русского языка образную, оценочную, когнитивную модель восприятия мира, в том числе и тот перцептивный образ, который диктует особенности восприятия объектов внешнего мира по принципу уподобления и подстройки внешнего воздействия к внутренней модели (Захарова 2006). С.Д. Смирнов дает следующую картину хода познавательной деятельности на уровне восприятия: «Мы обычно воспринимаем некоторую чувственную данность как характеристику внешнего мира лишь тогда, когда наша гипотетическая конструкция апробирована через компарацию с результатами внешних воздействий на наши органы чувств» (Смирнов 1985. 153). Процесс формирования образности фразеологической единицы предстает как своеобразная генерирующая познавательная гипотеза, формирующаяся в процессе повседневной

деятельности человека в поисках нового смысла и одновременно с этим в поисках вербального означивания собственного или принятого в данном социуме отношения к объекту номинации. В.Ф. Петренко сравнивает категориальную сетку сознания с паутиной, которую ткёт паук из собственной же субстанции: «Для экспансии расширяющейся вселенной сознания используется подручный материал бытовых представлений и образов. Будучи идеальными, они могут редуцироваться неограниченно и, брошенные метафорой в незнание, позволяют навести первые мостки, освоить новую область познания скорее на уровне полупоэтического видения» (Петренко 1997. 29). Таким образом две области, две сферы понятий о разных, нетождественных, но схожих по приписываемым им признакам и функциональной значимости, обусловленных концептуальным видением мира, явлениях совмещаются на основе определенного ассоциативного модуля. В результате этого взаимодействия рождается языковой знак особой семантики – фразеологическая единица. Знаковая форма не просто дублирует действительность, а обобщает информацию, вводит в новые связи и отношения, за которыми стоит общественный опыт, фиксированный и кристаллизованный в значениях. Категоризация знания об объекте осуществляется в фразеологии не только на основе обобщения существенных признаков объекта, но и включает образно-эмоциональные впечатления, в ходе которых и происходит слияние образа и понятия.

Исследования последнего времени показали, что даже абстрактные понятия имеют некоторую «чувственную привязку». Экспериментально доказано, что содержание языкового знака может храниться в памяти и в виде некоего вербального кода, и в форме образа (Грайв, Джулли, Петренко). Фразеологический образ окрашивает опыт наглядно-чувственными красками. Он даёт сигнал о том, что новая познавательная ситуация в чём-то подобна уже пережитой, прочувственной, названной. Таким образом, образ и

эмоциональное отношение оказываются неразлучными спутниками, и более того – они помогают каждому человеку двигаться вперед, действовать, оценивать чьи-либо действия, опираясь на те концептуальные модели, которые явлены языком.

В.Ф. Петренко разводит по разные стороны понятия «абстрактность», «конкретность» и «образность». Проведенные им эксперименты показали, что «для слов, имеющих сильную эмоциональную окраску, коэффициенты образности получают высокую оценку, в то время как коэффициенты конкретности – низкую» (Там же. 55).

Предназначением экспрессивной ФЕ становится задача выразить «определенное внеязыковое содержание, связанное с качественно-количественной характеристикой реальных «предметов» и их эмоциональной оценкой субъектом». Функцией экспрессивного языкового знака является номинирование определенного единичного объекта, отличающегося неясной денотативной соотнесенностью: «Призвание такого знака состоит не в том, чтобы выделить и зафиксировать определенный класс явлений, а в том, чтобы выразить особенности данного референта» (Лукьянова 1986. 43). И это создает особый статус фразеологического знака – понятие-образ. Так, например, в ФЕ *плевать в потолок* сравнение *безделья* с вызывающей чувство пренебрежения образной ситуацией *плевания в потолок* приводит к тому, что единица приобретает эмотивное содержание не как элемент сигнификативного значения, а как часть коннотативного смысла. На наш взгляд, именно эмоциональное возбуждение побуждает человека искать аналогию объекту, явлению в уже знакомом, встречавшемся, которое вызывало подобные эмоции. В поисках аналогии отправной точкой служат признаки номинируемого объекта, вызывающие определенные эмоции. Поэтому связь образа и эмоции является закономерной и объясняется во многом самим характером познавательной и эмоциональной деятельности. Рожденная фразеологическая

единица (далее – ФЕ) обладает экспрессивностью генетически, поскольку в косвенной номинации происходит определенный семантический сдвиг, когда для означивания нового понятия используется «чужой» денотат и «чужое» вербальное выражение: *верста коломенская* (мера длины – человек), *чепуха на постном масле* (пища – речевая деятельность).

Таким образом, в косвенной номинации сближение двух разнородных в таксономическом плане объектов не только осмысленное, но и прочувствованное. Сближение происходит не по признакам естественного «мироделения», а по оценочно-эмоциональным координатам. Неоднородность сравниваемых объектов в реальном мире и их сведенность в одной точке по оценочно-эмоциональной шкале создает двойственность восприятия единицы, остротенность, которая до конца не «затушевывается» в знаке, поскольку является необходимым фактором для сохранения коннотативного блока информации единицы (Захарова. 2006).

Известный психолог П.К. Анохин высказывает мысль о глубинной связи эмоций с процессами предсказания ситуации на базе следов памяти. Эмоциональные переживания как типы реакций на жизненно значимые факторы закрепляются в нашей памяти и участвуют в оценке новой жизненной ситуации, извлекая из памяти подобные ситуации прошлого опыта вместе с положительной или отрицательной эмоциональной окрашенностью (Анохин. 1968). Чтобы организовать свою деятельность адекватно ситуации, человек не просто проводит аналогию с подобным, активизируя эмоционально-психическую аналогию. Оценка, эмоциональное переживание и образопостроение предстают не только элементами речепорождения, не только механизмами познания, но и механизмами, организующими поведенческую деятельность человека в различных жизненных ситуациях. Фразеологические образы не только моделируют отношение к миру, но и «подсказывают» поведенческие тактики на основе заложенной в них

эмоциональной оценки аналогичных тактик. Здесь мы вступаем в зону психических подсознательных процессов регулирования поведения человека, которые в достаточной степени не изучены наукой и в области которой исследование строится пока путем вероятностных проекций.

Обратимся к прагматическому компоненту семантики, который аккумулирует национально-культурное знание. Рассмотрим, каким образом протекает процесс фразеологизации книжной ФЕ. Так, ФЕ *нести свой крест* восходит к тексту Евангелия. В евангельском тексте *крест* изначально включает в себя помимо материальной соотнесенности и символично-метафорический смысл как символ страдания сына Бога. До Христа, во времена Кайафы распятие на кресте было самой позорной казнью, предназначенной для рабов после избиения у позорного столба. Вспомним, что Цицерон в знаменитой речи против Вереса упоминает нарушившего закон раба, который «немедленно по приказу претора был распят на кресте» (Цицерон. 79). Самый гнусный вид казни Христа был выбран для того, чтобы уничтожить память о Мессии, травестировать саму идею осмеянием носителя идеи. *Крест* в указанной ФЕ вбирает в себя жертвенную символику текста Евангелия и становится, благодаря христианскому контексту, символом преодоления смерти, тления духом. Таким образом, многие книжные фразеологизмы являются не только и не столько переосмыслением семантики свободного сочетания – они вбирают в себя глобальную семантику текста, его культурные коды. Во фразеологизме происходит «сгущение мысли», и мотивирующий текст становится «прецедентным текстом», которым «отсвечивает» семантика ФЕ.

Знание этой ассоциативно-генетической связи книжной ФЕ с текстом, ее породившим, становится необходимым для носителя языка, поскольку это знание не только обеспечивает понимание семантики ФЕ, но и формирует в сознании языковой личности представление о типовых контекстных

реализациях. Книжная ФЕ имеет наименьшую амплитуду колебаний в употреблении, т.е. узвальное стилистическое значение совпадает с достаточно ограниченным числом функционально-тематических и экспрессивных модификаций в литературном контексте. Постоянные контексты реализаций не только формируют функционально-стилевую прикрепленность ФЕ к книжно-письменному регистру, но и локализуют набор обслуживаемых референтных и коммуникативных ситуаций, допускают определенное соотношение социальных статусов и ролей в процессе общения и коммуникативного взаимодействия.

Фразеологическая единица, рожденная художественным контекстом (например, библеизм), наследует через сжатие семантики текста «обширное семиотическое пространство данной культуры», или, используя термин Ю.М. Лотмана, «семиосферу» культуры данного этноса (трубный глас, хлеб насущный, запретный плод, власть имущие, владыки мира, не от мира сего) (Лотман 1993. 340).

Определенная часть используемой книжной фразеологии относится по способу номинации к концептуальной метафоре: фразеологизмы *положить голову, пролить кровь за что-либо* представляют *смерть* как героическую гибель, в фразеологизмах-библеизмах *смерть* предстает как переход в иной мир: *отойти в мир иной, испустить дух* (сравним разговорно-фамильярные фразеологизмы *сыграть в ящик, отбросить копыта*, которые описывают *смерть* как обездвиженность). Концептуальные метафоры представляют концепт в различных фреймовых структурах, такое акциональное представление концепта не просто создает его разные лики, оно служит выделению определенных денотативных ситуаций, которые, несмотря на общее содержание, обладают индивидуальными характеристиками.

Нам представляется, что книжные и устно-разговорные ФЕ различаются в онтологическом плане. В основе их категоризации лежат разные источники

знаний. В основе устно-разговорной фразеологии лежит знание, которое формируется в ходе практической деятельности человека, то есть представляет опыт взаимодействия человека с природой и социумом. Познание мира начинается еще до овладения языком, и чувственное восприятие мира происходит в дальнейшем как получение той системы информации, которая регулируется соотношением языковых выражений и ситуации действительности. В ходе познания понятия об «интенциональных» объектах формируются на основе первичных концептов, доступных непосредственному восприятию (источником для фразеологической образности выступает тело, предметы быта, растительный и животный мир: *седьмая вода на киселе, сибирский валенок, гол как сокол, нужен как собаке пятая нога*). Так, назвав объект речи *тяжёлой артиллерией*, говорящий реализует представление о человеке как орудии, нацеленном на какую-то цель, а значит, ядерной зоной значения данной ФЕ становится семантика мощного воздействия на кого-л., которая опирается на общее знание и «воскрешение» в сознании коммуникантов представлений военной сферы и на сформированную этим знанием когнитивную модель «воздействие – военное действие». А вот какого рода будет это воздействие, каждый из говорящих интерпретирует исходя из собственного когнитивно-образного моделирования с опорой на контекст предложения. Используя данный знак в определённой коммуникативной ситуации, говорящий предполагает аналогичную эмпатию собеседника. Фразеологизм, выступая речевым знаком, аккумулирует как ядерное значение, так зону прагматической пресуппозиции.

В книжно-литературной фразеологии можно наблюдать известное «удаление» информации от непосредственного наглядного опыта человека. Источником фразеобразования служит книжное знание. Наблюдается оперирование символами, принадлежащими к определенной культурно-семиотической сфере, часто инокультурной.

Образ – это одномоментное установление многочисленных связей между предметами и явлениями, он многозначен и неисчерпаем. Фразеологическая единица, включающая языковой образ, есть попытка вместить множественность взаимосвязей объектов, соединив логико-понятийный и образно-ассоциативный аспекты, попытка, в которой преодолевается ограниченность логико-вербального характера структурирования мира в языковой единице (как единице номинации), отсюда и возникает «эврисемичность» ФЕ, о которой упоминается в фразеологических исследованиях. Так, *идти куда глаза глядят* – это не просто идти в неопределенном направлении, это и сигнал определенного эмоционального состояния идущего, и образ дороги, без которых невозможны коннотативные приращения смысла. Наиболее значимым результатом этого явления выступает тот факт, что огромный пласт фразеологических единиц обладает полисемичностью. Речь идет о чрезвычайно сложной информативной насыщенности ФЕ – означивании одним языковым знаком полипризнакового явления, когда характеристики не могут быть расчленимы и воспринимаются носителем языка совокупно. При переводе на язык словарных толкований многие из фразеологизмов подвергаются упрощению, так как метаязыковое объяснение их семантического содержания требует многословного, многофакторного описания: «*Без мыла лезть / влезть в душу* – лезть, хитростью и т.п. вызывать на откровенность, добиваться доверия (говорится с неодобрением). Обычно подразумевается, что при этом имеются недобрые намерения» (Телия. 1985. 255). В указанной единице душа предстаёт как сокровенная, оберегаемая от вторжения область, проникновение оценивается как насилие, уподобляемое грубому физическому действию. Образ рождает полисемичность и неразложимость на дискретные семантические множители значения ФЕ. Цель появления вторичной номинации – не столько дать имя акции, сколько описать её признаки, позволяющие человеку оценивать это

действие неодобрительно, то есть выделить из ряда подобных действий данное, отличающиеся от них индивидуальными характеристиками (*затронуть за живое, мозолить глаза, плевать в душу*). В условиях непринуждённого, эмоционального общения возникает особая необходимость в языковом членении эмоционально-оценочных смыслов. Сравним разговорные единицы, призванные подчеркнуть интенсивность, неуправляемость тревожного эмоционального состояния:

1. *Пороть горячку* – разг. экспрес. *действовать с крайней поспешностью и неосмотрительностью*. (Фёдоров 1997. Т.2, 129), то есть *неосторожные, необдуманные действия уподобляются горячечному бреду (образ болезни)*.

2. *Стих нашёл* – устар. экспрес. 1. Какое-либо душевное состояние, настроение полностью овладевает кем-либо. (Фёдоров 1997.Т.2, 280). Е.Е. Елеонская в статье «Заговор и колдовство на Руси в XVII и XVIII столетиях» пишет: «В перечне заговоров, составленном дьяками, обращает на себя внимание то, как они именовали заговоры, эти названия неясны, вследствие отсутствия точного содержания заговоров. Дьяки отмечают ”заговорец“, ”уговор“, ”статью“; в просторечии встречается термин ”стих“; какая разница, однако, в содержании или строении поименованных таким образом заговоров, решить трудно. Но заговорец ли, стих, статья — всякого названия заговор был ценным приобретением и его брали, где могли, не пренебрегая знаниями прохожего и проезжего незнакомого человека» (Елеонская 1912. 622). Как видим, причудливое, блажное состояние человека описывается как состояние, вызванное наговором, колдовством, против которого человек оказывается бессильным (образ заклятия).

3. *Шля под хвост попала* – прост. неодобр. О человеке в неуравновешенном состоянии, проявляющем упорство, взбалмошность, самодурство (Фёдоров 1997. 74). Непредсказуемое, взбалмошное поведение человека уподобляется поведению норовистого коня (образ животного).

4. Во фразеологизмах *ум за разум заходит*, *разум помутился* психически нестабильное поведение человека означает сумасшествие.

5. *Потерять голову* – разг. экспрес. 1. Приходить в состояние смятения, растерянности, оказавшись в тяжёлом положении; не знать, что делать, как поступать (Фёдоров 1997. Т. 2, 133). Состояние эмоционального смятения уподобляется потере головы (образ физиологический).

Книжная фразеология используется для означивания «возвышенной» референтной ситуации, которая в русском культурно-языковом сообществе считается близкой социальному идеалу – героическая или трагическая смерть, душевное страдание, слава, власть. Образная составляющая ФЕ и ее функциональная маркированность формируют «возвышенную» семантику контекста, дают определенную картинность изображения и предопределяют восприятие текста в оценочном и эмоциональном ключе. Так, фразеологизм *смотреть смерти в глаза* формирует уважительное отношение к объекту речи, поскольку в данной ФЕ *смерть* предстает как живое существо, приближение к которому губительно для человека, в результате чего референтная ситуация описывается как сознательное противостояние опасному противнику – смерти (ср. *попрать страх*). Можно сказать, что книжная ФЕ выступает дейктическим знаком, формирующим эмоциональную готовность читателя к прочтению текста в «высоком» регистре: «– *Что такое посмотреть смерти в глаза? – спрашивает Ксюша у бабушки, усаживаясь на кроватке и поворачивает к ней свою стриженную голову.*

Но бабушка ничего ей не отвечает, а только снова укладывает Ксюшу в кровать. «Странные эти взрослые», - думает про себя Ксюха, – «они говорят слова, смысла которых не знают. <...> «Вот и взрослые, такие же, как это дурочка Катя, говорят, а сами не понимают. Ну как можно смотреть смерти в глаза?» Ксюша знает, что такое смерть. Вот когда сосед Игорь оторвал у ее любимой куклы в розовом платье голову, мама сказала, что ее

кукла умерла. И никто ей в глаза не смотрел, она просто исчезла навсегда из коробки с игрушками и все. <...> «Странные они, эти взрослые», – Ксюша снова вспоминает свой вопрос: «что такое смотреть смерти в глаза?». «Почему-то все это говорят, а никто не знает, что это значит? Даже папа, который очень умный и знает ответы на все вопросы, и тот не знает. <...>

И вот она оказывается в полной темноте. Сначала ей ничего не видно, но потом она видит очертания, которые рисуют на картинках: плащ, коса. «Это смерть», – понимает Ксюша. «И значит ей можно посмотреть в глаза?» Вокруг темно, но глаза Ксюши уже привыкли к темноте, и она может различить черты лица и даже увидеть глаза. Глаза у нее большие-пребольшие и синие-пресиние, как небо, только без облаков, а зрачки черные-пречерные. «Ну вот, я и посмотрела смерти в глаза», – думает Ксюша, – и что теперь?». «А теперь ты умрешь», – говорит ей смерть, и тянет к ней из-под плаща свои руки. «Умру? Это что как моя кукла в розовом платье?» Смерть улыбается и кивает ей головой. «И я просто исчезну, как моя кукла из коробки с игрушками?» Смерть не отвечает, она все ближе и ближе. Ксюше хочется упасть на пол, дрыгать руками и ногами, кричать «не хочу», как она это делает, когда бабушка отводит ее в садик, но ни руки, ни ноги, ни голос не слушаются ее, и она продолжает лежать и покорно смотреть на приближающуюся к ней смерть. Но что-то внутри в ней вдруг целкает, и она сама себе говорит «нет!». И это мгновение ее маленькое тело превращается в один комок, и этот комок, будучи не в силах закричать в голос, кричит про себя «не-е-е-е-е-т». Вдруг становится светлее, нет, просто за спиной у смерти появляется огромный солнечный зайчик, и он светит ей в глаза. <...> И на смерти уже не черный плащ, а скорее зеленовато-серый, и она почему-то говорит теперь мужским голосом:

- Она еще под наркозом, и вас не слышит.

«Слышу, слышу», – хочет сказать Ксюша, но голос не слушается ее.

- *Мне нечем вас обнадежить. Мы удалили опухоль, но девочке предстоит еще шесть месяцев химиотерапии – продолжает незнакомый мужской голос, – ребенок может от нее умереть».* (Нина Охард Посмотреть смерти в глаза // <http://www.proza.ru/2015/05/28/5>)

Приведем еще один пример, какие богатые референциальные смыслы получает фразеологизм *печки-лавочки* – прост. пренебр. 1. Мелочи, пустяки; то, что обычно не стоит внимания. 2. у кого с кем. Близкие, короткие отношения на несерьёзной основе. 3. Пустые, досужие разговоры. (Фёдоров 1997. Т.2) в повести В.М. Шукшина: *«Я вон пошел с удочкой посидел, на бережку в тенечке – и все, и печки-лавочки»* (Шукшин 1988. 226). В приведенном фрагменте присутствует семантика *«хорошо, приятно», «не жизнь, а малина»*. То же наблюдаем в следующем фрагменте: *«Все будет – печки-лавочки! – кричал уже из окна Иван»* (Шукшин 1988. 233). Фразеологизм *печки-лавочки* имеет огромный символический смысл, приоткрывающий одну из констант личности Шукшина-писателя и Шукшина-человека: это поиски Правды как нравственности, обнаружение которой в мире и человеческих взаимоотношениях дарует редкие минуты гармонии, светлой радости души, возможности ее откровения миру. В.С. Елистратов называет «поиск Праздника» как неотъемлемую черту русского национального типа: *«Праздник – коротенькая цепочка добрых событий души, он совершается внутри человека. Русские люди ищут этот Праздник – этот Китеж души повсюду и всегда. Жажда Праздника души и жажда Единой Правды – это онтологически и метафизически одно и то же»* (Елистратов 2001. 406).

Одно из значений указанного фразеологизма пересекается с семантикой ФЕ *не жизнь, а малина* – прост. экспрес. Одно удовольствие (о беззаботном, радостном существовании). (Фёдоров 1997. Т.1, 234). Малина как сладкая ягода становится символом довольной, счастливой, радостной жизни.

Разговорная фразеология реализует потребность носителя языка в существовании большого количества номинаций, служащих для идентификации и дифференциации значительного числа ситуаций, которые при совпадении каких-то общих признаков, имеют отличные черты.

Заключение

Таким образом, процесс категоризации понятия при образовании фразеологического знака опирается на способность человека строить, исходя из широкого контекста индивидуального и социально-исторического опыта, в том числе и вербального, прогностическую модель – образ мира – и соответствующие этому образу познавательные гипотезы. Взаимосвязь компонентов семантики ФЕ – эмоциональной модальности и образности – обусловлена особым способом формирования понятия: не только посредством логических операций абстрагирования, но и сохранения эмоционально-чувственных представлений о номинируемом объекте, сливающихся в одно целое понятие-образ.

Литература

- 1- Анохин П.К. (1968). *Биология и нейрофизиология условного рефлекса*, М., Изд-во «Медицина».
- 2- Захарова Н.Н. (2001). *Особенности использования фразеологических единиц в художественном тексте: на материале произведений В.М. Шукшина*. Дисс. на соиск. ученой степени кандидата филол. наук. Тула, 235 с.
- 3- Елистратов В.С. (2001). *Русская правда Василия Шукшина (к метафизике национального характера)* // Словарь языка Василия Шукшина. М., Изд-во «Азбуковник», «Русские словари».
- 4- Елеонская Е.Е. (1912). *Заговор и колдовство на Руси в XVII и XVIII столетиях* // Русский архив, т. 50, № 4. <http://litresp.ru/chitat/ru/Л/leonskaya-elena/kj-izuchenyu-zagovora-i-koldovstva-vj-rossi/5>
- 5- Лотман Ю.М. (1993). *О семиотическом механизме культуры* // Лотман Ю.М. Избр. статьи. – т. 3. Таллинн, – С. 326 – 344.

- 6- Лукьянова Н.А. (1986). *Экспрессивная лексика разговорного употребления*. Проблемы семантики. – Новосибирск.
- 7- Орхард Н. (2015). *Посмотреть смерти в глаза* // <http://www.proza.ru/2015/05/28/5>. Дата обращения: 5.12.2017.
- 8- Петренко В.Ф. (1997). Основы психосемантики. М., Изд-во «МГУ».
- 9- Смирнов С.Д. (1985). *Психология образа: проблема активности психического отражения*. М., Изд-во «МГУ».
- 10- Телия В.Н. (1995). *Словарь образных выражений русского языка* / Т.С. Аристова, М.Л. Ковшова, Е.А. Рысева и др.: Под ред. В.Н. Телия. М., Изд-во «Отечество».
- 11- Телия В.Н. (1996). *Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты*. М., Изд-во «Языки русской культуры».
- 12- Фёдоров А.И. (1997). *Фразеологический словарь русского литературного языка*. В 2-х т. М., Изд-во «Цитадель».
- 13- Цицерон Марк Тулий, *Речь против Гая Вереса*. Вторая сессия, книга V, «О казнях». 70 г. до н. э. / [http://ancientrome.ru/ antlitrt.htm?a=1267350004](http://ancientrome.ru/antlitrt.htm?a=1267350004).
- 14- Шукшин В.М. (1988). *Киноповести*. М., Изд-во «Искусство».

Bibliography

- 1- Anohin P.K. (1968). *Biologija i neprofiziologija uslovnogo refleksa*, М., Изд-во «Medicina».
- 2- Zaharova N.N. (2001). *Osobnosti ispol'zovanija frazeologičeskikh edinic v hudozhestvennom tekste: na materiale proizvedenij V.M. Shukshina*. Diss. na soisk. uchenoj stepeni kandidata filol. nauk. Tula, 235 s.
- 3- Elistratov V.S. (2001). *Russkaja pravda Vasilija Shukshina (k metafizike nacional'nogo haraktera)* // Slovar' jazyka Vasilija Shukshina. М., Изд-во «Azbukovnik», «Russkie slovari».
- 4- Eleonskaja E.E. (1912). *Zagovor i koldovstvo na Rusi v XVII i XVIII stoletijah* // Russkij arhiv, t. 50, № 4. <http://litresp.ru/chitat/ru/L/leonskaya-elena/kj-izuchenyu-zagovora-i-koldovstva-vj-rossi/5>
- 5- Lotman Ju.M. (1993). *O semiotičeskom mehanizme kul'tury* // Lotman Ju.M. Izbr. stat'i. – t. 3. Tallinn, – S. 326 – 344.
- 6- Luk'janova N.A. (1986). *Jekspressivnaja leksika razgovornogo upotreblenija*. Problemy semantiki. – Novosibirsk.
- 7- Orhard N. (2015). *Posmotret' smerti v glaza* // <http://www.proza.ru/2015/05/28/5>. Data obrashhenija: 5.12.2017.

- 8- Petrenko V.F. (1997). *Osnovy psihosemantiki*. M., Izd-vo «MGU».
- 9- Smirnov S.D. (1985). *Psihologija obraza: problema aktivnosti psihicheskogo otrazhenija*. M., Izd-vo «MGU».
- 10- Telija V.N. (1995). *Slovar' obraznyh vyrazhenij russkogo jazyka* / T.S. Aristova, M.L. Kovshova, E.A. Ryseva i dr.: Pod red. V.N. Telija. M., Izd-vo «Otechestvo».
- 11- Telija V.N. (1996). *Russkaja frazeologija: semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty*. M., Izd-vo «Jazyki russkoj kul'tury».
- 12- Fjodorov A.I. (1997). *Frazeologicheskij slovar' russkogo literaturnogo jazyka*. V 2- h t. M., Izd-vo «Citadel'».
- 13- Ciceron Mark Tulij, *Rech' protiv Gaja Veresa*. Vtoraja sessija, kniga V, «O kaznjah». 70 g. do n. je. / [http://ancientrome.ru/ antlitrt.htm?a=1267350004](http://ancientrome.ru/antlitrt.htm?a=1267350004).
- 14- Shukshin V.M. (1988). *Kinopovesti*. M., Izd-vo «Iskusstvo».

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Zakharova Nadezhda Nicolaevna (2018). Features of the Categorization of Knowledge about the World in Phraseological Semantics. *Issledovatel'skiy zhurnal russkogo yazyka i literatury*. 12(2):pp:155-172

DOI: 10.29252/iarll.12.155

URL: <http://journaliarll.ir/article-1-147-en.html>



Names of Wedding Ransoms for the Bride in the Nizhny Novgorod Dialects

Nikiforova Olga Valentinovna¹

Associate Professor, Arzamas branch Nizhny Novgorod state University
Arzamas, Russia.

(date of receiving: January, 2018; date of acceptance: September, 2018)

Abstract

This article describes ethno cultural originality of the Nizhny Novgorod dialect ritual vocabulary. It is shown that the dialect of the ritual text not only reflects many different sides of people's life, but also holds huge information about the values and traditions of that linguistic-cultural community. One of the most important stages of the wedding ceremony was purchase and sale, which is archaic in origin. It is noted that rights such as; dowry, the right to travel by wedding train, permission to enter the house, sitting near the bride at the table, eating wedding bread, the bed of the bride, right of wedding night, are redeemed. The repertoire of the names of wedding buyouts in the dialects of the Nizhny Novgorod region is revealed: (а́лом, а́лы, вклад, вы́говор, вы́водок, задáток, заклáд, залóг, запрóс, клáдка, настóл, нала́ды, на правское, отвéсье, подьём, ряда, сулёны, настóльное, вы́говоренные дéньги, клáдные дéньги, клáдочные дéньги, настóльные дéньги, столовые дéньги, растрáтные дéньги). It is noted that the names denoting the ransom for the bride, in the Nizhny Novgorod dialects due to the loss of the custom of selling the bride undergo a semantic transformation changed their meaning.

Keywords: Dialectology, Nizhny Novgorod Dialects, Ritual Vocabulary, Vocabulary Wedding Ceremony, Names of Bride Price.

1. E-mail: snegaovnik@rambler.ru

Наименования свадебных выкупов за невесту в нижегородских говорах

Никифорова Ольга Валентиновна¹

Доцент, Арзамасский филиал ННГУ,
Арзамас, Россия.

(дата получения: январь 2018 г.; дата принятия: сентябрь 2018 г.)

Аннотация

Статья посвящена описанию этнокультурного своеобразия нижегородской диалектной обрядовой лексики. Показано, что диалектный обрядовый текст, отражая различные стороны народной жизни, хранит богатую информацию о системе ценностей и традиций той или иной лингвокультурной общности. Анализируется один из архаичных по происхождению важных этапов свадебного обряда – купля-продажа. Отмечено, что выкупаться могут приданое, право на проезд свадебного поезда, разрешение войти в дом, место возле невесты за столом, свадебный хлеб, постель невесты, право брачной ночи. Выявляется репертуар наименований свадебных выкупов в говорах Нижегородской области: *áлом, áлы, вклáд, вы́говор, вы́водок, задáток, заклáд, залóг, запрóс, клáдка, настóл, налáды, на правáское, отвéсье, подьём, ряда, сулэны, настóльное, вы́говоренные дэньги, клáдные дэньги, клáдочные дэньги, настóльные дэньги, столóвые дэньги, растрáтные дэньги*. Отмечено, что наименования, обозначающие выкуп за невесту, в нижегородских говорах подвергаются семантической трансформации в связи с утратой обычая продажи невесты.

Ключевые слова: Диалектология, Нижегородские Говоры, Обрядовая Лексика, Лексика Свадебного Обряда, Наименования Выкупа За Невесту.

1. E-mail: snegaovnik@rambler.ru

Введение

Интерес к традиционной народной культуре и обрядам как неотъемлемой части культуры существовал всегда. Общеизвестно, что обряды, возникнув как способ принудительного воздействия человека на природу, когда древние люди совершали свои поступки как бы в присутствии сверхъестественных сил, стали формой общения с потусторонними силами и имели цель – просто отогнать враждебные силы. В то же время обряды являются мощным средством сплочения народа. Передаваясь из рода в род, из поколения в поколение, обряды совершались так, как это было установлено предками. Обряды, отражая богатый многовековой опыт народа, составляют подлинную основу народной культуры. Семейные обряды, сопровождающие наиболее важные моменты в человеческой жизни, связаны с рождением, свадьбой, вступлением в новую сферу деятельности, переходом в другую возрастную группу, смертью. В связи с этим исследование обрядовых универсалий в сфере семейно-бытовой народной жизни может вскрыть, с одной стороны, содержательную ценность культурных комплексов прошлого, с другой стороны – их современное состояние. Богатый пласт духовной культуры народа представлен свадебным обрядом, состоящим из нескольких отдельных частей: досвадебный период, собственно свадебный период (первый день свадьбы), послесвадебный период. Традиционная русская народная свадьба – многоэтапное обрядовое действие, развернутое во времени и пространстве. Так, в Нижегородской области свадьба длилась практически в течение целого года, начиная со сватовства и заканчивая вьюнишными окликациями молодых на Пасху. Свадебный обряд, «вершина народной культуры», сохраняет «рудименты архаических явлений, восходящих к славянским древностям, для него характерны особенности, присущие только локальной традиции» (Маслова, Мочалова. 2013. 59).

Основная часть

«Языковая картина, объективируемая говором,— это выработанное многовековым опытом народа и осуществляемое средствами языковых номинаций изображение всего существующего как целостного и многочастного мира традиционной культуры» (Банкова, Калиткина. 2000. 132). Русские народные говоры, в частности говоры Нижегородской области, демонстрируют семантическую многоликость тематической группы «Лексика и фразеология свадебного обряда». Одним из этапов свадебного обряда, древним по происхождению и сохранившимся до настоящего времени, является купля-продажа. Купля-продажа – сквозной ритуал свадьбы, образующий сложную систему свадебных выкупов в традиционном обряде и представленный разнообразными обрядовыми действиями в современном свадебном обряде. В нижегородских говорах значение «выкупать-выкупить» реализуют глаголы *выкупать (выкупить), откупать (откупить), покупать (купить), продавать (продать)*, а также устойчивые сочетания *давать руку через стол, класть кладку, рыдить кладку, играть рукобителье, класть деньги, класть на стол*. Названное действие передают и существительные *выкуп, откуп, откуп, покуп, торг*. В соответствии с обычаями, сваха, дружка или сам жених выкупают что-либо у брата, подруг, матери невесты. Действия, связанные с выкупами, разнообразны. Выкупаться могут приданое, право на проезд свадебного поезда, разрешение войти в дом, место возле невесты за столом, свадебный хлеб, постель невесты, право брачной ночи и др. В традиционном нижегородском свадебном обряде предметом выкупа являются:

1) невеста – *Невеста сидит за столом, рядом сваха шьет и говорит в ответ по просьбу освободить место, что платье еще не готово. Тогда ей платят, и сваха уходит* (с. Помра Д-Константиновского р-на). *Пока не выкупят невесту, она сидит за столом покрыта* (с. Суморьево Вознесенского р-на). *Невесту прятали у печи и требовали выкуп* (д. Линево Борского р-на)

2) место за столом рядом с невестой (с. Автодеево, д. Поляна Ардатовского р-на, с. Бахтызино Вознесенского р-на)

3) въезд во двор (с. Автодеево Ардатовского р-на, с. Полх-Майдан Вознесенского р-на)

4) ворота (с. Мотызлей Вознесенского р-на)

5) вход в дом – *Пока идет выкуп, в дом никого не впускают, чтоб сесть с невестой, от жениха требуют выкуп* (д. Шилокша Кулебакского р-на, п. Преображенка Вознесенского р-на, р.п. Богородское Богородского р-на)

6) каждая дверь в доме – *Выкуп берут у дверей в доме невесты, проверяют состоятельность жениха* (с. Кузьминка Сергачского р-на, д. Кудрешки Богородского р-на)

7) приданое – *Во время девичника сваха продает приданое* (с. Григорово Б. Мурашинского р-на). *Утром в день свадьбы от невесты к жениху отправляются девушки с приданным невесты. Этот обряд называют рубашка. По дороге девушки поют, рассказывают прибаутки, шутят. Идут самые близкие подруги невесты – человек шесть. Одна идет впереди – эта девушка шьет занавески и распоряжается их развешиванием; она же шьет передник теще жениха. Обязательно одна из девушек несет веник, украшенный разноцветными лентами. Другая несет скалку, обернутую цветной бумагой, фольгой. В отдельный пакет кладут рубашку, мыло, лепешку, испеченную для жениха будущей тещей. Когда подходят к воротам жениха, выходит жених со своими друзьями, и начинается торг. Кто продает подушки, кто – ватник. Жених выкупает приданое. Выкуп сопровождается шутками* (с. Зеленые Горы Вадского р-на)

8) постель – *У подруг торгуют постельничьи и увозят к жениху* (с. Линейка Вознесенского р-на, с. Фокино Воскресенского р-на)

9) сундук – *У девушек выкупают сундук с приданным и приговаривают: «Четыре угла – четыре рубля, на углы по рублю, а в середку – золотой»* (с. Кужендеево Ардатовского р-на)

10) коса невесты – *Входил дружка, в руках держал носовой платок, начинал невесту выкупать, продавал невесту младший брат, было ему четыре года, нянину косу продавал, деньги ему дал дружка за косу* (с. Ивашкино Вадского р-на)

11) красота – *Красотой была елочка с ленточками, лоскутами и бусами, ее приносили на девичник, ставили на стол, гости выкупали красоту, за каждую веточку давали деньги* (с. Выползово Шатковского р-на)

12) ряженный веник (д. Матвеевка Борского р-на)

13) курник – *На свадебном пиру продавали курник – это наряженный накануне девушками репей, по частям продавали* (с. Маргуша Д. Константиновского р-на)

14) нож – *Чтобы молодой ножом блины резал, продавали нож на свадебном пиру* (с. Ивановское Борского р-на)

15) свадебный пирог – *На свадебном пиру выкупают ельник – большой круглый пирог, украшенный выпеченными из теста елочками и животными* (д.Валки Борского р-на). *Продавали лес – пирог с елочкой и лесовиком, сделанными из щепочек* (с. Ивановское Борского р-на)

16) цветы – *Цветок привязывают на лошадь из свадебного поезда, где поедут молодые* (д. Кудрешки Богородского р-на)

17) шапки поезжан – *Девушки крадут у поезжан шапки, разукрашивают их тряпочками цветными и требуют эти шапки выкупать* (р. п. Починки)

18) платок с пшеном у крестного (с. Волтово Навашинского р-на)

19) ключи от мазанки, где стелилась постель молодым (п. Осинки Сосновского р-на).

Во время сватовства обговаривается выкуп за саму невесту, восходивший к обычаю, при котором семья жениха «возмещала» семье невесты утрату работницы. Своеобразной табуированной формой торга являлась традиционная словесная формула: «У вас товар, у нас купец» и ее

многочисленные варианты, зафиксированные в нижегородских говорах: «У вас есть ярочка, а у нас есть барашек, не желаете ли вы их породнить?», «Мы слышали, у вас тёлочка продажная есть. Продайте её нам», «Пришли мы к вам невесту навестить, дочку у вас купить.» и др. Одним из условий брака являлся выкуп за невесту, договор о денежных и других тратах на свадьбу, который должен был выплатить жених. Этот выкуп генетически восходит к древней обрядовой форме купли-продажи, когда семья жениха покупала у родителей невесты работницу, возмещая утрату денежным взносом, а позже одеждой, обувью, продуктами. В свадебной обрядности нижегородских крестьян немаловажную роль играл выкуп за невесту. Он состоял, например, из денег (10–15 рублей), а также из одной или двух шуб овчинных для невесты, трех-пяти ведер вина, двух-четырех пудов мяса, одной меры пшена, муки, рыбы, трех пар валенок и лаптей (Шейн. 1900. 715). В говорах Нижегородской области договор о денежных и других тратах на свадьбу носит наименования: **настол** (*Родители жениха и невесты договариваются о настоле – о деньгах на свадьбу.* д. Митино Вачского р-на), **кладка, задаток, заклад, залог, вклад, запрос, подъём, выговор, выводок** (*Во время сватовства идут переговоры о выводке с жениха–покрывало, сундук.* д. Шелокша Кстовского р-на), **алом, алы, алым, залог, выкуп, выкупа, отвесье, налады, ряда** (*Сговорившись, рядили ряду: с жениха запрашивали для невесты шубу, коротейку, с невесты–долю в дом жениха, приданое, постель.* с. Никольское Арзамасского р-на), **сулёны, настольное, выговоренные деньги, столовые деньги** (*Приходили сватать родители жениха. Если приходили к согласию, сразу обсуждали сроки свадьбы, с жениха рядили столовые деньги.* с. Онучино Дивеевского р-на), **настольные деньги, кладные деньги, кладочные деньги, растратные деньги, на правское** (*На правское – это приезд жениховой родни со своим вином и гостинцам к невесте. Старуха выводит невесту. Невеста обносит всех рюмкой вина, ей кладут на подносе*

деньги. Жених отдает отцу невесты выкуп – 10–25 рублей. р.п. Б. Мурашкино). «Наименования демонстрируют принадлежность к культурному пространству региона, это особый региональный языковой код, заключающий в себе накопленную веками человеческую мудрость, историю этноса, его культуру, традиции, обряды» (Никифорова 2017. 91).

Интересно, что обусловленная сумма денег, как правило, шла на покупку части приданого, которую невеста не могла заработать своим трудом. Приданое и полученные от жениха деньги всегда являлись собственностью молодой жены. Поэтому в нижегородских говорах зафиксированы наименования материального содержания молодой с уточняющим компонентом: *выкуп за невесту, выкуп за девку*, а действие, при котором вносились эти деньги, обозначалось сочетанием *выкупать невесту*. Говоря о выкупе за невесту, диалектоносители часто смешивают этот эпизод свадебного действия с выкупом невесты и выкупом места, которые происходят в первый день свадьбы. Выкуп невесты следовал после выкупа куста (*красоты*), а затем уже жених выкупал место: *Входил дружка, в руках держал носовой платок, начинал он невесту выкупать, продавал невесту младший брат, было ему четыре года, нянину косу продавал, деньги ему дал дружка за косу, так выкупают невесту.* с. Ивашкино Вадского р-на .

Под выкупом невесты информанты подразумевают ритуальный выкуп куста (*красоты*), и в этом случае количество эпизодов, связанных с выкупом, сокращается до двух и их последовательность такова: сначала выкуп красоты, затем – места: *Покуп происходит, как жених и дружка приедут. Отец невесты спрашивает, мол, вам невесту или место. Они отвечают: и невесту, и место.* с. Бахаревка Сеченовского р-на. Выкуп места следовал за выкупом невесты, и жених должен был купить место за столом для себя и своей будущей жены: *Дружка говорит, мол, давайте нам невесту, а подружки в ответ: выкупите место. Надо выкупать место рядом с невестой. Вот*

дружка дает им денег, когда два рубля, когда сколько, все, выкупили место (д. Митино Вачского р-на).

Для специального чина, продающего невесту, в нижегородских говорах имеются наименования: *продавец, торгош, товарка, сестропродавица, сестропродавец* (Когда сестропродавец – это младший брат, когда сестра, когда подружка просят деньги за каждый угол в доме и за невесту, то жених клал, сколько у него было. с.Азрапино Починковского р-на), *купец, челядки* (Челдки – детишки продают невесту, в руках у них мутовки с красными тряпочками, деньги просили за каждую тряпочку. д. Первое Мая Борского р-на). Чаще конкретные родственники невесты выполняли определенные обрядовые функции, что послужило причиной перехода этих лиц в группу специальных свадебных персонажей при сохранении терминологии родства – брат. Слово *брат* выполняет две номинативные функции, совмещенные в одной лексеме: как термин родства и свадебный чин, продающий сестру – невесту. Роль брата – родственника невесты, представителя клана и свадебного персонажа – продавца молодой – фрагментарна, но значима. В основном он фигурирует в определенном обрядовом эпизоде – продажа невесты, места около нее. На месте, которое должен занять жених, сидит родной брат невесты, у него в руках сковородник и стакан с водой (с. Шишадеево Починковского р-на). Идет торг за невесту, дружка и жених предлагают деньги.

Некоторые исследователи объясняют роль брата в обряде экономическими взаимоотношениями в семье, ведь невеста с приданым уносит часть общесемейного состояния, а брат – наследник и будущий хозяин – в этом не заинтересован (Колпакова 1965. 269–270). Отсюда – антагонистическая позиция брата в обряде продажи-купли невесты по отношению к роду жениха, стремящегося забрать из семьи девушку, торг за невесту, который восходит к архаическим традициям.

С течением времени роль платы за невесту изменялась. На смену «материального» возмещения семье невесты за потерю работницы пришел обмен одеждой, деньгами, хлебом между семьями, вступающими в родственную связь. Н.И. Костомаров считает, что обычай платить выкуп за невесту был обязательным в XVI и XVII вв., а позднее исчез (Костомаров. 1860. 39). О расходах на свадьбу стали договариваться в свободной форме в разное время предсвадебного периода. Важным обстоятельством является то, что деньги шли не столько родителям невесты, сколько на саму невесту, на свадебные подарки и расходы на праздник. Именно поэтому следует отличать выкуп за невесту в традиционном русском обряде от распространенного у народов Средней Азии калыма, который был платой за невесту именно ее родителям.

В нижегородских говорах отмечены и фонематические варианты слова *калым* – *алы*, *алом*, *алым* для обозначения платы за невесту: «За невесту деньги платили – алом. Шар.,ц.» (ДСНО 2013. 29). По мнению М.Фасмера, наименование калым пришло в русский язык из тюркского: «калым "выкуп за невесту у татар", калын – то же, казанск., оренб. (Даль). Из тат., тоб. kalyn – то же, кирг., алт., тел., шор., леб. kalyn, чагат. kalim (Радлов 2, 242, 244; 248, 249); см. Преобр. I, 288» (Фасмер 1971.). На протяжении длительного времени носители нижегородских говоров контактируют с представителями иных культур. Этому способствует географическое положение Нижегородской области, которая граничит с Республиками – Мордовия, Марий Эл, Чувашия. Проникновение иноязычных заимствований в нижегородские говоры является результатом длительного сотрудничества контактировавших народов и приводит к обогащению лексики диалекта. Поэтому в нижегородской обрядовой лексике фиксируются не только тюркские, но и польские, французские, голландские, турецкие заимствования.

Отглагольные имена существительные *кладка, задаток, заклад, залог, вклад, запрос, подъём, выговор, выводок, залог, выкуп, выкупа, отвесье, налады, ряда, сулёны* свидетельствуют о том, что для наименований выкупа за невесту в нижегородской свадьбе важными, символически значимыми являлись такие обрядовые действия, как *класть, выговаривать, дать, сулить, выкупить* и др., непосредственно участвующие в формировании семантики обрядовой лексики, поскольку большая группа наименований выкупа невесты мотивирована именно обрядовыми действиями.

Лексема *выговор* мотивирована глаголом *выговаривать* в значении «свад. Вести переговоры с семьёй жениха о выкупе за невесту (под выкупом понимали деньги, иногда вещи, продукты, вино). *Невесте выговаривали много подарков. Выговаривали невесте шубу: вынимала старуха ей шубу из сундука. С жениха выговаривали. А ноне всё с невесты.* Бут., ю; Выкс., ю; Д.-Конст., з; Лыск., с-в; Нав., з.ц.» (ДСНО 2014. 157). Словарная дефиниция лексической единицы *выговор* отличается описательным характером и передаёт этнокультурную информацию: «свад. выкуп за невесту. *Раньше-то за невесту давай десять рублей выговору.* Воскр., с-з,ц; Кр.-Бак.» (ДСНО 2014. 157). Наименование *кладка* встречаем у Даля. Он сообщает, что в восточных губерниях кладкой называют 'род калыма, откупа за невесту, условные деньги от жениха *на приданое* и на свадьбу' (Даль 2002. 116).

Обороты с компонентом «стол» часто используются для обозначения выкупов, поскольку деньги шли на свадебное пиршество, на угощение: *на стол, настольное, столовые деньги, настольные деньги, выговаривать стол.* Однако в нижегородских говорах отмечено наименование *стол* для обозначения выкупа за невесту в виде предметов: *Во время сватовства велись переговоры о приданом, о времени свадьбы, с жениха требуют стол. Так называли перину и шубу невесте.* д. Шава Кстовского р-на. (Корепова 2016. 144).

Заключение

Наименования, обозначающие выкуп невесты, подвергаются семантической трансформации в связи с утратой самого явления продажи невесты. Однако в целом для свадебного обряда Нижегородской области характерна устойчивость этапа купли-продажи. Выкупы как явление свадебной реальности сохраняют свою актуальность и в настоящее время, изменяясь в результате нововведений: продажа торта, вилки, ложки, туфли невесты и др., подтверждая, таким образом, тезис об устойчивости традиционной народной культуры. Лексика говора является продуктом и в то же время инструментом культуры. Рассмотренные наименования выкупов невесты имеют специальное обрядовое значение, связанное с обрядовыми действиями, обрядовыми предметами, и отражают языковую картину мира носителей говора, их взгляд на свадьбу как обряд, их восприятие брака. Кроме того, названия транслируют и древнейшую мифологическую картину мира. Поэтому материалы диалектного языка являются ценным источником пополнения духовной культуры, а этнолингвистические исследования обрядов необходимы для решения важнейшей задачи – сохранения традиционной народной духовной культуры. Специфическим фрагментом языковой картины мира, отражающим не только этнографические (история, традиции), но и ментальные особенности этноса, является большая группа диалектных обрядовых наименований в нижегородских говорах.

Литература

- 1- Банкова Т.Б., Калиткина Г.В. (2000). *Лексикографическое описание обрядового слова. К постановке проблемы // Актуальные проблемы русистики: Сборник статей.* Томск, Изд-во «Томского университета». С.128–143.
- 2- Даль В.И. (2002). *Толковый словарь живого великорусского языка:* в 4-х т. М., Изд-во «Рипол Классик».

- 3- ДСНО – Дialeктный словарь Нижегородской области. (2013-2014). Вып. 1–2. Нижний Новгород: Изд-во «Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского».
- 4- Колпакова Н.П. (1965). *Отражение явлений исторической действительности в свадебном обряде Русского Севера*//Славянский фольклор и историческая действительность. М., Изд-во «Наука».
- 5- Корепова К.Е. (2016). *Материалы по свадебной обрядности в архиве Центра фольклора ННГУ*. Нижний Новгород, Изд-во «Растр».
- 6- Костомаров Н.И. (1860). *Очерк домашней жизни и нравов Великорусского народа в XVI и XVII столетиях*.СПб., Издательство «Тип. Карла Вульфа».
- 7- Маслова А.Ю., Мочалова Т.И. (2013). *Этнолингвистическая репрезентация обрядовой деятельности во фразеологии русских говоров Республики Мордовия* // Финно-угорский мир. № 2. С. 59–63.
- 8- Никифорова О.В. (2017). *Универсальное и уникальное в языковой репрезентации образа невесты в пространстве русского мира* // Вопросы культурологии. № 2. С. 88–91
- 9- Фасмер М. (1971). *Этимологический словарь русского языка*: в 4-х т. М., Изд-во «Прогресс».
- 10- Шейн П.В. (1900). *Великоросс в своих обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т.п.* СПб., Изд-во «Тип-я Императорской АН».

Bibliography

- 1- Bankova T.B., Kalitkina G.V. (2000). *Leksikograficheskoe opisanie obrjadovogo slova. K postanovke problemy* // Aktual'nye problemy rusistiki: Sbornik statej. Tomsk, Izd-vo «Tomskogo universiteta». S.128–143.
- 2- Dal' V.I. (2002). *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka*: v 4-h t. М., Изд-во «Ripol Klassik».
- 3- ДСНО – Дialeктный словарь Нижегородской области. (2013-2014). Вып. 1–2. Нижний Новгород: Изд-во «Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского».
- 4- Kolpakova N.P. (1965). *Otrazhenie javlenij istoricheskoi dejstvitel'nosti v svadebnom obrjade Russkogo Severa*//Slavjanskij fol'klor i istoricheskaja dejstvitel'nost'. М., Изд-во «Наука».
- 5- Korepova K.E. (2016). *Materialy po svadebnoj obrjadnosti v arhive Centra fol'klora NNGU*. Nizhnij Novgorod, Izd-vo «Rastr».
- 6- Kostomarov N.I. (1860). *Oчерk domashnej zhizni i nravov Velikorusskogo naroda v XVI i XVII stoletijah*.SPb., Izdatel'stvo «Tip. Karla Vul'fa».

- 7- Maslova A.Ju., Mochalova T.I. (2013). *Jetnolingvisticheskaja reprezentacija obrjadovoj dejatel'nosti vo frazeologii russkih govorov Respubliki Mordovija* // Finno-ugorskij mir. № 2. S. 59–63.
- 8- Nikiforova O.V. (2017). *Universal'noe i unikal'noe v jazykovej reprezentacii obraza nevesty v prostranstve russkogo mira* // Voprosy kul'turologii. № 2. S. 88–91
- 9- Fasmer M. (1971). *Jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka*: v 4-h t. M., Izd-vo «Progress».
- 10- Shejn P.V. (1900). *Velikoross v svoih obrjadah, obyčajah, verovanijah, skazkah, legendah i t.p.* SPb., Izd-vo «Tip-ja Imperatorskoj AN».

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Nikiforova Olga Valentinovna (2018). Names of Wedding Ransoms for the Bride in the Nizhny Novgorod Dialects. *Issledovatel'skiy zhurnal russkogo yazyka i literatury*. 12(2):pp:173-186

DOI: 10.29252/iarll.12.173

URL: <http://journaliarll.ir/article-1-148-en.html>



Studying the Category of Femininity by Iranian Students

Sannikova Nataliya Yurevna¹

Associate professor, Astrakhan State University,
Astrakhan, Russia.

(date of receiving: February, 2018; date of acceptance: August, 2018)

Abstract

Russian derivative nouns with the meaning of a female person constitute a modification word-forming category of femininity and represent secondary nominations structurally and semantically related to the names of males. In the formation of nouns with the value of femininity, specific derivational suffixes are used, and the derivation process is often accompanied by morphological transformations of the producing basis. Mastering derivatives with the meaning of female persons presents considerable complexity for students from Iran, since the Persian language does not have a gender category and in most cases the same lexemes are used for the nomination of persons of both sexes. The article substantiates the necessity of studying nouns with the meaning of a female person by Iranian students mastering the Russian language; the structural and semantic parameters of the suffixal derivatives of nouns that form the word-formative category of femininity are given; The repertoire of derivational means serving this category is called; morphological phenomena accompanying the derivation process are considered, as well as exercises on modeling and decoding of such derivatives that contribute to the formation of the word-forming competence of students are offered.

Keywords: Derivational Category, Feminative, Derivative, Exercise, Modeling, Decoding.

1. E-mail: sannikova_st@mail.ru

Изучение категории женскости иранскими студентами

Санникова Наталья Юрьевна¹

Доцент, Астраханский государственный университет,

Астрахань, Россия.

(дата получения: февраль 2018 г.; дата принятия: август 2018 г.)

Аннотация

Русские производные существительные со значением лица женского пола составляют модификационную словообразовательную категорию женскости и представляют собой вторичные номинации, структурно и семантически связанные с названиями лиц мужского пола. При образовании существительных со значением женскости используются специфические словообразовательные суффиксы, а процесс деривации нередко сопровождается морфонологическими преобразованиями производящей основы. Освоение дериватов со значением лиц женского пола представляет значительную сложность для студентов из Ирана, поскольку в персидском языке отсутствует категория рода и для номинации лиц обоих полов в большинстве случаев используются одни и те же лексемы. В статье обосновывается необходимость изучения существительных со значением лица женского пола иранскими студентами, осваивающими русский язык; приводятся структурно-семантические параметры суффиксальных производных существительных, составляющих словообразовательную категорию женскости; называется репертуар деривационных средств, обслуживающих данную категорию; рассматриваются морфонологические явления, сопровождающие процесс деривации, а также предлагаются упражнения по моделированию и декодированию подобных дериватов, способствующие формированию словообразовательной компетенции обучающихся.

Ключевые слова: Словообразовательная Категория, Феминатив, Дериват, Упражнение, Моделирование, Декодирование.

1. E-mail: sannikova_st@mail.ru

Введение

В российской лингводидактике уже стало общепризнанным положение о ведущей роли обучения русскому словообразованию для формирования коммуникативной компетенции иностранных обучающихся. Как справедливо отмечает Л.В. Красильникова, «...без знания единиц русского словообразования, особенностей производного слова по сравнению с непроизводным невозможно рассматривать роль производных слов в речемыслительной деятельности говорящего, решать коммуникативные задачи общения» (Красильникова 2015. 72).

Действительно, роль обучения словообразованию трудно переоценить, поскольку примерно 90 % русских слов, имеющих различную частеречную принадлежность, являются производными. По словам Е.С. Кубряковой, «...словообразование, подобно грамматике, участвует самым непосредственным образом в создании объёмных классов слов, объединённых по определённому признаку, и в выражении этими словами определённых обобщённых значений» (Кубрякова 1988. 150).

Все производные слова, вне зависимости от их частеречной принадлежности, входят в определённую словообразовательную категорию, под которой понимается формально-семантическая схема «образования производных слов, принадлежащих к одной части речи, имеющих общее СЗ (словообразовательное значение – Прим. Н.Ю.) и образованных одним и тем же способом словообразования» (Белякова 2007. 29). Так, например, производные имена существительные входят в словообразовательные категории наименований опредмеченных признаков и процессов, состояний, орудий и результатов деятельности, жилищ, лиц мужского пола и лиц женского пола, детёнышей и т.д.

Одной из самых многочисленных групп внутри производных имён существительных являются наименования лица. Причина исключительной

многочисленности наименований лица определяется богатством системы русских деривационных аффиксов и разнообразием словообразовательных типов, а также особым положением суффиксальных существительных со значением лица, заключающемся в том, что они называют человека – субъекта всех социальных процессов, действий, изменений. Человек как персонифицированная единица многообразных общественных отношений не может не оказаться в центре внимания самих людей, для которых и существует язык – важнейшее средство человеческого общения. Наименования лица называют человека в его всевозможных отношениях к другим людям, к обществу в целом, к профессии, к общественной деятельности, к природе и т.д..

Основная часть

Русские производные со значением лица женского пола, составляющие модификационную словообразовательную категорию женскости, занимают особое место среди имён лиц, поскольку номинации лиц женского пола представляют собой вторичные номинации, структурно и семантически связанные с маскулинными названиями лиц.

Алеш Бранднер небезосновательно полагает, что главным признаком всех наименований лиц женского пола «является их зависимость от соответствующих мужских имен. Непосредственной производящей основой для образования женского варианта считается всегда основа существительного мужского рода, к которому присоединяется производящий формант» (Бранднер 2003. 15). Именно поэтому для понимания семантики «женских» наименований необходима определённая когнитивная база (уверенное владение производной лексикой, используемой в русском языке для обозначения лиц мужского пола по характерному признаку, по роду деятельности, взглядам, национальному признаку, производимому действию и

т.д.), а также понимание механизма деривации и репертуара словообразовательных средств.

Известно, что существительные, составляющие словообразовательную категорию женскости, неоднородны по семантическим признакам, в связи с чем их можно разделить на две группы – наименования женщин и наименования самок, причём каждая из подгрупп в свою очередь тоже имеет дифференциальные семантические признаки (Санникова 2015. 552).

В первую семантическую группу включаются следующие наименования лиц женского пола: 1) женщина по профессии (например, *швея, географиня*), 2) женщина по национальности или месту жительства (например, *ереванка, кабулка*), 3) женщина по социальной принадлежности или по социальному статусу (например, *лимитчица, беженка*), 4) женщина по идеологическим или религиозным взглядам, убеждениям, принадлежности к политической партии, организации (например, *либералка, демократка*) 5) женщина по чертам характера, интеллектуальным качествам (например, *эрудитка, веселушка*), 6) женщина по особенностям внешности (например, *шатенка, толстячка*), 7) женщина по пристрастиям, склонности, роду занятий (например, *автомобилистка, собачница*), 8) женщина-жена или женщина-дочь (например, *супруга, виконтесса*).

Ко второй семантической группе относятся выделяются следующие наименования лиц женского пола: 1) самка животного (например, *тигрица, львица, ящерица, кошка, сайгачиха, крокодилиха, слониха*), 2) самка птицы (например, *ворониха, орлица, ястребиха, горлинка, воробьиха*), 3) самка насекомого (например, *клопиха, комариха, тараканиха*), самка рыбы (например, *окуниха, еришиха, сазаниха, язиха*).

Очевидно, что даже простое перечисление дериватов, входящих в словообразовательную категорию женскости, свидетельствует о высокой репрезентативности феминативов в современном русском языке и

демонстрирует неоднородность используемых при деривации аффиксальных средств.

Как показывает наш опыт, освоение производной русской лексики со значением лиц женского пола представляет значительную сложность для иностранных студентов, изучающих русский язык. Следует отметить, что процесс усвоения феминативов студентами из разных стран обусловлен особенностями строения их родного языка. Так, например, для студентов-славян русские феминативы не представляют особой сложности, поскольку, как отмечают исследователи, «...славянские языки располагают в целом сходной системой средств, служащих для образования наименований лиц женского пола по профессии, роду деятельности, должности, званию от базовых существительных мужского рода. Различия касаются конкретного инвентаря этих средств, особенностей сочетаемости с конкретными основами...» (Лешкова 2017. 170).

Для носителей же персидского языка процесс изучения модификационной словообразовательной категории женскости осложняется тем, что в персидском языке, как известно, отсутствует категория рода и поэтому для номинации лиц обоих полов в большинстве случаев используются одни и те же лексемы. Так, например, в персидском языке одинаково именуются *учитель* ('мужчина-учитель') и *учительница* ('женщина-учитель') – معلم, *художник* ('мужчина-художник') и *художница* ('женщина-художник') – نقاش, *писатель* и *писательница* – نویسنده, *продавец* ('мужчина-продавец') и *продащица* ('женщина-продавец') – فروشنده и т. д.. Исключением являются лишь отдельные обозначающие лиц слова, заимствованные из арабского языка, в которых гендерная дифференциация выражается окончанием женского рода -e: *شاعر* *šâer* ('поэт') – *شاعره* *šâere* ('поэтесса) и некоторые другие.

Приступая к изучению лексики, называющей лиц женского пола, следует, прежде всего представить обучающимся сведения о механизме словопроизводства феминативов. При этом преподаватель должен наглядно продемонстрировать иранским студентам, что в процессе деривации существительных, называющих лиц женского пола, к производящей базе, в качестве которой выступают наименования лиц мужского пола, присоединяются специфические суффиксы, не только меняющие морфемную структуру слова, но и преобразующие его семантику, например: *поэт* + *есс(a)* → *поэтесса* ‘женщина-поэт’, *учитель* + *ниц(a)* → *учительница* ‘женщина-учитель’, *максималист* + *к(a)* → *максималистка* ‘женщина-максималист’, *актёр* + *ис(a)* → *актриса* ‘женщина-актёр’ и т.п..

Чтобы не допускать ошибок при образовании и использовании существительных, именующих лиц женского пола, иранские студенты должны не только понимать деривационный механизм русского словообразования, но и прочно усвоить основные схемы построения производных слов данной словообразовательной категории, активно функционирующей в современном русском языке, а также владеть знаниями о морфемарии, представляющем собой перечень всех возможных словообразовательных средств, с помощью которых производятся подобные дериваты.

Репертуар словообразовательной категории русских производных существительных со значением женскости представляет собой закрытый список, состоящий из следующих суффиксов: 1) *-к(a)* (*абориген* + *к(a)* → *аборигенка*), 2) *-ниц(a)* (*всадник* + *ниц(a)* → *всадница*), 3) *-щиц(a)* (*алиментчик* + *щиц(a)* → *алиментщица*), 4) *-ш(a)* (*доктор* + *ш(a)* → *докторша*), 5) *-j(a)* (*враль* + *j(a)* → *вралья*), 6) *-чиц(a)* (*обидчик* + *чиц(a)* → *обидчица*), 7) *-их(a)* (*повар* + *их(a)* → *повариха*), 8) *-иц(a)* (*ангел* + *иц(a)* → *ангелица*), 9) *-ин(a/я)* (*биолог* + *ин(я)* → *биологица*), 10) *-есс(a)* (*бард* + *есс(a)* → *бардесса*), 11) *-н(a)*

(дон + н(а) → донна), 12) -ис(а) (актёр + ис(а) → актриса), 13) -ух(а) (старик + ух(а) → старуха), 14) нулевой суффикс (супруг + Ø → супруга). В русской морфемике есть один уникальный суффикс $-ад'j(a)$, с помощью которого образуется дериват *попадья* со значением «жена попа».

Думается, что немаловажной для иранских студентов является и информация о продуктивности названных суффиксов. Наиболее частотно дериваты, обозначающие лиц женского пола, образуются с помощью присоединения к основе маскулинного наименования суффикса $-к(a)$, позволяющего номинировать лицо женского пола по роду занятий, по принадлежности к какой-нибудь профессии, по характерному действию, по национальному и территориальному признаку, по идейным взглядам, например: *окулист* → *окулистка*, *оркестрант* → *оркестрантка*, *операционист* → *операционистка*, *литовец* → *литовка*, *дагестанец* → *дагестанка*, *комсомолец* → *комсомолка*, *партиец* → *партийка*.

Характерно, что названия лиц женского пола с суффиксом $-к(a)$ могут быть образованы от следующих типов «мужских» существительных:

- а) простых, например: *цыган* → *цыганка*, *псих* → *психичка*,
- б) имеющих суффикс $-ист$, например: *джазист* → *джазистка*, *журналист* → *журналистка*,
- в) имеющих суффикс $-ец$, который при деривации всегда усекается, например: *немец* → *немка*, *многоборец* → *многоборка*;
- г) имеющих суффикс $-ин$ или $-анин$, которые также подвергаются усечению, например: *гражданин* → *гражданка*, *мусульманин* → *мусульманка*, *волжанин* → *волжанка*, *христианин* → *христианка*,
- д) имеющих суффикс $-ик$, например: *неврастеник* → *неврастеничка*, *фанатик* → *фанатичка*,
- е) имеющих суффикс $-ак$ или $-ач$, например: *батрак* → *батрачка*, *чужак* → *чужачка*,

ж) имеющих суффиксы *-ич, -ит, -ат, -ант/-ент, -смен, -иш, -тяй, -ей*, например: *суннит* → *суннитка*, *шиит* → *шиитка*, *эрудит* → *эрудитка*, *акробат* → *акробатка*, *арестант* → *арестантка*, *клиент* → *клиентка*, *рекордсмен* → *рекордсменка*, *слюнтяй* → *слюнтяйка*, *чародей* → *чародейка*,

з) имеющих суффиксы *-ер/-онер/-ир, -арь, -ан*, например: *изувер* → *изуверка*, *акционер* → *акционерка*, *пассажир* → *пассажирка*, *бунтарь* → *бунтарка*,

и) сложными существительными с нулевым суффиксом, например: *верхогляд* → *верхоглядка*,

к) сложными существительными с иноязычными компонентами *-ман* и *-крат*, например: *клептоман* → *клептоманка*, *бюрократ* → *бюрократка*, *демократ* → *демократка*.

Следующую по продуктивности позицию после суффикса *-к(а)* занимает суффикс *-иц(а)*, с помощью которого образуются существительные, обозначающие лиц женского пола по профессии, месту работы, роду занятий, качеству, свойству и т.д.. Такие существительные мотивируются следующими существительными, обозначающими лиц мужского пола:

а) простыми, например: *мастер* → *мастерица*,

б) с суффиксами *-ец* или *-лец*, например: *домовладелец* → *домовладелица*, *умелец* → *умелица*,

в) с суффиксами *-ик, -ник, -щик, -чик*, например: *дачник* → *дачница*, *дольщик* → *дольщица*, *добытчик* → *добытчица*,

г) с суффиксом *-тель*, например: *грабитель* → *грабительница*, *даритель* → *дарительница*.

Третья по продуктивности позиция принадлежит суффиксу *-есс(а)*, который образует наименования лиц женского пола по титулу или по профессии (зачастую творческого, артистического и спортивного характера),

причём данный суффикс всегда присоединяется к простым существительным мужского рода, например: *патрон* → *патронесса*, *принц* → *принцесса*, *клоун* → *клоунесса*, *поэт* → *поэтесса*.

Далее следует ещё менее продуктивный суффикс *-ис(а)*, с помощью которого названия лиц женского пола создаются на базе существительных мужского рода с суффиксами *-ор* или *-ёр*, например: *актёр* → *актриса*, *директор* → *директриса*.

Относительно небольшое количество существительных, относящихся к словообразовательной категории женскости, образуются в современном русском языке с помощью суффикса *-ин(я)*, *-ын(я)* от простых существительных, номинирующих лиц мужского пола по различным признакам, например: *бог* → *богиня*, *герцог* → *герцогиня*, *раб* → *рабыня*, *монах* → *монахиня*.

Конечно, на продвинутом этапе изучения русского языка иранскими студентами им можно презентовать и малопродуктивные и непродуктивные суффиксы, с помощью которых в современном русском языке создаются лишь единичные производные наименования лиц женского пола. К таким суффиксам, например, относится суффикс *-ь(я)*. Следует отметить, что продуктивность этого суффикса ограничивается сферой употребления. Дериваты, включающие его в свой морфемный состав, чаще всего используются в повседневной разговорной речи, например: *брехун* → *брехунья*, *игрун* → *игрунья*, *ползун* → *ползунья*, *храпун* → *храпунья*, *пискун* → *пискунья*, *молчун* → *молчунья*, *скакун* → *скакунья*, *бегун* → *бегунья*, *хлопотун* → *хлопотунья*, *врун* → *врунья*. Во всех случаях названный суффикс присоединяется к основе существительного мужского рода, называющих лиц по совершаемым ими действиям.

Все названные выше, вне зависимости от их продуктивности, суффиксы не имеют стилистической маркированности, в отличие от стилистически

окрашенных суффиксов, присоединение которых к производящей базе сопровождается иронично-снисходительными или пренебрежительными коннотациями. Думается, что иранским студентам интересно будет узнать, что ряд суффиксов привносит в названия лиц женского пола дополнительные наращения семантики, которые демонстрируют специфическое восприятие человеком, использующим подобные номинации, называемых им лиц женского пола. К таким женщинам отношение, по меньшей мере, несерьёзное.

Прежде всего, это чаще всего используемый для выражения подобного отношения стилистически маркированный суффикс *-и(а)*, встречаемый, например, в словах *губернаториша* (от *губернатор*), *композиторша* (от *композитор*), *костюмерша* (от *костюмер*), *репетиторша* (от *репетитор*), *риелторша* (от *риелтор*), *комментаторша* (от *комментатор*), *музыкантиша* (от *музыкант*), *архитекторша* (от *архитектор*), *администраторша* (от *администратор*), *модельерша* (от *модельер*).

Важно сообщить иранским студентам, что не все наименования лиц мужского пола способны стать производящими базами для феминативов с суффиксом *-и(а)*, а лишь такие, основа которых оканчивается:

а) на согласные *-р, -л, -н*, например: *арендатор* → *арендаториша*, *новатор* → *новаториша*, *экзаменатор* → *экзаменаториша*, *кредитор* → *кредиторша*, *инспектор* → *инспекторша*, *великан* → *великаниша*, *библиотекарь* → *библиотекарша*, *бригадир* → *бригадирша*, *аптекарь* → *аптекариша*, *маляр* → *малярша*, *бухгалтер* → *бухгалтерша*, *юбиляр* → *юбилярша*, *опекун* → *опекунша*,

б) на сочетание *-нт*, например: *регент* → *регентша*, *агент* → *агентша*, *комендантша* ← *комендант*, *фабрикант* → *фабрикантша*.

Также стилистически маркированным аффиксом, обслуживающим словообразовательную категорию наименования лиц женского пола является суффикс *-их(а)*, с помощью которого в современном русском языке

производятся соотносительные с существительными, называющих лиц мужского пола, «женские» наименования, например: *врач* → *врачиха*, *сторож* → *сторожиха*, *гребец* → *гребчиха*, *дворник* → *дворничиха*. Отношение к таким лицам женского пола, занятым какой-либо деятельностью, как правило, насмешливо-несерьёзное, а порой и презрительно-уничижительное, за исключением, пожалуй, слов, называющих женщин, имеющих профессию, которая традиционно в России считается женской, например: *повар* → *повариха*, *ткач* → *ткачиха*.

Думается, что иронический оттенок этим наименованиям лиц женского пола придаёт аналогия с наименованиями самок животных типа *барсук* → *барсучиха*, *аист* → *аистиха*, *слон* → *слониха*

Помимо суффиксов *-и(а)* и *-их(а)*, в этой сфере деривации функционирует также суффикс *-ух(а)*, который считается непродуктивным просторечным суффиксом, имеющим яркую экспрессивную окраску и вносящим в «женские» производные имена лиц оттенок пренебрежительности, например: *толстуха* (от *толстяк*).

Интересно, что суффиксы, переводящие семантику лиц мужского пола в «женскую» иногда проявляют несвойственные им признаки. Так, например, некоторые стилистически нейтральные суффиксы могут в некоторых случаях образовывать слова с отрицательной (иронично-снисходительной) оценкой, как, например, произошло с дериватом *геологиня* (от *геолог*). И наоборот, стилистически сниженный суффикс *-и(а)* образует некоторые стилистически нейтральные слова, например, *соавторша* (от *соавтор*).

Говоря о стилистических отличиях «мужских» и «женских» номинаций лиц, необходимо также обратить внимание студентов на тот факт, что суффикс *-и(а)*, прежде позволявший назвать лицо женского пола как супругу какого-либо лица, в современном русском языке утратил такую функцию. В настоящее время отчётливо наблюдается тенденция утраты окраски

разговорности у производных слов, в морфемную структуру которых включается названный суффикс, в результате чего слова на *-и(a)* активно используется в разговорной речи при номинации женщины по роду деятельности или характерному признаку, например: *бригадир – бригадирша, командир – командирша, генерал – генеральша, бармен – барменша, почтальон – почтальонша, автор – авторша*.

Необходимо обратить внимание иранских студентов и на тот факт, что многие наименования лиц женского пола, образованные от маскулинных имён существительных и имеющие стилистическую маркированность, относятся к лексике разговорного стиля речи. Так, например, слова типа *директриса, математичка, врачиха* не являются официальными наименования лиц женского пола по профессии, а используются только в живой разговорной речи. Знание этой особенности феминативов позволит иранским обучающимся избежать ошибок в письменной речи, обслуживающий официально-деловой стиль.

Работая над обучением иранских студентов производной лексике со значением женскости, нельзя обойти вниманием и значительный пласт дериватов, именующих самок животных, птиц, насекомых, рыб. В современном русском языке наименования самок, как и лиц женского пола, образуются от основ существительных мужского рода со значением «самец», например: *верблюд → верблюдица, бегемот → бегемотиха, голубь → голубица, олень → олениха, сайгак → сайгачиха, медведь → медведица, лев → львица, комар → комариха, заяц → зайчиха, кот → кошка*.

Следует сообщить обучающимся и тот факт, что в современном русском языке имеется ряд специфичных суффиксов, посредством которых образуются имена существительные, обозначающие названия животных. Наиболее употребительными из них являются суффиксы женского рода *-ица, -иха*, причем с суффиксом *-ица* встречаются:

а) общевидовые названия (например, *мокрица, лисица, куница, курица, ящерица, синица*),

б) наименования самок животных (*медведица, верблюдица, кобылица, львица*).

Наиболее частотны названия самок животных образуются посредством суффиксов *-их(а)* и *-иц(а)*, например: *зайчиха, слониха, воробыха, тигрица, львица* и т.п.. В основном эти образования на *-ица, -иха* имеют ударение на суффиксе (*мокри́ца, слони́ха*). Ударение на основе имеют лишь слова, например: *ящери́ца, медве́дица, верблю́дица*. Остальные же суффиксы менее продуктивны в сфере производства наименования самок.

Обычно наименования самок животных производятся от соотносительных наименований мужского рода: *медведь – медведица, лев – львица, заяц – зайчиха, курица* (ср. устаревшее слово *кур*), *ящерица* (ср. название доисторического животного *ящер*). Однако ряд наименований самок не имеет параллельных форм самцов, например: *кобылица* (мужской род – *жеребец*), *курица* (мужской род – *петух*), *овца* (мужской род – *баран*). Кроме того, есть отдельные пары «самец» – «самка», в которых производящим, напротив, является наименование самки, например: *коза → козёл*. Подобные словообразовательные пары требуют дополнительных комментариев преподавателя.

Как представляется, приведённая выше информация позволит иностранным студентам, изучающим русский язык, правильно моделировать и декодировать производные слова, обозначающие лиц женского пола, адекватно интерпретировать и использовать в процессе коммуникации с носителями русского языка.

Однако думается, что для иранских студентов простое усвоение перечня «женских» суффиксов и их стилистических особенностей не упростит задачу по моделированию или декодированию производных существительных,

входящих в словообразовательную категорию женскости, а, скорее, напротив, вызовет когнитивный диссонанс в связи со значительным объёмом подобной информации. Как показывает наша практика, предъявление полного морфемария возможно только на заключительном этапе обучения лексике со значением женскости. При вводе суффиксов и формировании навыка конструирования и «расшифровки» дериватов необходимо руководствоваться принципами постепенности, необходимости и достаточности и предъявлять теоретические сведения дозированно.

На занятиях по русскому языку иранским студентам следует предлагать выполнение ряда специальных упражнений по моделированию суффиксальных дериватов, называющих лиц женского пола, и декодированию семантики феминативных существительных, созданных по конкретным словообразовательным моделям.

Приведём в качестве примеров некоторые типы заданий, которые используются нами в ходе преподавания русского языка студентам, приехавшим на учёбу из Ирана.

Упражнение 1. Образуйте наименования лиц женского пола от наименования лиц по профессии и роду деятельности: стюард – стюардесса, преподаватель – ..., волейболист – ..., учитель – ..., родитель – ..., соперник – ..., спортсмен – ..., лётчик – ..., руководитель – ..., повар – ..., журналист – ..., куплетист – ..., шахматист – ..., переговорщик – ..., помощник – ..., любитель – ..., воспитатель – ..., детективщик – ..., танцовщик – ..., заказчик – ..., пациент – ...

Важно помнить, что при выполнении подобных заданий преподаватель должен обращать внимание иранских студентов на морфонологические преобразования производящей базы, среди которых наиболее частотными бывают суффиксальные усечения, например: обидчик – обидчица, индивидуальщик – индивидуальщица, проводник – проводница, спорщик –

спорищица, переводчик – переводчица, закройщик – закройщица, уборщик – уборщица, рекламщик – рекламщица и т.п..

Кроме того, подбирая языковой материал для подобного типа заданий, преподаватель должен учитывать факт наличия в русском языке синонимичных суффиксов, обслуживающих словообразовательную категорию женскости, и не только предъявлять обучающимся перечень деривационных морфем, но и снабжать сведениями о частотности суффиксов. Представляется целесообразным при выполнении заданий по моделированию русских дериватов со значением лица женского пола сгруппировывать производящие базы по словообразовательным типам, в соответствии с которыми к наименованиям лиц мужского пола присоединяется какой-либо конкретный суффикс.

Будет нелишним приводить в качестве образцов словообразовательные модели, ориентируясь на которые иранские студенты смогут безошибочно «собирать» из предложенных преподавателем производящих баз и деривационных аффиксов производные слова.

Необходимо также указывать студентам на отдельные случаи несоответствия значения производных слов в парах типа *машинист – машинистка* и особо отмечать отсутствие пары по гендерному признаку у слов типа *маникюрша*.

Упражнение 2. Образуйте наименования лиц женского пола от наименования лиц по национальности или по месту рождения и/или проживания: Англия – англичанин – англичанка, Таджикистан – таджик – таджичка, Африка – африканец – ..., Россия – россиянин – ..., Астрахань – астраханец – ..., Москва – москвич – ..., Иран – иранец – ..., Вьетнам – вьетнамец – ..., Китай – китаец – ..., Азербайджан – азербайджанец – ..., Испания – испанец – ..., Япония – японец –

При выполнении заданий по моделированию дериватов, входящий в словообразовательную категорию женскости, преподавателю необходимо предоставить в распоряжение иранских студентов справочную информацию о наиболее частотных морфонологических преобразованиях производящих баз, что проявляется, прежде всего, в чередованиях согласных морфоном на стыке морфем, например: *фанатик* → *фанатичка*, *батрак* → *батрачка*, *чужак* → *чужачка*, *неврастеник* → *неврастеничка*, *паралитик* → *паралитичка* и т.п..

Следует также заметить, что во многих русских производных, называющих лиц мужского и женского пола, помимо чередований согласных, наличествуют интерфиксы, то есть асемантические межморфемные вставки, служащие устранению неблагозвучия при производстве дериватов, например: *Конго* – *конголезец* – *конголезка*, *Америка* – *американец* – *американка*, *Сочи* – *соchiнец* – *соchiнка*, *Дели* – *делинец* – *делинка*, *Ялта* – *ялтнец* – *ялтнка*, *Франция* – *француженка*, *Перу* – *перуанец* – *перуанка*, *Италия* – *итальянец* – *итальянка*, *Греция* – *грек* – *гречанка*.

Задания, связанные с освоением феминативов, могут быть направлены также на закрепление навыков согласования слов в словосочетаниях, что немаловажно для выработки языковой компетенции иностранных обучающихся. Как известно, значительно количество ошибок в письменной и устной речи иностранцев связана с интерференцией родного языка. Так, например, для англоговорящих обучающихся трудным является употребление прилагательного перед существительным и их согласование. Для иранских студентов, в родном языке которых отсутствует категория рода, упражнения на согласование имён прилагательных с существительными, обозначающими наименования лиц мужского и женского рода, также представляет значительную сложность.

Упражнение 3. Согласуйте имена существительные и имена прилагательные: старый учитель – старая учительница, знаком... продавец – знаком... продавщица, известн... художник – известн... художница,

французск... школьник – французск... школьница, пакистанск... писатель – пакистанск... писательница, популярн... певец – популярн... певица, анлийск... король – анлийск... королева, юн... поэт – юн... поэтесса, отважн... циркач – отважн... циркачка, умел... сборщик – умел... сборщица, настойчив... очередник – настойчив... очередница, способн... студент – способная студентка, немецк... спортсмен – немецк... спортсменка, истин... мусульманин – истин... мусульманка, иранск... преподаватель – иранск... преподавательница, интересн... собеседник – интересная собеседница, близк... родственник – близк... родственница, вдумчив... читатель – вдумчив... читательница, важн... покровитель – важн... покровительница.

Хорошо зарекомендовали себя упражнения, в ходе которых студенты декодируют дериваты с применением формулы толкования. Следует отметить, что в лингводидактике упражнения, в ходе выполнения которых обучающимся приходится самостоятельно устанавливать значения незнакомых им слов с опорой на формулу толкования, признаются весьма эффективными, поскольку такие задания способствуют формированию навыка прогнозирования значения неизвестного деривата и развитию лингвистической догадки, устранению потенциальных коммуникативных рассогласований.

Упражнение 4. Определите значение производных наименований лиц, используя формулу толкования «та, которая является женщиной-...»: шахматистка – та, которая является женщиной-шахматистом; любительница – ..., скандалист – ..., армянка – ..., клеветница – ..., иранка – ..., искательница – ..., дипломантка – ..., баскетболистка – ..., магистрантка – ..., скрипачка – , иностранка – ..., бельгийка – ..., пианистка – ..., адвокатесса – ..., жрица – ..., эрудит – ..., воспитательница – ..., аспирантка – ..., кормилица – ..., журналистка – ..., тегеранка – ..., парикмахерша – ..., расхитительница – ..., интеллектуалка – ..., авантюристка – ..., оркестрантка – ..., романист – ..., злодейка –

Помимо названных выше типов заданий, иранским студентам можно предложить упражнения на моделирование наименований самок животных, птиц, рыб, базирующиеся на полученных обучающимися ранее теоретических сведениях об общих значениях феминативов, знании механизма деривации таких производных суффиксальных имён существительных, репертуара деривационных средств, а также особенностей словопроизводственного процесса.

Упражнение 5. Как называется самка животных, птиц, рыб? Лев – львица, тигр – ..., леопард – ..., слон – ..., гепард – ..., орёл – ..., коршун – ..., ястреб – ..., воробей – ..., окунь – ..., сазан – ..., ёрш – ..., тюлень – ..., морж – ..., кот – ..., олень –

Весьма эффективны на занятиях задания на конструирование дериватов со значением лиц женского пола по аналогии с уже знакомыми студентам словообразовательными моделями.

Упражнение 6. Как называется женщина, которая родилась или живёт в названной стране или городе? Аргентина – аргентинка, Абадан – ..., Венесуэла – ..., Волгоград – ..., Дели – ..., Австрия – ..., Палестина – ..., Германия – ..., Венгрия – ..., Хабаровск – ..., Мазандаран – ..., Хамадан – ..., Перу – ..., Португалия – ..., Шираз – ... , Камбоджа –

Заключение

Практика показывает, что комплекс приведённых упражнений не только развивает навыки словообразовательного моделирования и декодирования зачастую агнонимичной лексики, но и в целом формирует словообразовательную компетентность, без которой, как представляется, невозможно прочное и осознанное владение русским языком. Таким образом, изучение суффиксальных производных феминативных существительных может способствовать развитию коммуникативной компетенции иранских студентов.

Литература

- 1- Бранднер Алеш (Aleš Brandner) (2003). *Особенности выражения категории рода у одушевлённых существительных в русском и чешском языках* / Sborník prací Filosofické fakulty Brněnské university. Studia minora Facultatis Philosophicae Universitatis Brunensis. Series linguistica Brunensi. A51, 2003. – С. 13–24.
- 2- Белякова Г.В. (2007). *Словообразовательная категория суффиксальных локативных существительных в современном русском языке*. Астрахань, Издательский дом «Астраханский университет». 170 с.
- 3- Красильникова Л.В. (2015). *Лингводидактические аспекты описания русского языка иностранным филологам на современном этапе преподавания РКИ* / Вестник РУДН. Серия «Русский и иностранный языки и методика их преподавания». – № 4. – С. 69–82.
- 4- Кубрякова Е.С. (1988). Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б.А. Серебrennikov, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова и др. М., Изд-во «Наука». – 216 с.
- 5- Лешкова О.О. (2017). *Новые явления в категории феминативов (на материале современного польского языка)* / Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. Изд-во «МАКС Пресс», – Вып. 55. – С. 169–178.
- 6- Санникова Н.Ю. (2015). *Семантизация существительных NOMINA FEMININA на занятиях РКИ* / Слово. Грамматика. Речь. Изд-во «МАКС Пресс», № XVI. – С. 551–554.

Bibliography

- 1- Brandner Alesh (Aleš Brandner) (2003). *Osobnosti vyrazhenija kategorii roda u odushevlyonnyh sushhestvitel'nyh v russskom i cheshskom jazykah* / Sborník prací Filosofické fakulty Brněnské university. Studia minora Facultatis Philosophicae Universitatis Brunensis. Series linguistica Brunensi. A51, 2003. – S. 13–24.
- 2- Beljakova G.V. (2007). *Slovoobrazovatel'naja kategorija suffiks'al'nyh lokativnyh sushhestvitel'nyh v sovremennom russskom jazyke*. Astrahan', Izdatel'skij dom «Astrahanskij universitet». 170 s.
- 3- Krasil'nikova L.V. (2015). *Lingvodidakticheskie aspekty opisaniya russskogo jazyka inostrannym filologam na sovremennom jetape prepodavanija RKI* / Vestnik RUDN. Serija «Russkij i inostrannyj jazyki i metodika ih prepodavanija». – № 4. – S. 69–82.

- 4- Kubrjakova E.S. (1988). *Rol' slovoobrazovanija v formirovanii jazykovoj kartiny mira // Rol' chelovecheskogo faktora v jazyke: Jazyk i kartina mira* / B.A. Serebrennikov, E.S. Kubrjakova, V.I. Postovalova i dr. M., Izd-vo «Nauka». – 216 s.
- 5- Leshkova O.O. (2017). *Novye javlenija v kategorii feminativov (na materiale sovremennogo pol'skogo jazyka) / Jazyk, soznanie, kommunikacija: Sb. statej / Otv. red. V.V. Krasnyh, A.I. Izotov. Izd-vo «MAKS Press», – Vyp. 55. – S. 169–178.*
- 6- Sannikova N.Ju. (2015). *Semantizacija sushhestvitel'nyh NOMINA FEMININA na zanjatijah RKI / Slovo. Grammatika. Rech'. Izd-vo «MAKS Press», № XVI. – S. 551–554.*

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Sannikova Nataliya Yurevna (2018). Studying the Category of Femininity by Iranian Students. *Issledovatel'skiy zhurnal russkogo yazyka i literatury*. 12(2):pp:187-207

DOI: 10.29252/iarll.12.187

URL: <http://journaliarll.ir/article-1-149-en.html>



A Phrasematic Key to the Russian Verb-Nominal Constructions: The Workshop of the Computational Phraseography

Fedorushkov Yury Glebovich¹

Assistant professor at Department of Russian Language of Institute of Russian and
Ukrainian Philology, Adam Mickiewicz University,
Poznan, Poland.

(date of receiving: March, 2018; date of acceptance: September, 2018)

Abstract

The article focuses on the problem of the phrasematic status of verb-nominal phrases considered as "potential phrasemes", such as: *давить на психику, ходить на работу, забежать на минутку, забраться на крышу, зайти на страницу*. The analyzed list includes more than one thousand of such structures. A special approach to their valency autonomy in the context is proposed. We take into account the context as supraphrasematic *feature* of potential phrasemes. An individual approach to each potential phrasemes in a particular context has a special role to play. This allows creating a special experience that can be converted to computerized linguistic analysis. We propose to consider the possibility of automatization the detection of the phrasematic status of potential phrasemes by using *machine learning* methods (the artificial intelligence). The described methods allow to automatic retrieval of the potential phrasemes with synchronous recognition of their phrasematic status in particular text and big text corpora of Russian language.

Keywords: Phraseme, Collocation, Idiom, Grammeme, Morphosyntax, 3-Gram, Machine Learning, NLP, Text Corpora.

1. E-mail: jerfed@amu.edu.pl

Фразематический ключ к вербономинальным конструкциям русского языка: мастерская компьютерной фразеогрфии

Федорушков Юрий Глебович¹

Доцент кафедры русского языка института русской и украинской филологии
УАМ, Университет им. А. Мицкевича в г. Познань, Познань, Польша.
дата получения: март 2018 г.; дата принятия: сентябрь 2018 г.)

Аннотация

В статье заострена проблема фразематического статуса вербономинальных словосочетаний, рассматриваемых как "потенциальные фраземы" (ПФ), – таких как *давить на психику, ходить на работу, забежать на минутку, забраться на крышу, зайти на страницу*. В анализируемом списке свыше 1 тысячи таких конструкций. Предлагается особый подход к их валентной автономности в контексте, при этом учитывается сам контекст как супрафразематическая особенность ПФ. Особую роль имеет индивидуальный подход к каждой ПФ в конкретном контексте. Это позволяет создать особый опыт, который можно конвертировать для компьютеризации лингвистического анализа. К рассмотрению предлагается возможность автоматизации определения фразематического статуса ПФ с помощью искусственного интеллекта (методы *machine learning*). Описываемые методы позволяют автоматически эксцерпировать ПФ с параллельным определением их фразематического статуса как в отдельных текстах русского языка, так и в корпусных массивах.

Ключевые слова: Фразема, Коллокация, Идиома, Граммема, Морфосинтаксис, 3-Грамм, Машинное Обучение, Обработка Естественного Языка, Электронный Корпус.

1. E-mail: jerfed@amu.edu.pl

Введение

Данная статья является фрагментом более широкого исследования в области компьютерной лексикографии, связанной прежде всего с её прикладной областью – фразеографической мастерской. Мастерская, о которой идёт речь, касается изучения вербономинальных фразем русского языка с помощью *Системы автоматизации обнаружения и аутентификации многословных единиц во фразематическом ключе (САФК)*. Используются методические решения из сферы NLP (*Natural Language Processing*), а также инструмент *Word2vec*, основанный на векторном представлении слов в машинном обучении. Данный класс методов относится к области искусственного интеллекта. Целью статьи является презентация фразематического ключа, который использует в итоге САФК в процессе итерации языкового опыта, то есть своего рода самообучения, а также при принятии решения относительно конкретной конструкции. Эффект работы с САФК – автоматически найденные, сегментированные вербономинальные конструкции (о заданном морфосинтаксическом типе) и автоматическая индикация их фразематического статуса в виде определённого кода. Другими словами, система САФК в состоянии определить, являются ли такие выражения как *давить на психику, ходить на работу, бежать на работу, забраться на крышу, биться на randevу, выйти на площадку, ступить на землю, выйти на сцену, выходить на палубу, лечь на спину* и др. фраземами, а если так, то к какому, технически говоря, "типу" фразем они относятся: полуколлокациям, коллокациям, идиомам – или всё же это так называемые *свободные словосочетания* (см. ниже)? С формально грамматической точки зрения – это морфосинтаксические 3-граммы. На них мы и сосредоточим своё внимание в статье.

Основные теоретические принципы и идеи из области фразематики и семантики и почерпнуты из работ В. Хлебды, И. Мельчука, О. Федосова (см.

Литература). Данная статья по сути обзорная и состоит из идейных пролегомен для области междисциплинарного – на стыке лингвистики и информатики – методологического формализма. Описанные в статье разработки – на экспериментальной стадии и требуют углубленной модификации. Речь пойдёт о теоретико-прикладной фокусировке понятия *фразематический ключ*. Результаты исследования могут внести новый методологический опыт в современную фразеографию. Именно в связи с их интердисциплинарным характером подход к классификации фразем во многом упрощён, на что особенно стоит обратить внимание Читателя. Стоит отметить, что в эксперименте были использованы данные трёх корпусов: из архива газеты *Новая газета* за 2013 год (3421285 слов-вхождений, понимаемых как повторяющиеся сегменты знаков алфавита от пробела до пробела) были автоматически эксцерпированы 3-граммные вербономинальные конструкции; массив *CommonCrawl* – компрессированный архив текстов российского домена *.ru* за 2012 год (около 105 Гб; адрес архива данного массива: <http://statmt.org/ngrams/pages/raw-data.htm> (доступ: 03.01.2018), при чём точное количество слов (с повторениями) неизвестно: теоретически для массива за 2012 и 2013 год общее количество слов – около 500 миллиардов), а также *КРЛПМП – Корпус российской локальной прессы милленийного периода* (около 500 млн слов; подробное описание корпуса в публикации Федорушков 2009) – были использованы для машинного обучения САФК.¹

Основная часть

Прежде чем приступить к анализу, следует отметить, что в данной статье использована польская трактовка некоторых терминов. О разнице в трактовке

1. Значительную техническую поддержку в создании САФК оказали доктор Филипп Гралиньский и инженер Давид Юркевич факультета математики и информатики университета им. Адама Мицкевича в г. Познань, Польша.

терминов *денотат*, *десигнат* в польской и российской научной традиции – см. Маркевич 2007: 121. В польском языкознании денотат – это "множество всех (как прошлых, так и будущих) объектов внеязыковой действительности", напр. "денотат названия *философ* – это множество таких личностей, как Сократ, Платон, Лейбниц, Локк, Татаркевич" (Полански 1999: 111; "десигнат названия *стол* – это каждый экземпляр стола" (там же. 115) [перев. с польск. – Ю.Ф.]).

Итак, рассмотрим примеры: *давить на психику*, *ходить на работу*, *забежать на минутку*, *забраться на крышу*, *зайти на страницу*. Без контекста трудно определить, имеют ли данные выражения фразеологический статус. По мнению одних, это традиционно понимаемые коллокации, по мнению других, это *свободные словосочетания*, не связанные узами фразеологизации. В конкретной ситуации при вербализации конкретных десигнатов мы создаем словосочетания, то есть конструируем кластеры слов свободно-условно. Рассмотрим другие примеры, но уже с контекстами:

i) Это белая стена.

белая стена – это *de facto* сиюминутное выражение, "словосочетание-однодневка", которое испарится, то есть не будет производиться, если, скажем, стена будет перекрашена в другой цвет: атрибут десигната будет иметь совершенно другую лексическую наполненность. Это будет уже, скажем, *красная стена*. Подобных примеров можно создать бесконечное количество. Ср. высказывание: "(...) громадный, теоретически неограниченный класс *свободных словосочетаний*" (Иорданская, Мельчук 2007. 223–224).
Например:

ii) Это зелёное сукно.

iii) Он шагает по тротуару.

iv) Я открыл книгу на [число] странице.

Другое дело, если мы скажем:

v) У него *белый билет*.

vi) Он *вышел на улицу*.

vii) Я *зашёл на страницу*.

белый билет (пример v) – это идиома, зарегистрированная в *Большом словаре русском поговорок* (Мокиенко, Никитина 2007), основана уже на модели метафоры, то есть данное выражение вербализирует не просто материально существующий десигнат названия (документ или удостоверение белого цвета), а метафора-формула, связанная с самим фактом, свидетельствующим об освобождении от воинской службы: ср. *белобилетник* – не просто тот, кто владеет *белым билетом*, а человек, освобождённый от службы в армии.

вышел на улицу (пример vi) – в зависимости от контекста это вербономинальное выражение (ВНВ) может иметь зачастую *околоколлокационные* (саму коллокацию мы понимаем согласно дефиниции: "слабоидиоматичные фразеологизмы преимущественно со структурой словосочетания, в которых семантически главный компонент (база) употреблен в своем прямом значении, а сочетаемость со вспомогательным компонентом (коллокатором) может быть задана в терминах семантического класса, но выбор конкретного слова предопределён узусом" – Баранов, Добровольский 2014. 73) или *полуколлокационные*, то есть слабоидеоматические статусы:

1) 'вышел на проезжую часть (отличную от тротуара)';

2) 'вышел на тротуар';

3) 'вышел во внутренний двор';

4) 'вышел в открытое пространство вне стен здания';

5) 'вышел на демонстрацию/ митинг';

6) 'вышел погулять'

7) в зависимости от более широкого контекста может иметь референциально отличное, конденсированное значение: 'вышел подышать свежим воздухом'

и ряд референциально переносных и коннотативно-контекстных значений.

В vii примере ВНВ *зашёл на страницу* абсолютно лишено дословности. Здесь имеется в виду одиночное действие – 'посещение интернет-сайта'.

В случае с примерами v–vii можно с большей уверенностью сказать, что используются готовые формулы – *фраземы*. С примерами i–iv дело обстоит сложнее: тут уже необходим широкий контекст, позволяющий снять неоднозначность фразематического статуса.

В нашей мастерской фраземы мы разделяем на коллокации и идиомы. В современной фразематике актуальной остаётся проблема чёткой калибровки фразематического статуса МЕ, то есть многословных единиц (пол. *wielowrazowców*), традиционно называемых словосочетаниями. Не случайно это именно сочетания. Слова сочетаются по правилам морфосинтаксиса (граммемной сочетаемости, норм валентности) и семантики (рациональная сочетаемость семем – ср. также с формулировкой *онтологическая несовместимость* – Апресян 1995. 161). Но, конечно, этих *stricte* лингвистически ориентированных факторов для фразем мало. Статус "являться фраземой" или "не являться фраземой" подразумевает под собой ориентиры, касающиеся воспроизводимости и повторяемости, то есть частотности в репродукции и/или продукции – так детально обсуждаемых Войцехом Хлебдой в его *Элементах фразематики...* (см. Хлебда 2003. 189–208). Воспроизводимость – особый критерий при выделении или эксцерпции в тексте/корпусе МЕ (на тему автоматизации эксцерпции МЕ – см. Федорушков

2010: 59–85; Федорушков, Шутковский 2010: 1564–1569). Именно репродукты имеют статус фраземы. Такие МЕ не создаются заново, они повторяют особый нейроопыт, то есть репродуцируют МЕ в готовой форме, формуле на уровне морфологии, синтаксиса, семантики, распределения актантных ролей. Модель идиоматичности, особой кодовой символичности основывается зачастую на глубокой и сложной модели переноса, то есть модели метафоры, метонимии, символичности, кодовой закреплённости, наследующей семантические микроотношения (на уровне семы, нескольких сем в семеме, семеме) – такие, как гипо/гиперонимия, меронимия, голонимия, синонимия/близкочность, антонимия, а также фуззинимия (по вопросу дефиниции – см. Интернет-страница Лексипедии – Lexipedia) и др. сематические и лексико-тематические отношения.

Какой же именно критерий является "центральным" при определении статуса МЕ как фраземы при адаптации языковых данных в программной среде? По нашему мнению, это контекст. Во-первых, контекст является супраопределителем значения десигната/денотата – ср.:

i) К ним пришла новая сотрудница. Она оказалась *чёрной овцой* в их офисном стаде. Этакой своенравной бабёнкой, которая, как оказалось, любила всеми помыкать.

ii) На лугу паслись *чёрные овцы*.

Пожалуй, этот популярный пример не требует дополнительных рассуждений. В примере ix мы имеем дело с так называемой дословностью, то есть снятием метафорической модели и идиоматического статуса фраземы-идиомы. Во-вторых, расшифровать фразематический статус помогает не только А. расширенный контекст (пример viii, состоящий из трёх предложений), но и Б. – *мультиконтекст* – собрание контекстов, где используется МЕ только с определённым статусом (например, статусом

фраземы или не-фраземы), зависящим от критерия воспроизводимости. С определённой точки зрения, репродуктивность фраземы и является её воспроизводимостью. А и Б. – это важнейшие черты (англ. *features*) языкового сырья – лингвистического опыта, передаваемого в САФК.

Предлагаемые в начале статьи МЕ *давить на психику, ходить на работу, забежать на минутку, забраться на крышу, зайти на страницу* могут иметь разный статус в зависимости от контекста, а воспроизводимость (англ. *reproducibility*, пол. *odtwarzalność*) таких статусов для конкретной ВПВ создаёт фразематическую насыщенность той или иной ВНВ. Так, ВНВ в примере *vi* может быть полудословной МЕ, фраземой-коллокацией, фраземой-идиомой. Каждый из этих статусов подразумевает под собой присутствие целой серии контекстов (для каждого из статусов).

Данный подход к фразематическому статусу МЕ отображается в своеобразной фразематической шкале. Олег Федосов отмечает "(...) широко понятая сочетаемость означает, что на умозрительной шкале возможностей: **«свободные словосочетания – устойчивые неидиоматические словосочетания (коллокации) – идиоматические словосочетания (фразеологизмы в широком смысле)»** [выд. – Ю.Ф.] (...) далеко не все теоретически возможные сочетания лексем (слов, словоформ), которые объединяет основное качество – некоторая степень устойчивости" (Федосов 2014). С нашей точки зрения, в техническом плане такое классифицирование не противоречит классической, виноградовской классификации ФЕ: *фразеологические сращения, фразеологические единства и фразеологические сочетания* – сочетания с соответственно уменьшающейся метафоричностью. Особенность фразеологических единиц, прежде всего идиом, такова, что семантика конкретной идиомы не является суммой значений отдельно взятых её компонентов (см. Виноградов. 1977: 140–161).

Принимая во внимание приёмы фразематического анализа и классификации МЕ во фразематическом ключе, необходимо сказать, что для нас всё же важна поляризация статуса исследуемых ВНВ: это фраземы либо не-фраземы. Исследуемые ВНВ с "неприкрепленным" статусом мы называем ПФ – *потенциальные фраземы*. Поляризация фразематической шкалы в упрощенной форме выглядит следующим образом:



Схема 1. Поляризация во фразематической шкале.

Данный подход связан с самой сферой действий: экспериментом в области компьютерной лексикографии и информатики. Приёмы такого поверхностного фразематического анализа, классификации во фразематической шкале касаются, главным образом, адаптации лингвистических данных в информатическом поле действий. Иными словами, мы имеем дело с переносом лексикографических, то есть лингвистических действий, на поле информатики и программирования.

Однако контекст не всегда помогает определить фразематический статус ПФ. Необходима верификация повторяемости конкретной ПФ в репрезентативно больших текстовых массивах, а также в лексикографических источниках. ПФ может иметь морфосинтаксические варианты, так как границы фраземы иногда расплывчаты и могут включать факультативные члены (аргументы). Например, аргумент *приличные* в примере *x* в идиоме *в люди выйти*.

i) Надо в театр сходить, хочется *в люди выйти*.

ii) Можно и в приличные люди выйти (Интернет-источник: <http://alau.kz/raznye-noski-karima-masimova-stali-novym-trendom-v-seti/> (доступ: 22.01.2018).

В связи с этим надо уточнить: в своём исследовательском материале мы не учитываем вариантов – таких, как в примере xi.

Итак, при определении фразематического статуса мы опираемся на интуицию и знание нашей языковой компетенции. Конечно, зачастую без контекста ПФ определение её статуса не имеет смысла. Однако очень важно учитывать такое первое, интуитивное определение фразематического статуса для ПФ. Так, например, для ПФ *бегут на подмогу* мы можем дать вступительную оценку 'ПФ имеет статус фраземы' (F – см. ниже таблица 1). После этого мы исследуем контекст и иногда меняем решение, учитывая возможную поспешность выводов и огромное количество свободных словосочетаний: 'ПФ не имеет статуса фраземы' (N-F). Далее мы ищем ПФ в словарях (Сл.), где не находим искомой ПФ. Заглянув в поисковик Яндекс, мы обращаем внимание, что повторяемость данной ПФ – 166 (YA), а версии с инфинитивом (*бежать на подмогу*) – уже 1000 раз (YA-inf). Это заставляет нас исследовать контексты и прийти к выводу: на данную ПФ стоит обратить внимание, это вероятнее всего именно фразема, то есть мы вновь меняем статус ПФ на F, принимая во внимание и её идиоматическую природу (F-I). В итоге мы меняем, вернее, принимаем решение 4 раза. При адаптации данные квалификации (Q) должны иметь именно кодовые обозначения: 1) F → 2) N-F → 3) F → 4) F-I. Ниже представлены эффекты для ПФ. Отметим, что все используемые примеры почерпнуты из архива *Новая газета* за 2013. Веб-сайт: <https://www.novayagazeta.ru/> (доступ 30.11.2017).

Таблица 1. Фрагмент рандомизированного языкового материала, использованного в системе автоматизации обнаружения и аутентификации МЕ во фразематическом ключе (САФК).

	Контекст	Q ₁	Q ₂	Сл.	YA	YA (inf)	Q ₃	Q ₄
i)	«Беркут» продолжает налегать. Люди &&&бегут на подмогу### к штабу с других концов Майдана. Кто-то кидает в толпу спецназа огнетушитель.	F	N-F	–	Y 166	Y 1000	F	F-I
ii)	Мне приходили идеи во сне, я просыпался и с первым поездом &&&бежал на работу### , чтобы проверить их на опыте.	F	F	+Y	Y 925	Y183	F	F-I
iii)	Хотя после открытия против нее уголовного дела об организации заказного убийства задача усложнилась многократно. Над задачей идет &&&биться на рандеву### с Януковичем Арсений Яценюк.	N-F	N-F	–	Y 2	Y 2	N-F	N-F

Рассмотрим пример хiii. Система отыскала и верно выделила 3 аутентичных контекста и каждый ПФ отметила как **F-I**. Надо отметить, что в переработанном тексте для технических нужд отсутствуют знаки препинания:

Таблица 1. Фрагмент языкового материала из массива *CommonCrawl*. В случайных контекстах на основе полученного опыта САФК обнаружил, произвёл соответствующие обозначения границ ВНВ (&&&, ###) и фразематически идентифицировал ВНВ.

Контекст из массива <i>CommonCrawl</i>	Рекомендация САФК – автоматически присвоенный квалификатор, то есть фразематический статус на уровне решения Q ₄
на киностудию возвращался с работы в двенадцать ночи и утром &&&бежал на работу### мне нравилось идти в легкий летний дождик чтобы по голове	F-I
скрывал что обзавелся люксовой машиной парковал ее за километр и &&&бежал на работу### через всю исаакиевскую площадь	F-I
только чтобы помучить моего друга иосифа ландау пристрелили когда он &&&бежал на работу### у эсэсовцев были специальные квартиры куда они уводили евреев чтобы	F-I

Заключение

Конечно, результаты данного эксперимента с использованием САФК требуют ряда дополнений и дискуссий. В статье не описана полная классификация фразематической шкалы, включающая (кроме прочих) квазиидиомы, а также учитывающая так называемую *валентную автономность* ПФ и особую классификацию "не-ПФ", т.е. ошибок – сочетаний слов, не являющихся 3-граммными ВНВ. Исследовательское поле

(языковое сырьё, т.е. начальный языковой материал) – свыше 1000 ПФ составляют ядро языкового сырья. Но на практике они и являются фразематическим ключом в его практическом применении, т.е. вводе и обработке в САФК. – см. 2–8 колонны (табл. 1) данных, включая контекст и квалификаторы. Следующая порция опыта – переработанные и исправленные варианты автоматической квалификации. В частности появляются области решения Q_5 и Q_6 , которые обогащают опыт САФК и в конечном итоге еще полноценнее минимизируют субъективную оценку исследователя относительно фразематического статуса вербономинальных конструкций.

Литература

- 1- Апресян, Ю.Д. (1995). *Избранные труды. Том II. Интегральное описание языка и системная лексикография*, Москва, Изд-во «Школа: «Языки русской культуры».
- 2- Баранов А.Н., Добровольский Д.О. (2014). *Основы фразеологии (краткий курс). Учебное пособие*, Москва, Изд-во «Флинта».
- 3- Виноградов В.В. (1977). *Об основных типах фразеологических единиц в русском языке*, [в:] В.В. Виноградов, Избранные труды. Лексикология и лексикография. Москва, Изд-во «Наука», 140–161.
- 4- Иорданаская Л.Н. Мельчук И.А. (2007). *Смысл и сочетаемость в словаре*, Москва, Изд-во «Языки славянских культур».
- 5- Лексипедия (Lexipedia). Лексико-семантический графовый словарь зависимостей. Интернет-источник: <http://www.lexipedia.com/english/fuzzynum> (доступ: 11.11.2013).
- 6- Маркевич, Х. (2007). *Utarczki i perswazje 1947–2006* (Markiewicz H.), Краков, Изд-во «Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego». Интернет-источник: <https://books.google.pl/books?id=Xg0ati-BKNAC&printsec=frontcover&hl=pl#v=onepage&q&f=false> (доступ: 23.01.2018).
- 7- Мокиенко, В.М., Никитина, Т.Г. (2007). *Большой словарь русских поговорок*, Москва, Изд-во «Олма Медиа Групп». Интернет-источник: https://dic.academic.ru/dic.nsf/proverbs/121_46/Белый (доступ: 03.01.2018).
- 8- *Толковый словарь русского языка*, под ред. Д.Н. Ушакова, Москва: Гос. ин-т "Сов. энцикл."; ОГИЗ; Гос. Изд-во «Иностран. и нац. слов.», 1935–1940, в 4-х т.

- 9- Федорушков Ю. (2010). Методы автоматизации экскерпции атрибутивных конструкций русского языка (Fedorushkov Y., Metody automatyzacji ekscerpcji konstrukcji atrybutywnych języka rosyjskiego). [в:] *Na tropach reproduktów. W poszukiwaniu wielowyrzowych jednostek języka*, под ред. В. Хлебды, Ополе: Изд-во «Wydawnictwo UO», 59–85.
- 10- Федорушков Ю. (2009), Экскерпция слов в кавычках из текстов российской прессы (Fedorushkov Y., Ekscerpcja wyrazów cudzysłowowych z tekstów prasy rosyjskiej). серия: *Semiosis Lexicographica* ЛП, Варшава, Изд-во «Wydawnictwo TAKT».
- 11- Федорушков Ю., Шутковский Т. (2010). Лексико-грамматическая сочетаемость атрибутивных словосочетаний русского языка в контексте методов компьютерной экскерпции, [в:] *II Международная конференция „Русский язык и литература в международном образовательном пространстве: современное состояние и перспективы”, Гранада, 8-10 сентября 2010 г.*, под ред. Р. Гузмана Тирадо, Л. Соколовой, И. Войтяковой, т. II, Гранада: Изд-во «Rubiños – 1860, S.A.», 1565–1569.
- 12- Федосов О.И. (2002). Передвигаются ли границы фразеологии? (О т.н. «лексических фраземах» на материале русского, чешского и венгерского языков), [в:] *Slowo. Tekst. Czas: nowa frazeologia w nowej Europie (Materiały VI Międzynarodowej Konferencji Naukowej, (Szczecin, 6-7 września 2001 r., Greifswald, 8-9 września 2001 r.)*, под ред. М.А. Алексеенко, В.М. Мокиенко, Г. Вальтера, Щецин – Greifswald, Изд-во «Wydawnictwo Naukowe US».
- 13- Федосов О.И. (2004). Коллокации на фоне комбинаторики лексем, [в:] *Frazeologia słowianska i inne płaszczyzny systemu językowego*, под ред. Я. Бартошевской, В.М. Мокиенко, Г. Вальтера, Гданьск, Изд-во «Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego», 37–49.
- 14- Хлебда В. (2003). Элементы фразематики: введение во фразеологию адресанта (Chlebda W. *Elementy frazematyki: wprowadzenie do frazeologii nadawcy*), изд. II, Ласк, Изд-во «Oficyna Wydawnicza Leksem».
- 15- *Энциклопедия общего языкознания (Encyklopedia językoznawstwa ogólnego)*. под ред. К. Полянского, (Polański, K.) (1999). Вроцлав, Изд-во «Zakład Narodowy im. Ossolińskich – Wydawnictwo».

Bibliography

- 1- Апресян, Ю.Д. (1995). *Izbrannye trudy. Tom II. Integral'noe opisanie jazyka i sistemnaja leksikografija*, Moskva, Изд-во «Shkola: «Jazyki russoj kultury».
- 2- Baranov A.N., Dobrovolskij D.O. (2014). *Osnovy frazeologii (kratkij kurs). Uchebnoe posobie*, Moskva, Изд-во «Flinta».

- 3- Vinogradov V.V. (1977). *Ob osnovnyh tipah frazeologicheskikh edinic v russkom jazyke*, [v:] V.V. Vinogradov, Izbrannye trudy. Leksikologija i leksikografija. Moskva, Izd-vo «Nauka», 140–161.
- 4- Iordanaskaja L.N. Mel'chuk I.A. (2007). *Smysl i sochetaemost' v slovare*, Moskva, Izd-vo «Jazyki slavjanskih kul'tur».
- 5- Leksipedija (Lexipedia). Leksiko-semanticheskij grafovyy slovar' zavisimostej. Internet-istochnik: <http://www.lexipedia.com/english/fuzzynym> (dostup: 11.11.2013).
- 6- Markevich, H. (2007). *Utarczki i perswazje 1947–2006* (Markiewicz H.), Krakov, Izd-vo «Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego». Internet-istochnik: <https://books.google.pl/books?id=Xg0ati-BKNAC&printsec=frontcover&hl=pl#v=onepage&q&f=false> (dostup: 23.01.2018).
- 7- Mokienko, V.M., Nikitina, T.G. (2007). *Bol'shoj slovar' russkikh pogovorok*, Moskva, Izd-vo «Olma Media Grupp». Internet-istochnik: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/proverbs/12146/Belyj> (dostup: 03.01.2018).
- 8- *Tolkovyj slovar' russkogo jazyka*, pod red. D.N. Ushakova, Moskva: Gos. in-t "Sov. jencikl."; OGIZ; Gos. Izd-vo «Inostr. i nac. slov.», 1935–1940, v 4-h t.
- 9- Fedorushkov Ju. (2010). Metody avtomatizacii jekscerpcii atributivnyh konstrukcij russkogo jazyka (Fedorushkov Y., Metody automatyzacji ekscerpcji konstrukcji atrybutywnych języka rosyjskiego). [v:] *Na tropach reproduktów. W poszukiwaniu wielowyrzowych jednostek języka*, pod. red. V. Hlebdy, Opole: Izd-vo «Wydawnictwo UO», 59–85.
- 10- Fedorushkov Ju. (2009), Jekscerpcija slov v kavychkah iz tekstov rossijskoj pressy (Fedorushkov Y., Ekscerpcja wyrazów cudzysłowowych z tekstów prasy rosyjskiej). serija: *Semiosis Lexicographica* LII, Varshava, Izd-vo «Wydawnictwo TAKT».
- 11- Fedorushkov Ju., Shutkovskij T. (2010). Leksiko-grammaticeskaja sochetaemost' atributivnyh slovosochetanj russkogo jazyka v kontekste metodov komp'juternoj jekscerpcii, [v:] *II Mezhdunarodnaja konferencija „Russkij jazyk i literatura v mezhdunarodnom obrazovatel'nom prostranstve: sovremennoe sostojanie i perspektivy”*, Granada, 8-10 sentjabrja 2010 g., pod red. R. Guzmána Tirado, L. Sokolovoj, I. Vojtjakovoj, t. II, Granada: Izd-vo «Rubiños – 1860, S.A.», 1565–1569.
- 12- Fedosov O.I. (2002). Peredvigajutsja li granicy frazeologii? (O t.n. «leksicheskikh frazemah» na materiale russkogo, cheshskogo i vengerskogo jazykov), [v:] *Slowo. Tekst. Czas: nowa frazeologia w nowej Europie (Materiały VI Międzynarodowej Konferencji Naukowej, (Szczecin, 6-7 września 2001 r., Greifswald, 8-9 września 2001 r.)*, pod red. M.A. Alekseenko, V.M. Mokienko, G. Val'tera, Shhecina – Greifswald, Izd-vo «Wydawnictwo Naukowe US».

- 13- Fedosov O.I. (2004). Kollokacii na fone kombinatoriki leksem, [v:] *Frazeologia slowianska i inne plaszczyzny systemu językowego*, pod red. Ja. Bartoshevskoj, V.M. Mokienko, G. Val'tera, Gdan'sk, Izd-vo «Wydawnictwo Uniwersytetu Gdanskiego», 37–49.
- 14- Hlebda V. (2003). Jelementy frazematiki: vvedenie vo frazeologiju adresanta (Chlebda W. *Elementy frazematyki: wprowadzenie do frazeologii nadawcy*), izd. II, Lask, Izd-vo «Oficyna Wydawnicza Leksem».
- 15- *Jenciklopedija obshhego jazykoznanija (Encyklopedia językoznawstwa ogólnego)*. pod red. K. Polan'skogo, (Polański, K.) (1999). Wroclav, Izd-vo «Zakład Narodowy im. Ossolińskich – Wydawnictwo».

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Fedorushkov Yury Glebovich (2018). A Phrasematic Key to the Russian Verb-Nominal Constructions: The Workshop of the Computational Phraseography. *Issledovatel'skiy zhurnal russkogo yazyka i literatury*. 12(2):pp:209-225

DOI: 10.29252/iarll.12.209

URL: <http://journaliarll.ir/article-1-150-en.html>



The Motive of Suicide in the Novel by M.E. Saltykov-Shchedrin "The Golovlyov Family" in the Context of Christian Culture

Larionova Natalya Petrovna¹

Senior teacher, The Kursk institute of cooperation (branch)
Belgorod University of cooperation, economy and law,
Kursk, Russia.

(date of receiving: January, 2018; date of acceptance: May, 2018)

Abstract

In the novel "The Golovlyov Family" by M.E. Saltykov-Shchedrin one of the most important keys is the motive of suicide. Although for the Russian literature it is as a traditional, but in this text, acquires as a qualitatively new development. The main characters consciously lose life, running away from the collected problems (Volodenka by shooting) or shame (Liubinka poisons herself with phosphorus). But suicide of the main character – Porfiry Vladimirovich Golovlyov- is the most important things for the writer. There is no visible way of deprivation of life, however, the very existence of Iudushka - is the path of death. He unconsciously loses the image and similarity of God in soul and becomes out of Him. Each offense of the hero of the novel is a step from Light towards Darkness, destroying his soul during his lifetime. The betrayals of mother, brothers, and sons and, finally, God takes him to one step with Judas Iscariot.

Keywords: Golovlev, Motive, Suicide, Iudushka, Treachery, Christian Symbols.

1. E-mail: Larionovanatula@mail.ru

Мотив самоубийства в романе М.Е.Салтыкова-Щедрина «Господа Головлёвы» в контексте христианской культуры

Ларионова Наталья Петровна¹

Старший преподаватель, Курский институт кооперации (филиала), АНО ВО
«Белгородский университет кооперации, экономики и права»
Курск, Россия.

(дата получения: январь 2018 г.; дата принятия: май 2018 г.)

Аннотация

В романе М.Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлёвы» одним из ключевых является мотив самоубийства. Будучи традиционным для русской литературы, в тексте произведения он приобретает качественно новое развитие. Главные герои сознательно лишают себя жизни, убегая от накопившихся проблем (Володенька стреляется) или от позора (Любинька отравляет себя фосфором). Однако наиболее важным для писателя становится самоубийство главного героя – Порфирия Головлева. Здесь нет видимого способа лишения себя жизни, однако, сам образ существования Иудушки – это путь умертвия. Он неосознанно теряет образ и подобие Бога в душе и становится вне Его. Каждый проступок героя романа – это шаг от Света в сторону Тьмы, разрушающий его душу при жизни. Предательства матери, братьев, сыновей и, наконец, Бога выводят его на одну ступень с Иудой Искаротом.

Ключевые слова: Головлёвы, Мотив, Самоубийство, Иудушка, Предательство, Христианские Символы.

1. E-mail: Larionovanatula@mail.ru

Введение

Русская классическая литература характеризуется во всем мире как глубоко нравственная. Это вполне естественно, так как большая часть произведений, особенно XIX – начала XX вв., создана на основе христианских текстов, поэтому включает открытые цитаты из Священного Писания или реминисценции, позволяющие читателю вспомнить определенные Евангельские сюжеты или образы. Это характерно для творчества Н. Гоголя, Ф. Достоевского, Л. Толстого, И. Бунина, Л. Андреева, М. Булгакова и др.

Целью творчества писателей на протяжении нескольких столетий стало своего рода подвижничество, проповедование нравственных ценностей, среди которых наивысшими признаны Вера и Бог, Человек и его Жизнь, Любовь и Семья. «...Литература теплила в народе свет упования небесного и не позволяла душам зарости скверной. Из книг звонили колокола и звучали обрядовые колокольцы, в них не умолкало эпическое самодвижение жизни... и такой красоты растекались закаты над родной землей, что плакала и ликовала от восторга читательская душа... Литература не была слепой и замечала наступление зла, но отречься от добра для нее было равносильно тому, как молитве отречься от Бога» (Дворникова 2011. 6).

Вместе с тем, глубоко противоречащий идеям христианской нравственности, мотив самоубийства героя в русской классической литературе является далеко не редкостью. Так в романе Л. Толстого под колесами поезда погибает Анна Каренина, вешается Николай Ставрогин в романе «Бесы» Ф. Достоевского, в пьесе А. Островского «Гроза» Катерина бросается в Волгу, скромный г-н Желтков стреляется от неразделенной любви к княгине Шеиной в «Гранатовом браслете» А. Куприна и т.д.

В своей статье мы предлагаем в качестве объекта исследования – роман М.Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы», где мотив самоубийства героя раскрыт весьма нетрадиционно: реально и иллюзорно.

Основная часть

В течение многих лет роман о гибели семейства Головлевых критики и читатели оценивали как сатирический и социологический: о неизбежной смене классов и неспособности помещиков примириться с условиями новой жизни. Отнесенность самого Щедрина к классикам русского критического реализма буквально вынуждала видеть в его произведениях «...бескомпромиссное отрицание всех форм угнетения человека человеком во имя победы идеалов демократии и социализма» (Бушмин 1980. 653).

В конце XX века роман заметили с совершенно иной, более глубокой религиозно-нравственной стороны. В исследованиях Ремпель Е.А., Павловой И.Б., Есаулова И.А., Дунаева М.М., Строганова Е.Н. и др. отмечено большое количество реминисценций и аллюзий к Священному Писанию. В качестве ведущих ими были предложены притчи о Блудном сыне, Страшном суде и крестных муках Христа, которые успешно реализованы в контексте романа об Иудушке.

Тему самоубийства М.Е. Салтыков–Щедрин поднимает в романе трижды. Давайте обратим внимание на это далеко не случайное для христианской культура число, но к его толкованию и роли в романе вернемся чуть ниже. Впервые с гибелью по собственному разумению мы сталкиваемся в истории о Володеньке. Это младший из законных сыновей Порфирия Владимировича, который женился против воли отца и был лишен наследства. Не имея возможности прокормить семью, после нескольких попыток добиться прощения от отца, он не находит иного выхода, кроме как застрелиться.

Другая история связана с сестрами-двойняшками, Аннинькой и Любинькой. Не имея особенного таланта, они обе устроились в театр на должности актрис. Однако очень скоро были вынуждены оказаться на содержании влиятельных лиц города. Покровители щеголяли роскошью и проворовались. Девушки с позором и оглаской, лишённые чести и средств к

существованию, безуспешно начали скитаться в поисках ролей. Аннинька каждую ночь говорила о саморазрушении как о пути к свободе, когда нет ни сил, ни возможности обрести её с помощью иных средств: «У кого воля изнежена, кто уже подточен привычкою легкого существования – у того голова закружится от одной перспективы подобного обновления» (Салтыков-Щедрин 1988. 170). Продолжает ее мысли Любинька: «Совсем ничего не видится впереди, кроме позора, нищеты и улицы. Позор – дело привычки, его можно перенести, но нищету – никогда! Лучше покончить разом со всем» (Там же. 270) и, как наиболее решительная, предложила покончить такую жизнь и отравилась фосфором.

Пожалуй, это единственные смерти, которые, как это ни парадоксально, вполне понятны и имеют какое-либо объяснение. Это и желание убежать от проблем, трусость, и невозможность принять ответственность за поступки, которые привели к подобному исходу, да и мало ли еще что.

Наиболее интересными с точки зрения нашего исследования являются совершенно другие умертвия – неявные, скрытые, неосознанные.

В христианстве есть понимание того, что человек, совершивший однажды предательство, уже при жизни передает свою душу Дьяволу, добровольно отказывается от Божественного покровительства, посягнув на самый великий Его дар – Жизнь. В дальнейшем все проступки, совершаемые человеком, лишены нравственности и направлены лишь на дальнейшее разрушение самого себя.

Примером тому является жизнь Порфирия Владимировича Головлева, Иудушки, домашнего предателя. Анализируя его поступки, мы пришли к выводу о том, что в их основе лежит предательство – непреднамеренное, неосознанное, но по силе своего воздействия на окружающих – смертельное. Герои, находящиеся в буквальном смысле рядом с Иудушкой, погибают в течение короткого времени, при этом всегда страшно и мучительно.

Уже в первой главе «Семейный суд» Иудушка совершает предательство по отношению к старшему брату Степану – заведомо обрекает того на забвение при жизни в родном доме во имя получения большей части наследства. Порфирий предлагает матери «оставить его (Степана) на том же положении, как и теперь, да и бумагу насчет наследства от него вытребовать» (Там же. 43).

Далее во второй главе «По-родственному» Иудушка совершает еще одно предательство, но уже по отношению к другому брату – Павлу Владимировичу, приставив к нему служанку, готовую в любое время дня и ночи приносить хозяину графинчики с водкой. «... вот братец Павел умрет – и еще, по милости божьей, именице мне достанется» (Там же. 73).

Безусловно, руки Порфирия Головлева чисты, с той точки зрения, что каждый из его братьев умер своей смертью. Но Иудушка как никто повинен в их гибели, о чем свидетельствуют слова Иисуса Христа: «не любящий брата своего пребывает в смерти. Всякий, ненавидящий брата своего, есть человекоубийца» (1 Ин. 3:14–15).

Но предательство братьев – это лишь ступень вниз, следом за которой – отречение от трех своих сыновей (Ларионова 2011. 69).

Историю Володеньки мы уже рассматривали. Она типична для того времени и интересна в контексте романа лишь как звено в цепи умертвий. Одним из таких же звеньев становится история старшего сына – Петеньки. Как и любой другой член головлевского семейства, он совершенно не приспособлен к самостоятельной жизни, безответствен, нагловат и отчасти жесток по отношению к своим близким. Проиграв казенные деньги и испытывая острый приступ страха за то, что его, молодого и красивого, полного жизни, могут отправить в Сибирь, он обращается за помощью к родным: бабушке, сестрам и отцу. Арина Петровна помочь не может, так как давно приобрела статус приживалки у сына Порфиши. У нее нет своего капитала, кроме тех денег, которые отложены на похороны. Сестры тоже в

тяжелом положении, однако, из необходимых трех тысяч рублей смогли выслать шестьсот. Отец же, имея достаточно средств, отказал в помощи. Безусловно, Петенька должен был предвидеть последствия своего азартного поведения, однако молодость и беспечность не смогли его вовремя остановить. Нежелание Иудушки вмешиваться и расплачиваться за долги сына должно было стать неким нравственным уроком, однако этот урок излишне затянулся и привел к плачевному результату: по дороге в Сибирь Петенька умер.

Была и еще одна история, связанная с незаконнорожденным сыном Иудушки. Появление младенца, названного, хотя и с легким пренебрежением, в честь младшего сына Володькой, могло стать для Порфирия Владимировича шансом изменить свою жизнь. Однако он совершает еще одно предательство – не советуясь с матерью ребенка, он тайком передает его в детский дом на воспитание. Пожалуй, в христианской религиозной культуре подобный поступок – намеренный отказ от детей во имя личного спокойствия – даже не описан. Осознанное прерывание рода – это отказ от собственного будущего, от возможности остаться в памяти последующих поколений; намеренно лишая себя радости материнства (отцовства), человек оказывается обречен на забвение. Этот поступок противоречит идее существования человечества (Там же.).

Но на этом цепь предательств не заканчивается. Порфирий Владимирович совершает еще одно преступление, на этот раз по отношению к матери. Прикрываясь заповедями о почитании родителей, он вынуждает старушку давать ему ежегодно отчет о том, сколько капитала он на нее потратил в виде съеденных ягод, выпитого чая и т.п. Пусть в присланной им ведомости напротив указанных статей расхода стояли нули, мать не могла вынести подобного с ней обращения. Позже, когда гнев поутих, Арина Петровна оказалась свидетелем и участником ситуации с Петенькой. Жестокосердие Порфирия Владимировича настолько ошеломило ее, что с проклятиями к сыну

она покинула родовое имение и поселилась в полуразрушенной нищей деревушке Погорелке, где позже и скончалась в нищете, холоде и голоде.

Таким образом, Иудушка в течение своей жизни трижды (вновь это число) совершает самый страшный грех: предательство брата, предательство сына и предательство матери. Можно говорить о еще одном – предательстве Бога, именем которого прикрывал все свои деяния Порфирий Головлев.

Примечательно, что прозвище главного героя тоже созвучно библейскому образу, жизнь которого не закончилась естественной смертью, если сослаться на канонические тексты. Иуда, как известно, повесился, осознав тяжесть своего предательства, когда увидел Страсти Христовы и услышал Его всепрощающий возглас «Отче! Прости им, ибо не ведают, что творят!» (Ев. от Луки. 23:34).

В романе «Господа Головлевы» своего рода воззванием, которое пробуждает Порфирия к самоубийству, становится приезд племянницы Анниньки и ночные посиделки с ней за графинчиком.

Именно Аннинька, рассказывая в пьяном угаре о смерти сестры, пробудила в Иудушке идею самоубийства. *«Сначала эта мысль мелькнула случайно, но, по мере того, как процесс умиртвий выяснялся, она прокрадывалась глубже и глубже и, наконец, сделалась единственною светящеюся точкой во мгле будущего»* (Салтыков-Щедрин 1988. 281).

На то, как именно погибнет Порфирий Головлев, Салтыков-Щедрин вновь намекает трижды. Сначала сам герой, рассуждая о погоде и божьем промысле, говорит: *«Кабы не он, Царь Небесный, может, и мы бы теперь в поле плутали, и было бы нам и темнехонько, и холодненько... В зипунишечке каком-нибудь, кушачок плохонький, лаптишечки...»* (Там же. 116). В продолжение его слов Евпраксеюшка рассказывает случай из жизни своего дяди-пономаря, который был застигнут зимой в поле и замерз в метель. Наконец, Иудушка, желая продемонстрировать усердие, рассуждает: *«Кабы за делом, я бы и без*

зова твоего пошел. За пять верст нужно по делу идти – за пять верст пойду; за десять верст нужно – и за десять верст пойду! И морозец на дворе, метелица, а я все иду да иду! Потому знаю: дело есть, нельзя не идти!» (Там же. 206).

Ночные пьяные беседы Иудушки и Анниньки по времени совпали со страстной неделей Великого поста, когда во всех храмах читается о Страстях Христовых. С детства знакомые Иудушке тексты вдруг раскрылись перед ним как Слово «... о какой-то неслыханной неправде, совершившей кровавый суд над Истиной» (Там же. 284).

Слово это, подобно свету от икон, настолько испугало Иудушку, что он начал серьезно помышлять о самоубийстве.

Вглядываясь в образ Спасителя, Иудушка мог увидеть всеобъемлющую любовь к людям и Отцу, ради которой Христос отдал свою жизнь и вынес страшные мучения на кресте, не утратив ее, а преумножив, и тем самым даровал для многих поколений жизнь вечную. «*Потребность иметь с собою и пред собою икону вытекает из конкретности религиозного чувства, которое не удовлетворяется одним только духовным созерцанием, но ищет и непосредственной, осязательной близости, как это естественно для человека, состоящего из души и тела. Человеку Господь преподает общение с Собой во вкушении тела и крови Его, т.е. чувственно и осязательно*» (Булгаков 1991. 82)

Порфирий понимал, что в нем нет любви, которую принес в мир Тот, о страданиях которого он только что слышал, а значит, нет силы, способной примирить его с самим собой и миром. В этом смысле самоубийство – единственный способ положить предел щемящему чувству тоски по ушедшим (Ларионова 2016. 36)

Иными словами, история Иуды, прозревшего перед сотворенной им самим великой несправедливостью, повторилась. И привела к тем же результатам.

Желание поскорее спрятаться от наступающего раскаяния и обжигающих мук одичалой совести приводит к идее самоубийства. В романе Салтыкова-Щедрина – это не пистолетный выстрел, не веревка, а холод и тьма.

Именно так Порфирий Головлев лишает себя жизни – он идет на могилу к матери с намерением извиниться перед ней за всех!, то есть за все те смерти, которые совершились по его воле. Эти важные слова «за всех надобно меня простить!» поднимают домашнюю драму на качественно новый, религиозно-нравственный уровень. Ощущая себя виновным, Иудушка осознает масштабы своего предательства и начинает воспринимать его как некое единое действие, которое привело к щемящему ОДИНОЧЕСТВУ и осознанию того, что ничего нельзя вернуть и исправить.

Все это и многое другое, объединив в некое тоскливое воспоминание, мог припомнить Порфирий Головлев, вглядываясь в образ Спасителя. Это единственный образ в семье Головлевых, который назван и отделен от других. Киоты с ликами Святых, как описывает их Салтыков – Щедрин, либо изливают свет, слепящий глаза и сообщающий окружающим предметам неясные, пугающие черты, либо из тех же киотов укоряюще «...смотрят, словно выколотые глаза» (Салтыков-Щедрин 1988. 206).

В обоих случаях результатом созерцательного общения является страх перед разверзающейся бездной вечного бытия.

Иоанн Дамаскин писал: *«Всякая икона есть изображение, представление вещи сокровенной. ... Следовательно, они делаются для нашей пользы и блага, для нашего спасения, для того, чтобы мы из предметов начертанных и видимо представленных познали сокровенное, чтобы возлюбили добродетель и или вслед ее, а противной ей, т.е. порок, возненавидели и отвращались от него»* (Свт. Петр [Могила] 1996. 162).

Мысль о том, что он может замерзнуть на пути к могиле или на самой могиле, как ему видится в пьяном бреду, совершенно не пугает Иудушку. В

нем вдруг открывается почти юридическое стремление пострадать. Однако, если вспомнить Ф. Достоевского, который говорил о желании пострадать, будучи невиновным, то здесь вина Порфиши неоспорима. Страдание для него – сродни мук Христа. Он принимает их как должное. И вот здесь парадокс, который извечен для философов на протяжении многих веков: что есть самоубийство? «Есть лишь одна по-настоящему серьезная философская проблема – проблема самоубийства. Решить, стоит ли или не стоит жизнь того, чтобы ее прожить, – значит ответить на фундаментальный вопрос философии. Все остальное – имеет ли мир три измерения, руководствуется ли разум девятью или двенадцатью категориями – второстепенно» (Камю 1993. 24)

Случилось ли самоубийство Иудушки в финале романа или оно произошло в самом его начале? Когда он утратил душу, ту божественную составляющую человеческого существа? Как нам кажется, физическая гибель Порфирия – это само собой разумеющееся завершение его пути, на котором он совершил многочисленные преступления, не действием, а словом, выдавая его за Слово Божие.

Длительная жизнь вне Христа, вне Его Любви не позволила Порфирию Головлеву осознать суть таких понятий, «раскаяние» и «всепрощение». Не в силах совладать с муками совести, и одновременно взыскуя прощения от всех, кого он обидел и кого уже не было в живых, Порфирий к *ним* и отправляется, в ту бездну, которая их *уже* поглотила – сразу в девятый круг ада, озеро Коцит. Идея холодного Ада, закрепленная в «Божественной комедии» Данте Алигьери, отчетливо показывает, что ни о каком прощении для Иудушки не может быть и речи. Если вспомнить о том, что развязка наступает мартовской метельной ночью, а Порфирий, как некогда грезилось ему самому и как пророчила Евпраксеюшка, замерзает. Смертельный холод, которым он при жизни окружал своих родных, теперь настиг и его, сковал навечно.

Заключение

М.Е. Салтыков-Щедрин в романе «Господа Головлевы» использует традиционный для русской классической литературы мотив самоубийства. Он рассматривает его в обычном, физическом контексте, рассказывая о гибели младших представителей семейства, которых толкает на этот шаг страх перед нищетой и желание убежать от ответственности за свои поступки.

Но наиболее интересным является способ реализации мотива самоубийства как inferнальное вмешательство в судьбы близких людей, сходное с полным бездействием по отношению к ним, но неизбежно приводящее к скорой и мучительной гибели всего рода. Поразительно, что каждое такое невмешательство разрушает Порфирия Владимировича и приводит к неминуемой расплате – осознанию собственной ничтожности и одиночеству, бессмысленности существования и накопительства и самое страшное, на отдаленность от Бога, именем которого всю жизнь совершал предательства и оправдывал гибель родных людей.

В романе мотив самоубийства сопряжен с упоминанием числа три, сакрального для христиан. Среди множественности его значений в контексте романа, как нам кажется, реализуется идея троекратного отречения Петра от Иисуса. Порфирий Владимирович, подобно апостолу, трижды оказывается перед выбором – предать или протянуть руку помощи нуждающемуся, стоящему на краю гибели. И трижды он принимает решение: отказывает обоим сыновьям, избавляется от третьего сына и, наконец, оставляет мать умирать. Подобные действия приводят к печальной развязке – гибель в одиночестве как результат нелепой жизни вне Бога и Его Заповедей.

Литература

- 1- Булгаков С. (1991). Булгаков С., прот. (1871—1944). *Православие. Очерки учения православной церкви* [Текст]: / С.Н. Булгаков, Киев, Изд-во «Льбидь».

- 2- Бушмин А.С. (1980). *М. Е.Салтыков-Щедрин. История русской литературы. В 4-х томах. Том 3.* Л., Изд-во «Наука», Глава 21.
- 3- Дворникова Е. (2011). *Духовно-нравственные ценности русской классической литературы // Журнал «Искусство и образование».* М., № 1. С. 6-32.
- 4- Камю А. (1993). *Бунтующий человек.* М., Изд-во «Политиздат».
- 5- Ларионова Н.П. (2016). *Православная икона в контексте романа «Господа Головлевы» М.Е. Салтыкова-Щедрина // Филологические науки. Вопросы теории и практики.* Тамбов, Изд-во «Грамота», № 6 (60): в 3-х ч. Ч.1. С. 34-37
- 6- Ларионова Н.П. (2011). *Тема предательства в романе М.Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы»//Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика.* Воронеж, № 2. С. 68-72.
- 7- Салтыков-Щедрин М.Е. (1988). *Собр. соч.: В 10-ти т. Т. 9,* М., Изд-во «Правда».
- 8- *Третье Слово в защиту св. икон прп. Иоанна Дамаскина.* (1996). Цит. По: Православное исповедание. М., Свт. Петр (Могила).

Bibliography

- 1- Bulgakov S. (1991). *Bulgakov S., prot. (1871—1944). Pravoslavie. Ocherki uchenija pravoslavnoj cerkvi* [Tekst]: / S.N. Bulgakov, Kiev, Izd-vo «Lybid».
- 2- Bushmin A.S. (1980). *М. Е.Салтыков-Щедрин. Историја русској литератури. В 4-х томах. Том 3.* Л., Изд-во «Наука», Глава 21.
- 3- Dvornikova E. (2011). *Duhovno-nravstvennye cennosti russkoj klassicheskoj literatury // Zhurnal «Iskusstvo i obrazovanie».* М., № 1. S. 6-32.
- 4- Kamju A. (1993). *Buntujushhij chelovek.* М., Изд-во «Politizdat».
- 5- Larionova N.P. (2016). *Pravoslavnaja ikona v kontekste romana «Gospoda Golovlevy» М.Е. Saltykova-Shhedrina // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki.* Tambov, Izd-vo «Gramota», № 6 (60): v 3-h ch. Ch.1. S. 34-37
- 6- Larionova N.P. (2011). *Tema predatel'stva v romane М.Е. Saltykova-Shhedrina «Gospoda Golovlevy»//Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filologija. Zhurnalistika.* Voronezh, № 2. S. 68-72.
- 7- Saltykov-Shhedrin M.E. (1988). *Sobr. soch.: V 10-ti t. T. 9,* М., Изд-во «Pravda».
- 8- *Tret'e Slovo v zashhitu sv. ikon prp. Ioanna Damaskina.* (1996). Cit. Po: Pravoslavnoe ispovedanie. М., Svt. Petr (Mogila).

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Larionova Natalya Petrovna (2018). The Motive of Suicide in the Novel by M.E. Saltykov-Shchedrin "The Golovlyov Family" in the Context of Christian Culture. *Issledovatel'skiy zhurnal russkogo yazyka i literatury.* 12(2):pp:227-239

DOI: 10.29252/iarll.12.227

URL: <http://journaliarll.ir/article-1-151-en.html>



موتیو (بن‌مایه) خودکشی در رمان م.ای. سالتیکوف-شدرین
«خانواده گالاولیوف» از دریچه فرهنگ مسیحیت

ناتالیا پترونو لاری‌اونووا^۱

استادیار زبان و ادبیات روسی انستیتوی تعاون کورسک شعبه دانشگاه تعاون، اقتصاد و حقوق بلگراد،
کورسک، روسیه.

(تاریخ دریافت: ژانویه ۲۰۱۸؛ تاریخ پذیرش: مه ۲۰۱۸)

در رمان «آقایان گالاولیوف» اثر م.ای. سالتیکوف-شدرین یکی از مهم‌ترین موضوعات، مسئله خودکشی است. این موضوع با اینکه در ادبیات روسیه متداول است، اما در این اثر به صورت نوینی تجلی می‌یابد. قهرمانان اثر از مشکلات تلنبار شده در زندگی‌شان (به عنوان نمونه والودیونکا با شلیک گلوله) یا از روی شرمساری و آبروی رفته (لیوبینکا با خوردن فسفر) اقدام به خودکشی می‌کنند. اما خودکشی قهرمان اصلی اثر - پارفیری گالاولیوف - از دغدغه‌های اصلی نویسنده است. این قهرمان از روش نامرئی برای پایان بخشیدن به زندگی خود استفاده می‌کند. نوع شیوه زندگی ایودوشکی وی را به سمت مرگ و نیستی هدایت می‌کند. او به صورت غیرآگاهانه خدا را در روح و وجود خود از دست می‌دهد. هر عمل و رفتار قهرمان اصلی رمان او را یک قدم از روشنایی دور و به تاریکی و ظلمت نزدیک‌تر می‌کند و روح او را در زندگی از بین می‌برد. خیانت مادر، برادران، پسران و حتی خدا او را هم‌تراز با یهودا اسخریوطی قرار می‌دهند.

واژگان کلیدی: گالاولیوف، موتیو (بن‌مایه)، خودکشی، ایودوشکا، خیانت، نمادهای مسیحیت.

کلید فرازیماتیک برای ساختارهای نامشی-کلامی زبان روسی کارگاه فرهنگ‌نویسی رایانه‌ای اصطلاحات

یوری گلباویچ فیداروشکوف^۱

دانشیار مؤسسه زبان و ادبیات‌شناسی روسی و اکراینی، دانشگاه میتسکوویچ پازنان،
پازنان، لهستان.

(تاریخ دریافت: مارس ۲۰۱۸؛ تاریخ پذیرش: سپتامبر ۲۰۱۸)

در مقاله حاضر مسئله وضعیت فرازیماتیک گروه‌واژه‌های نامشی-کلامی‌ای چون: عصبانی کردن، سر کار رفتن، برای چند لحظه به جایی سر زدن، رفتن به پشت بام، وارد صفحه اینترنتی شدن، که به‌عنوان «اصطلاحات و ترکیبات بالقوه» به‌شمار می‌روند، بررسی می‌شود. در فهرست مورد مطالعه بیش از هزار نمونه از اینگونه ترکیبات و ساختارهای زبانی وجود دارد. رویکرد مقاله حاضر تأکید بر استقلال و عدم وابستگی اینگونه ترکیبات و ساختارها در متن است. در اینجا رویکرد موردی برای هر ترکیب و ساختار فرازیماتیک اهمیت ویژه‌ای می‌یابد. این امر امکان ایجاد تجربه‌ای جدید را میسر می‌کند که با تکیه بر آن بتوان کار رایانه‌ای کردن تحلیل زبان‌شناختی را محقق ساخت. در مقاله موضوع امکان اتوماسیون تعیین وضعیت فرازیماتیک گروه‌واژه‌های نامشی-کلامی با استفاده از هوش مصنوعی (روش‌های machine learning) مطالعه می‌شود. روش‌های مورد مطالعه امکان تمایز خودکار گروه‌واژه‌های نامشی-کلامی از تعریف وضعیت فرازیماتیک هم در متون گوناگون زبان روسی و هم در مجموعه‌های متون موجود در رایانه را به دست می‌دهند.

واژگان کلیدی: واحد کنایه‌ای زبان، جابجایی، اصطلاح، مؤلفه دستوری، مورفوسیتناکسیس، مؤلفه دستوری سه‌گانه، یادگیری ماشینی، پردازش زبان طبیعی، رایانه.

یادگیری مقوله مؤنث زبان روسی توسط دانشجویان ایرانی

ناتالیا یوری یونا سانی کووا^۱

دانشیار دانشگاه دولتی آستراخان،

آستراخان، روسیه.

(تاریخ دریافت: فوریه ۲۰۱۸؛ تاریخ پذیرش: اوت ۲۰۱۸)

اسم‌های مشتق زبان روسی با معنای شخص مؤنث مقوله واژه‌ساختی مفهوم جنس مؤنث را تشکیل می‌دهند و به‌عنوان ابزارهای کلامی ثانویه‌ای هستند که به لحاظ ساختاری و معنانشناختی با اسامی با معنای شخص مذکر در ارتباط هستند. در ساختار واژه‌ساختی اسامی با مفهوم شخص مؤنث از پسوندهای مشتق شده خاص استفاده می‌شود و فرایند واژه‌ساختی اینگونه کلمات با تغییرات هجایی و آوایی بن کلمه همراه است. فراگیری ابزارهای زبانی بیان‌کننده مفهوم شخص مؤنث مشکلات فراوانی را برای دانشجویان ایرانی به‌وجود می‌آورد، چرا که در زبان فارسی به‌دلیل نبودن مقوله جنس از یک اسم برای بیان مفهوم شخص مؤنث و مذکر استفاده می‌شود. مقاله حاضر به ضرورت مطالعه و بررسی یادگیری اسم‌هایی می‌پردازد که دانشجویان ایرانی هنگام یادگیری زبان روسی برای بیان مفهوم شخص مؤنث استفاده می‌کنند. در مقاله موضوعاتی چون: ویژگی‌های ساختاری و معنایی پسوندهای اسامی مشتق با مفهوم شخص مؤنث، ابزارهای واژه‌ساختی مرتبط با این مقوله، پدیده‌های تغییر آوایی و هجایی در ساخت چنین اسامی، تمرینات ضروری در یادگیری و آموزش و تمرین این مقوله واژه‌ساختی که زمینه ارتقای سطح علمی زبان‌آموزان را فراهم می‌کنند، مطرح می‌گردند.

واژگان کلیدی: مقوله واژه‌ساختی، جنس مؤنث، جزء واژه‌ساختی، تمرین‌ها، مدل‌سازی، یادگیری.

اسامی مراسم فدیة (خرید) عروس در گویش‌های استان نیژنی‌نوگراد

اولگا والتینوونا نیکی فارووا^۱

دانشیار شعبه دانشگاه لابلانفسکی نیژنی‌نوگراد شهر آزاماس،
آزاماس، روسیه.

(تاریخ دریافت: ژانویه ۲۰۱۸؛ تاریخ پذیرش: سپتامبر ۲۰۱۸)

مقاله حاضر به بررسی و مطالعه ویژگی‌های قومی و فرهنگی واژه‌های آیینی در گویش نیژنی‌نوگرادی می‌پردازد. در مقاله نشان داده می‌شود که متون آیینی-گویشی، نه تنها ابعاد گوناگون زندگی مردمی را که به آن گویش سخن می‌گویند، منعکس می‌کند، بلکه اطلاعات زیادی در مورد نظام ارزش‌ها و سنت‌های جامعه آن گویش و فرهنگ به دست می‌دهد. در مقاله به بررسی یکی از بخش‌های مهم ولی منسوخ‌شده مراسم عروسی یعنی خرید و فروش پرداخته می‌شود. پژوهش نشان می‌دهد که مواردی چون: جهیزیه، حق سوار شدن در قطار عروسی، اجازه وارد شدن به خانه، نشستن در کنار عروس سر میز عروسی، خوردن نان عروسی، رختخواب عروسی و حق شب زفاف در مراسم عروسی بازخرید می‌شوند. به فهرستی از نام‌ها و عنوان‌های فدیة (خرید) عروس در گویش‌های استان نیژنی‌نوگراد نیز اشاره می‌شود: *áлом, áлы, вклáд, вы́говор, вы́водок, задáток, заклáд, залóг, запрóс, клáдка, настóл, налáды, на прáвское, отвéсье, подъя́ем, ря́да, сулѐны, настóльное, вы́говоренные дѐньги, клáдные дѐньги, клáдочные дѐньги, настóльные дѐньги, столóвые дѐньги, растрáтные дѐньги*. همچنین شایان ذکر است که در گویش‌های نیژنی‌نوگراد نام‌هایی که دلالت بر فدیة (خرید) عروس دارند با توجه به کم‌رنگ شدن تدریجی آداب و رسوم مربوط به فدیة (خرید) عروس دستخوش تغییرات معنایی می‌شوند.

واژگان کلیدی: گویش‌شناسی، گویش‌های نیژنی‌نوگراد، واژه‌های آیینی، واژه‌های آداب و رسوم عروسی، عناوین و اسم فدیة (خرید) عروس.

ویژگی‌های طبقه‌بندی دانش پیرامون جهان در اصطلاحات و ترکیبات پایدار

نادژدا نیکالایونا زاخارووا^۱

دانشیار دانشگاه دولتی تولا،

تولا، روسیه.

(تاریخ دریافت: اکتبر ۲۰۱۷؛ تاریخ پذیرش: ژوئیه ۲۰۱۸)

در مقاله حاضر به موضوع معناشناسی اصطلاحات و تعبیرات پرداخته می‌شود. در فرایند طبقه‌بندی و مقوله‌سازی دانش نه‌تنها درک ویژگی‌های اصلی مفهوم نقش دارد، بلکه اساساً با عنصر عاطفی موجود در آن مفهوم نیز در ارتباط است و باعث پیوند معنا و صورت می‌گردد. فرایند ساخت واحدهای کنایه‌ای و ترکیبات پایدار به مثابه فرضیه منحصربه‌فرد زایشی است که در فرایند فعالیت روزمره انسان با هدف ایجاد مفهوم و ابزار کلامی جدید برای بیان آن مفهوم است. با اضافه‌شدن مفهوم جدید کنایه‌ای به یک پدیده در حقیقت یک ویژگی جدیدی در مقوله‌سازی دانش ایجاد می‌شود. در نتیجه چنین مقوله‌سازی دانش، پیوند نقش نامشی و نقش بیان مفهوم کنایه‌ای در پدیده چندمعنایی واژه‌ها محقق می‌گردد. نویسنده در این مقاله نمونه‌هایی را ذکر می‌کند که بر اساس آنها ارتباط دو جزء معنایی واحدهای کنایه‌ای زبان اعم از جزء احساسی و عواطف و جزء معنای کنایه‌ای اثبات می‌شود و ابزار بیان مفاهیم کنایه‌ای برای بیان ویژگی‌های متمایزکننده یک پدیده از جهان مادی یا غیرمادی تعریف می‌گردد.

واژگان کلیدی: اصطلاحات و تعبیرات، واحدهای زبانی با مفهوم کنایه‌ای، معناشناسی اصطلاحات و تعبیرات، بعد کنایه‌ای معناشناختی، ویژگی مفهوم کنایه‌ای.

مشکلات ترجمه اشعار «جدید» روسی به زبان لهستانی

ایرینا الکساندروونا یرماشووا^۱
دانشیار، دانشگاه آدام میتسکوویچ پازنان،
پازنان، لهستان.

سکیسکی کشیشتاف^۲
دانشیار، دانشگاه آدام میتسکوویچ پازنان،
پازنان، لهستان.

(تاریخ دریافت: دسامبر ۲۰۱۷؛ تاریخ پذیرش: سپتامبر ۲۰۱۸)

ترجمه اشعار و آثار منظوم کار بسیار پیچیده‌ای است و حتی از دیدگاه برخی امری غیرممکن می‌نماید. با این حال مترجمان لهستانی همواره به اشعار روسی توجه داشته‌اند؛ امروز نیز شعر و آثار منظوم برای ایشان جایگاه ویژه‌ای دارد. به دلیل اسلاوی بودن این دو زبان در وهله اول شاید اینگونه به نظر آید که ترجمه اشعار از یکی از این زبان‌ها به زبان دیگر کاری آسان است اما این تصور نادرستی است. مهم‌ترین مسائلی که در مقاله حاضر به آنها پرداخته می‌شود، عبارتند از: الف. مشکلات ترجمه اشعار جدید روسی به زبان اسلاوی دیگر؛ ب. انتخاب استراتژی و شیوه مناسب ترجمه آثار منظوم جدید در ادبیات روسیه در لهستان امروزی. در پژوهش حاضر نمونه‌هایی از ترجمه کتاب *Wdrapalem się na piedestał. Nowa poezja rosyjska* (2013, Czarne) شامل مجموعه‌ای از آثار شانزده شاعر که آثارشان را از دهه ۵۰ سده گذشته تا به امروز خلق کرده‌اند، بررسی می‌شود. مؤلف این کتاب یژی چنخ، مترجم و روسیه‌شناس برجسته است. ویژگی بارز این کتاب که باعث بی‌نظیر بودن آن شده این است که در آن آثار منظوم و اشعار شاعران سال‌ها و دوره‌های گوناگون و شعرها و قالب‌های شعری گوناگون جمع شده است. مهم‌ترین آنها «روح سامیزدات» است که تاریخچه و آثار آن همواره مخاطب لهستانی را به خود مجذوب می‌کرده است. نمونه‌ها و مثال‌های انتخاب شده در پژوهش حاضر (از دیدگاه ترجمه‌شناختی و تطبیقی) می‌توانند در حل مسائل مربوط به موضوع ادبیات غنایی جدید روسی در لهستان امروزی راهگشا باشند.

واژگان کلیدی: سامیزدات، اشعار، ترجمه، مشکلات و پیچیدگی‌های زبانی، تلمیح، شعر کلاژ.

1. E-mail: erm-irka@yandex.ru

2. E-mail: kskibski@amu.edu.pl

مکاتبات تجاری: کاربرد، معنا، ویژگی‌های نحوی

ناتالیا یوری یونا گوریوا^۱

دانشیار، دانشگاه دولتی علوم انسانی روسیه،

مسکو، روسیه.

(تاریخ دریافت: ژانویه ۲۰۱۸؛ تاریخ پذیرش: ژوئن ۲۰۱۸)

مقاله به بررسی و مطالعه ویژگی‌های مکاتبات تجاری و بازرگانی روسیه معاصر می‌پردازد. در مقاله حاضر نقش و عملکرد متون نامه‌ها و مکاتبات تجاری که در ارتباطات شرکای تجاری کاربرد فراوانی دارد و از طرف دیگر موقعیت گفتاری این نوع مکاتبات به عنوان فرایندی که حاصل رویه شکل گرفته در ارتباطات و مناسبات تجاری سنتی و مدرن از گفتمان لیبرال و دموکراتیک جوامع نشأت می‌گیرد، بررسی می‌شود. تفسیر و تأویل متون مکاتبات تجاری، مفاهیم گوناگون نهفته در آنها، مضامین و درون‌مایه اطلاعات محتوایی در اینگونه از متون در پژوهش حاضر در قالب ارتباطات کلامی مشخص بررسی و مطالعه می‌شود. نقش طرفین مکاتبات و ارتباطات تجاری، فاصله کلامی و شیوه‌های ارتباط کلامی به کار رفته میان آنها در مقاله حاضر به‌عنوان یکی از اشکال برقراری ارتباط کلامی تحلیل و بررسی می‌شود. روش تحقیق در این پژوهش تحلیل ویژگی‌های معنایی مکاتبات تجاری است که نه تنها به درک و برداشت درست محتوای مکاتبات کمک کرده بلکه طرفین را در اتخاذ شیوه‌های راهبردی در برقراری ارتباطات کلامی و رسیدن به نتایج علمی درست یاری می‌دهد. مکاتبات تجاری در پژوهش حاضر، محصول ارتباطات تجاری است که تمام ویژگی‌ها و خصوصیات کلیشه‌های تجاری و بازرگانی را دارد و بر اساس برنامه از پیش تعیین شده شکل گرفته است.

واژگان کلیدی: مکاتبات تجاری، نامه تجاری، ارتباطات کلامی، معناشناسی زبانی، سبک گفتاری متن، فاصله گفتاری.

بررسی برخی ابعاد پدیده اقتباس در اصطلاحات فناوری‌های اطلاعات

ناتالیا نیکالایونا گانچارووا^۱

دانشیار دانشگاه دولتی تولا،

تولا، روسیه.

(تاریخ دریافت: فوریه ۲۰۱۸؛ تاریخ پذیرش: مه ۲۰۱۸)

مقاله حاضر به بررسی و مطالعه فرایندهای اقتباس اصطلاحات در زبان تخصصی فناوری‌های اطلاعات در دوره شکل‌گیری هسته اصطلاحات‌شناختی این حوزه در سال‌های ۵۰-۸۰ سده بیستم می‌پردازد و اقتباس‌های واژه‌شناختی و معناشناختی بررسی می‌شود. اقتباس معناشناختی خود به مواردی چون: معناشناختی کامل، معناشناختی جزئی و ثانویه و اقتباس واژه‌ساختی تقسیم می‌شود. اقتباس‌های معناشناختی به وام‌واژه‌ها با تمام ویژگی‌های آوایی و مورفولوژیکی و معناشناختی آنها اطلاق می‌شود. اقتباس معناشناختی به معنای انتخاب معادل واژگانی برای مفهوم اقتباسی در زبان مقصد است. کلیشه‌واژه‌ساختی به فرایندی گفته می‌شود که در آن ساختار واژه‌ساختی واژگان خارجی از طریق ترجمه هجا به هجا و ندها و ریشه‌های آن واژه‌ها به زبان روسی است. اقتباس معناشناختی جزئی، یا به عبارتی ثانویه، زمانی رخ می‌دهد که در دو زبان، واژه‌هایی با ساختار آوایی و هجایی مشابه وجود داشته باشند که معنای نزدیک به هم دارند. در مقاله شیوه متمایز کردن واژه‌های مشتق حاصل از تغییرات معنایی و اقتباس جزئی پیشنهاد می‌گردد. معانی متداول در زبان با معنای جدید آن به‌منظور تعیین وجود تغییرات معناشناختی با تکیه بر گسترش معنایی و آنگاه با معنای آن در زبان مبدأ مورد مطالعه تطبیقی قرار می‌گیرد.

واژگان کلیدی: زبان تخصصی فناوری‌های اطلاعات، اقتباس واژگانی، اقتباس معناشناختی، معناشناختی کامل، اقتباس ثانویه (معناشناختی جزئی)، اقتباس واژه‌ساختی.

بررسی تعامل و ارتباط عناصر شیئیت و کاربردشناسی معنی و مفهوم ضمیرهای مالکیت در زبان‌های بلاروسی و انگلیسی: مطالعه تطبیقی

اولگا الکساندروونا آرتیومووا^۱

دانشیار دانشگاه دولتی زبانشناسی مینسک،

مینسک، بلاروس.

(تاریخ دریافت: ژانویه ۲۰۱۸؛ تاریخ پذیرش: مه ۲۰۱۸)

این مقاله به تجزیه و تحلیل مقایسه‌ای ابزارهای کلامی بیان ضمیر در زبان‌های بلاروسی و انگلیسی برای بیان ضمائر شخصی، به‌عنوان یکی از مقوله‌های بسیار مهم ارتباط کلامی از آن جهت که ارتباط کلامی بدون اشاره به کنش‌گران در آن در تعامل کلامی امکان‌پذیر نیست، می‌پردازد. به‌طور سنتی، ضمائر شخصی و ملکی به‌عنوان اجزای اصلی تشکیل‌دهنده این مقوله زبانی بررسی می‌شود. این ضمیرها مفهوم هستی‌شناختی (ماهیت اشیا) و موقعیتی (موقعیت گفتاری معین) را در خود پیوند می‌دهند، اما در کنار مفهوم دوگانه، ضمائر در زبان‌های بلاروسی و انگلیسی نقش‌های دیگری نیز می‌پذیرند که گروه‌های گوناگون جامعه می‌توانند به‌صورت خودکار مفاهیم ریزتری را با آنها بیان کنند و در سه نوع موقعیت گفتاری قرار بگیرند: موقعیت گفتاری «خودی-بیگانه»، «خودی-غیرخودی»، «درست-نادرست». این موقعیت‌های گفتاری خود به کنش‌گران آن موقعیت‌ها کمک می‌کنند که به اهداف کلامی و زبانی خود در برقراری ارتباط کلامی در آن موقعیت گفتاری از طریق راهبرد همکاری و تعامل با آداب معاشرت در برقراری ارتباط، همگرایی، تعریف و تمجید، علاقه‌مندی و جذاب بودن ارتباط کلامی و راهبرد تقابل از طریق تهدید، تخریب موقعیت اجتماعی مخاطب در موقعیت گفتاری و ایجاد فاصله در آن برسند.

واژگان کلیدی: دیکسیس (شیئیت)، راهبرد و شیوه برقراری ارتباط، مقوله شیئیت، اشاره، ضمائر با مفهوم شیئیت.

راز داستان «عقاب سفید» نیکالای لسکوف

آلا آناتولیوینا نوویکووا-استروگانووا^۱

استاد دانشگاه دولتی تورگنیف آریول،

آریول، روسیه.

(تاریخ دریافت: دسامبر ۲۰۱۷؛ تاریخ پذیرش: ژوئیه ۲۰۱۸)

داستان عقاب سفید (۱۸۸۰م.) نوشته نیکالای سمینوویچ لسکوف (۱۸۹۵-۱۸۳۱م.) هنوز هم یکی از آثار پر رمز و راز این نویسنده و به صورت قابل توجهی نیازمند رمزگشایی ادبی است. در این مقاله به بررسی اصالت روش ادبی لسکوف پرداخته می‌شود که در این داستان تا حد زیادی از روش «واقع‌گرایی جادویی» داستایفسکی بهره می‌گیرد. در مقاله تجزیه و تحلیل متنی از داستان «عقاب سفید» به‌عنوان یک داستان با گرایش‌های مقدس مذهبی انجام می‌شود. ویژگی‌های مربوط به آثار داستانی مذهبی (کریسمس، سال نو، مذهب) تعیین و ژانر، طرح داستان، انگیزه‌ها، سیستم شخصیت‌های داستان و خاطرات بررسی می‌شود. همچنین ارتباط با سنت روسی و خارجی زبان مذهبی و دینی و نیز نوآوری و اصالت ادبی لسکوف در طرح نوآورانه موضوعات مذهبی و دینی در آثار مذهبی و دینی بررسی و مطالعه می‌شود. همچنین مسائل اجتماعی و سیاسی، فساد و ویژگی انعکاس آن در آثار ادبی نویسنده کلاسیک مطرح می‌گردد. در بررسی این داستان به موضوعات انجیل، آموزه‌های انجیل در مفهوم آثار ادبی لسکوف، که در حقیقت به‌عنوان کلید رمزگشایی و تأویل داستان «عقاب سفید» به‌شمار می‌رود، توجه ویژه می‌شود.

واژگان کلیدی: لسکوف، سنت کتاب مقدس (انجیل)، ویژگی‌های ژانر، داستان «عقاب سفید».

اسلاوهای باستان در آثار منظوم روسی سده نوزدهم

تاتیانا پترونا نسترووا^۱

استاد، دانشگاه میچورینسک،

میچورینسک، روسیه.

(تاریخ دریافت: سپتامبر ۲۰۱۷؛ تاریخ پذیرش: مارس ۲۰۱۸)

مقاله به بررسی شیوه‌های توصیف اسلاوهای باستان در آثار منظوم روسی سده نوزدهم که مانند ادبیات در مفهوم کلی آن، عاملی در خودآگاهی ملی آن عصر به‌شمار می‌رود، می‌پردازد. شاعران بر اساس درک خود از جهان و فرهنگ کهن مردم روسیه، مفهومی هنری و ادبی خلق می‌کردند که با آن، ویژگی‌های زمان مشخصی، پس از سده‌ها، قابل مشاهده است؛ از این طریق آنها به روشن شدن عمق متافیزیکی جهان روسیه به‌عنوان یک کل کمک کرده‌اند. شاعران آثار خود را در زمینه ایده‌های فلسفی درباره روسیه و مسیر آن در تاریخ جهان که در آن زمان وجود داشت، خلق می‌کردند. عناصر ارزشی زندگی اسلاوهای باستان به‌عنوان ویژگی‌های بارزی که آنها را از دوره قرن نوزدهم متمایز می‌ساخت و از دریچه آرمان‌های زندگی شاعران مورد بررسی قرار می‌گرفت به‌عنوان عوامل پیشرفت و ترقی افکار شاعرانه، زندگی مردم، سرنوشت سرزمین مادری‌ای که در آن زندگی می‌کرده‌اند، تجلی می‌یابد.

واژگان کلیدی: اسلاوهای باستان، شعر روسی، تاریخ، اسطوره‌شناسی، فرهنگ.

چکیده‌های فارسی

بررسی ترجمه اشعار شاعر گرجستان، باراتاشویلی به زبان روسی از دریچه ارتباطات فرهنگی

تامار آخمیدیانوونا گاگالادزه^۱

استاد دانشگاه دولتی گوری،

گوری، گرجستان.

(تاریخ دریافت: اکتبر ۲۰۱۷؛ تاریخ پذیرش: اوت ۲۰۱۸)

ترجمه ادبی به عنوان یکی از انواع فرایندهای ادبی آغازگر تفکر و مکتب ادبی جدیدی است که موجب توسعه ارتباطات بین فرهنگی می‌شود؛ ترجمه آثار ادبی نیکالاز باراتاشویلی (۱۸۱۷-۱۸۴۵م.) شاعر رمانتیک سده نوزدهم به زبان‌های گوناگون از این امر مستثنی نیست. هیچ‌کدام از آثار ترجمه شده او در زمان حیات شاعر چاپ نشده و کار ترجمه آثار او بعد از دهه بیست قرن گذشته با سرعت فزاینده‌ای انجام گرفته‌است. آثار ادبی باراتاشویلی را شاعران و مترجمان روسی و گرجستانی چون گاپرینداشویلی، پاسترناک، تساگارلی، دودین و دیگران به زبان روسی ترجمه کرده‌اند. فراخوان سراسری شوروی که در سال ۱۹۶۶ برگزار شد برای شاعران و ادیبان ملیت‌های مختلف این امکان را فراهم ساخت تا با تکیه بر ترجمه‌های آثار باراتاشویلی به زبان روسی این شاهکار گرجستانی را برای مخاطبان کشورهای گوناگون معرفی کنند، اما در میان ترجمه‌های روسی، آثار پاسترناک به دلیل نزدیکی بسیار آنها به زبان مخاطبان و خوانندگان معاصر اهمیت ویژه‌ای داشته‌اند.

واژگان کلیدی: ترجمه اشعار، واقعیت اجتماعی، باراتاشویلی، ترجمه روسی، زندگی ادبی.

1. E-mail: Tamilagoladze@gmail.com

برگ درخواست اشتراک

حق اشتراک سالانه: ۲۰۰۰۰ تومان

لطفا وجه مورد نظر را به شماره کارت ۶۰۳۷۹۹۱۱۸۱۸۶۵۶۸۸ یا حساب جاری فراگیر: ۰۲۱۲۱۱۵۵۲۵ بانک تجارت، شعبه کوی دانشگاه ۲۱۲۰، مؤسسه انجمن علمی ایرانی زبان و ادبیات روسی واریز و اسکن اصل فیش را به آدرس پست الکترونیک سردبیر مجله ارسال فرمایید:
myahya@ut.ac.ir

✂-----

 <p>انجمن ایرانی زبان و ادبیات روسی The Iranian Association of Russian Language and Literature</p>	<h3>برگ درخواست اشتراک</h3> <p>نام و نام خانوادگی / مؤسسه:</p> <p>شغل / نوع فعالیت: میزان تحصیلات:</p> <p>نشانی:</p> <p>تلفن:</p> <p>کد پستی: صندوق پستی:</p> <p>شماره‌های درخواستی از شماره تا شماره تعداد</p> <p>درخواستی از هر شماره: تاریخ:</p> <p>امضاء</p>
---	--

بر اساس نامه شماره ۱۳۹۲/۶/۱۶ مورخ ۳/۱۸/۸۷۵۶۴ / مورخ ۱۳۹۲/۶/۱۶ مدیرکل محترم دفتر سیاست‌گذاری و برنامه‌ریزی امور پژوهشی وزارت علوم، تحقیقات و فناوری در جلسه مورخ ۱۳۹۲/۵/۳۰ کمیسیون بررسی نشریات علمی کشور به «پژوهشنامه زبان و ادبیات روسی» نشریه انجمن ایرانی زبان و ادبیات روسی از شماره یک اعتبار علمی - پژوهشی اعطا شده است.

«پژوهشنامه زبان و ادبیات روسی» در پایگاه‌های ISC (پایگاه استنادی علوم جهان اسلام)، SID (پایگاه اطلاعات علمی جهاد دانشگاهی)، پرتال جامع علوم انسانی، سیویلیکا و ResearchBib نمایه می‌شود و مقالات آن قابل دسترسی است.

«پژوهشنامه زبان و ادبیات روسی» از تاریخ ۲۶ ژانویه ۲۰۱۶ در پایگاه استنادی علوم روسیه (رینتس؛ elibrary.ru) با شماره ۱۶/۲۰۱۶ - ۱۸ نمایه شده است و در آدرس زیر قابل مشاهده است.

http://elibrary.ru/title_about.asp?id=56226

پژوهشنامه زبان و ادبیات روسی

پژوهشنامه زبان و ادبیات روسی با هدف انتشار پژوهش‌های اصیل با موضوعات مرتبط با زبان و ادبیات روسی در ایران منتشر می‌گردد و با توجه به عنوان نشریه در حوزه‌های مربوط به زبان روسی، ادبیات روسی، ادبیات تطبیقی، زبانشناسی همگانی، زبانشناسی تطبیقی، آموزش زبان روسی، جامعه‌شناسی و روانشناسی زبان روسی، ترجمه و..... مقاله می‌پذیرد.

راهنمای نگارش و شرایط پذیرش مقاله

- مقالات ارسالی به مجله باید حاصل تحقیق و پژوهش نویسنده یا نویسندگان مقاله باشد.
- زبان مجله روسی است.
- مقاله در مجله دیگری چاپ نشده باشد و همزمان برای مجلات داخلی و خارجی ارسال نشده باشد. مجله از پذیرش مقالات رد شده در مجلات دیگر معذور است.
- ساختار مقاله شامل عنوان؛ چکیده «۱۲۰ تا ۱۴۰ کلمه» و واژگان کلیدی «۵ تا ۷ کلمه» (عنوان، چکیده و واژگان کلیدی به زبان‌های روسی، فارسی، انگلیسی)؛ مقدمه؛ متن اصلی؛ نتیجه‌گیری و فهرست منابع (به زبان‌های روسی و انگلیسی) ارجاع داده شده در متن مقاله، باشد. متن اصلی نباید کمتر از ۳۰۰۰ و بیش از ۴۰۰۰ واژه باشد.
- صفحه عنوان مقاله دارای عنوان کامل مقاله، نام و نام خانوادگی، دانشگاه و مرتبه علمی، تلفن و نشانی پست الکترونیکی (دانشگاهی) نویسنده (یا نویسندگان) باشد.
- ارجاعات در متن مقاله در میان دو کمان (،)، شامل نام خانوادگی نویسنده، سال انتشار منبع و شماره صفحه باشد (ایوانوف ۲۰۱۳، ۹۲).
- منابع مورد استفاده در متن به ترتیب الفبایی نام خانوادگی پدیدآورندگان، به شکل زیر تنظیم شود:
- کتاب: نام خانوادگی، نام؛ تاریخ انتشار (داخل پرانتز)؛ عنوان اثر اصلی و فرعی با خط کج (ایتالیک)؛ محل نشر: ناشر.
- مقاله: نام خانوادگی، نام و تاریخ انتشار داخل پرانتز؛ عنوان مقاله؛ نام مجله یا مجموعه مقالات ایتالیک؛ دوره یا سال و شماره برای مجله، محل نشر و ناشر برای مجموعه مقالات صفحه شروع و پایان مقاله.
- منابع اینترنتی: نام خانوادگی، نام؛ عنوان اثر؛ نشانی کامل پایگاه اینترنتی، تاریخ مراجعه به سایت.
- مجله حق رد، چاپ و ویرایش مقالات را برای خود محفوظ دانسته و از برگرداندن مقالات دریافتی معذور است.
- مقاله ارسالی با برنامه "Word 1997-2003" و قلم Times New Roman، اندازه حروف ۱۴ با فاصله ۱/۵ بین سطور، فاصله بالا و پایین صفحه ۲/۵ سانت، فاصله چپ ۳ سانت، فاصله راست ۱/۵ سانت و فاصله برای شروع پاراگراف ۱/۲۵ سانت باشد.
- مقاله به صورت فایل ضمیمه (Word 1997-2003) همزمان به پایگاه نشریه و به آدرس سردبیر myahya@ut.ac.ir ارسال شود.
- برای اطلاعات بیشتر به صفحه نشریه به آدرس <http://www.journaliarll.ir> مراجعه فرمایید.

اعضای مشورتی هیأت تحریریه (بین‌المللی):

استیفان آلو، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه ورونا (ورونا، ایتالیا)

ماری آن برودا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه لودز (لودز، لهستان)

کادزهیکو ساوادا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی سایتاما (سایتاما، ژاپن)

تاتیانا آکساندرونا کاشمچوک، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه کشاورزی سن پترزبورگ
(سن پترزبورگ، روسیه)

والری ولادیمیریچ لپاخین، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه سگد (سگد، مجارستان)

یوردان دیمیتروف لوتسکانف، دانشیار زبان و ادبیات روسی انستیتو ادبیات آکادمی علوم
بلغارستان (صوفیه، بلغارستان)

آکساندر واسیلیویچ ماتورین، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی یارسلاو مودری
نیژنی نوگراد (نیژنی نوگراد، روسیه)

ایرین یگورونو مادابادزه، استاد پژوهشی زبان و ادبیات روسی انستیتو ادبیات گرجی شوتا
روستاوولی (تفلیس، گرجستان)

فیروزه عبدالله یونا ملویل، استاد زبان و ادبیات فارسی، مدیر بخش پژوهش‌های ایران‌شناسی
دانشگاه کمبریج (کمبریج، انگلستان)

آنجلیکا مولنار، دانشیار زبان و ادبیات روسی دانشگاه مجارستان غربی (سمباتهی، مجارستان)

مهرالنساء نغریبیکووا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه ملی تاجیکستان (دوشنبه،
تاجیکستان)

میشل نیک یو، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه کان، نورماندی (کان، فرانسه)

ناتالیا پترونا ویدماروویچ، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه زاگرب (زاگرب، کرواسی)

پژوهشنامه زبان و ادبیات روسی

(دو فصلنامه علمی-پژوهشی)

نشریه انجمن ایرانی زبان و ادبیات روسی

اعضای هیأت تحریریه

روسلان احمدشین، دانشیار زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی مسکو (ام.گ.او)، روسیه
میرلا احمدی، دانشیار زبان و ادبیات روسی دانشگاه تربیت مدرس، ایران
یلنا زاویالووا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی آستراخان، روسیه
سوتلانا شوستووا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی تحقیقات ملی پرم، روسیه
حسین غلامی، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه تهران، ایران
المیرا قاضی‌یوا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی پیتی‌گورسک، روسیه
ولادیمیر کاتلنیکوف، استاد زبان و ادبیات روسی انستیتو ادبیات روسی «خانه پوشکین»
آکادمی علوم روسیه، بخش ادبیات نوین روسی. سن پترزبورگ، روسیه.
جان‌اله کریمی مطهر، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه تهران، ایران
والینتین گالوین، استاد زبان و ادبیات روسی انستیتو ادبیات روسی «خانه پوشکین»
آکادمی علوم روسیه، سن پترزبورگ، روسیه.
محمد رضا محمدی، دانشیار زبان و ادبیات روسی دانشگاه تربیت مدرس، ایران
مرضیه یحیی‌پور، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه تهران، ایران
تامارا یروفی‌یوا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی تحقیقات ملی پرم، روسیه

مدیر مسئول: جان‌اله کریمی مطهر

سردبیر: مرضیه یحیی‌پور

مدیر داخلی: مهدی محمدبیگی

مدیر اجرایی: پروین عزیززاده

ویراستار علمی روسی: سوتلانا شوستووا

ویراستار فارسی: مهیود فاضلی

صاحب امتیاز: انجمن ایرانی زبان و ادبیات روسی

چاپ و صحافی: انتشارات دانشگاه تهران

آدرس: دانشگاه تهران، دانشکده زبانها و ادبیات خارجی، اتاق ۲۳۵

تلفن: ۰۲۱-۶۱۱۱۹۱۲۰؛ فاکس: ۰۲۱-۲۲۱۴۳۸۵۹

شاپا چاپی: ۲۴۹۸-۲۳۴۵

شاپا الکترونیکی: ۳۵۰۰-۲۴۷۶

بها: ۱۰۰۰۰ تومان

تهران - ایران

وبسایت: <http://www.journaliarll.ir>



فهرست

- بررسی ترجمه اشعار شاعر گرجستان، باراتاشویلی به زبان روسی از دریچهٔ ارتباطات فرهنگی
۱۱ تامار آخمدیانوونا گاکالادزه
- اسلاوهای باستان در آثار منظوم روسی سدهٔ نوزدهم
۲۹ ناتیا پترونا نستروا
- راز داستان «عقاب سفید» نیکالای لسکوف
۵۱ آلا آناتولیوونا نوویکووا-استروگانوا
- بررسی تعامل و ارتباط عناصر شیئیت و کاربردشناسی معنی و مفهوم ضمیرهای مالکیت در زبان‌های
۷۱ بلاروسی و انگلیسی: مطالعه تطبیقی
اولگا الکساندروونا آرتیومووا
- بررسی برخی ابعاد پدیدهٔ اقتباس در اصطلاحات فناوری‌های اطلاعات
۸۷ ناتالیا نیکالایوونا گانچارووا
- مکاتبات تجاری: کاربرد، معنا، ویژگی‌های نحوی
۱۱۱ ناتالیا یوری‌یونا گوریوا
- مشکلات ترجمه اشعار «جدید» روسی به زبان لهستانی
ایرینا الکساندروونا پرماشووا؛
۱۳۳ سکیسکی کشیششاف
- ویژگی‌های طبقه‌بندی دانش پیرامون جهان در اصطلاحات و ترکیبات پایدار
نادژدا نیکالایوونا زاخارووا
۱۵۵
- اسامی مراسم فدیهٔ عروس در گویش‌های استان نیژنی‌نوگراد
اولگا والتینوونا نیکی‌فارووا
۱۷۳
- یادگیری مقولهٔ مؤنث زبان روسی توسط دانشجویان ایرانی
۱۸۷ ناتالیا یوری‌یونا سانی‌کووا
- کلید فرازیماتیک برای ساختارهای نامشی-کلامی زبان روسی کارگاه فرهنگ‌نویسی رایانه‌ای
اصطلاحات
۲۰۹ یوری گلباویچ فیداروشکوف
- موتیو (بن‌مایه) خودکشی در رمان م.ای. سالتیکوف-شدرین «خانواده گالالیوف» از دریچه فرهنگ
مسیحیت
۲۲۷ ناتالیا پترونا لاری‌اونووا